

МИХАИЛ ЗАРУБИН

МИХАИЛ ЗАРУБИН

ЖУРАВЛИ

Журавли
РАССКАЗЫ • ПОВЕСТЬ

12+

Михаил Константинович Зарубин

Журавли. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67903842

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга прозы известного Санкт-Петербургского писателя, лауреата многих литературных премий Михаила Константиновича Зарубина «Журавли» состоит из рассказов и повести, объединенных местом действия, героями, духовными и нравственными смыслами. Книгу можно назвать исторической и автобиографической. Гармоничное единение разновременных пластов является особенностью авторского мировоззрения и творческого метода. Действие происходит в Восточной Сибири во времена и стародавние, и современные, которые в рассказах соединяются так же проникновенно и естественно, как в сердце писателя, исполненном любви к своему родному краю, к великой Родине России. Эта познавательная, увлекательная книга, написанная ярким, образным языком, будет интересна широкому кругу читателей, особенно молодому поколению.

Содержание

Под знаком вечности	5
Часть I	13
Журавли	15
Не отдам	24
Где живет солнце	48
Зимой сорок пятого	57
Опиум для народа	75
Дело совести	81
Часть II	96
Юбилей	97
Пионерский галстук	102
Второй раз в первый класс	109
Колхозный горох	116
За дровами	120
Поджигатель	125
Смерть Сталина	129
Сенокос	133
Настоящее лето	133
Седло	135
Щука	138
Медведь	139
Расставанье	143
Взятие снежной крепости	149

Дело о подрывной деятельности	154
Проба пера	158
Как кололи свинью	165
Перекур	168
Часть III	178
Малая родина	179
Самая красивая деревня	183
Гонец из юности	191
Мгновения для души	201
Пробужденное пространство	216
Глава 1. Первопроходцы	216
Предестинация	216
Путь не близкий	223
«Твоею благодатию спутьшествуй»...	229
Кеуль, Невон и Симахинский порог	233
Митрич	249
Плыть хочется	259
Глава 2. Пути, которые нас выбирают	272
Письмо	273
Улица «Приморская»	281
У воды текучей	291
Ты хочешь знать, куда я еду?	299
Илимский острог	306
Володиша, Степа и Килька	320
Самая лучшая песня	338
Горизонт без края	345

Михаил Зарубин Журавли. Рассказы

Под знаком вечности *О книге Михаила Зарубина «Журавли»*

Радостно, когда в нашу бурную, переворотную эпоху постоянно меняющихся законов и смыслов выпадает счастье видеть сущности незыблемые, символизирующие традицию и Вечность. Так же радостно, как Пушкину в своем путешествии в Арзрум было отрадно увидеть через многие годы на том же месте и в той же величественной красоте Кавказские хребты. *«В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры девять лет назад. Они были все те же, все на том же месте. Это – снежные вершины Кавказской цепи»* (А. С. Пушкин «Путешествие в Арзрум»). Книга санкт-петербургского прозаика, лауреата многих литературных премий Михаила Зарубина «Журавли» дает нам такое счастье. Созданная на основе личных воспоминаний, облеченных в проникновенную художественную форму, состоящая из рассказов о послевоенном детстве писателя, эта книга ведет за собой читателя к горизонтам прошлого, к укры-

тым за облаками времени нравственным вершинам, которые за этими облаками не померкли и в наше время не изменили ни высоты, ни весомости.

Название-образ «Журавли» сразу задает читателю координаты присутствия и точку зрения в изображаемом автором мире. Редко мы видим журавлей на земле, чаще в небе, когда трепетной цепью они или улетают, или возвращаются в родные края. Скажи – журавли, и в памяти тотчас возникают будоражающие душу их клики, определяющие осознание временности нашего бытия, символизирующие одновременно скоротечность времени и его неистощимость, сопричастность Вечности. Название сборника заставляет читателя повернуть голову к небу, требует расширения угла зрения и горизонта видения. Это расширение необходимо для воплощения замысла автора, который, может быть, даже не подозревая сам, вплотную подходит к разрешению древней антиномии с ее эмпирически противоречивым и одновременно логически равноправным обоснованием: изображение «нарастания» и «убывания» жизни одновременно в пространстве одного художественного произведения. Автор книги добивается этого совмещением двух противоположных зрительных позиций, соединяя две противоречивые перспективы – внутреннюю и внешнюю, пространство земное и небесное, закон Божий и опыт человеческий.

Журавли, облака, река Илим – это не просто реальные, натуралистические детали, в разнообразных состояниях при-

сутствующие в произведении, но символические границы, разграничивающие и соединяющие миры видимые и незримые, в вероятном в перспективе их единении. Соприкосновение в высоком духовном напряжении двух разнородных пространств мы видим в первой главе книги, названной «Мама». Здесь содержатся рассказы, посвященные матери автора, крестьянке Анне. Хотя вся книга озарена светом ее облика, нигде более, как в этих воспоминаниях, писатель не выказывает ей такого искреннего восхищения и поклонения.

«Белизна ее лица была белее, чем у остальных женщин деревни. Это была даже не белизна, не бледность – это было сияние. Так сияют в весеннем поднебесье крылья журавлей или в осеннем ночном небе далекие созвездия. Красота ее была несомненной, непререкаемой, не вызывающей соперничества и пересудов. В свои сорок с небольшим лет она была стройна и грациозна. Откуда у деревенской женщины, занимающейся тяжелым физическим трудом, была эта небесная грация? Грация печальной трепетной птицы. Легкая, летящая походка казалась врожденной, она не шагала по земле, как все остальные крестьянки ее возраста, а как будто скользила, касаясь поверхности только кончиком ступни. Так сказочная царевна-лебедь скользит по глади вод. Ее не утяжеляли ни грубые сапоги, ни стеганая телогрейка, которая в стремительном движении распахивалась, и полы ее, как крылья, трепетали на встречном ветру».

В рассказах, посвященных матери главного героя повест-

вования Мишки, являющегося своего рода художественным двойником автора, много бытовых деталей, повседневных отношений. Дом, его скромный даже по послевоенным меркам интерьер, домашние животные, поля и огороды – предстают перед читателем в естественной перспективе в натуральную величину, символизируют пространство внутреннее, жизнь видимую. Автор с гоголевскими многоцветной живописностью, фантастичностью, с верой в идеально-прекрасный мир, с легкой иронией описывает быт своего нелегкого детства, вовлекает в пространство бытия маленькой, потерявшейся в таежных лесах деревушки читателя, с удовольствием присоединяющегося к этому познавательному путешествию в другие земли и времена. Но к образу матери художник читателя близко не подпускает, да и сам взирает на нее из глубины своего сегодняшнего понимания законов существования с отстранением, с поклонением святости, смотрит на мать, как на явление иного мира, иной величины. Литературными средствами писатель достигает эффекта обратной перспективы, изображает хрупкую физически, скромную маленькую женщину в аскетике вечности, как символ сохранения и «нарастания» жизни, несмотря на то, что выпала ей по судьбе трудная жизнь и ранняя тяжелая смерть. Эта жизнь явилась не только источником, но и примером жизни сыну. Художественный образ Анны, оставившей своего любимого Мишку сиротой в 14 лет, кажется много выше и светлее всех остальных персонажей повествования благо-

даря не только внешней красоте, но сердечным и духовным качествам этой женщины, не знавшей компромиссов с совестью, склонявшейся не пред обстоятельствами, а только пред образом Божиим. Автор не пишет подробный портрет своей матери, но поэтическими средствами, не обрывая ее связи с земными и небесными ипостасями бытия, можно сказать опосредованно, передачей субъективного пространства ее существования выходит на объективные уровни и обобщения этого образа.

«Помню, как однажды, заслышав курлыкание журавлей, моя красавица, моя ненаглядная мама остановилась, запрокинула голову, прислушалась и тихонечко запела. Это была даже не песня, это было прославление бытия – негромкое, стеснительное, но величественное в своей искренности, сливающееся с близким журчанием остывающего под лучами осеннего солнца ручейка.

И тогда мне она показалась ангелом, залетевшим в трудные таежные края из неведомого мира, где нет смерти. Где солнце не заходит за горизонт, и огромные маки на гибких высоких стеблях алым своим оперением трепещут в небесных высях...»

Вторая глава книги «Детство» целиком посвящена внутреннему пространству жизни. Автор показывает своего героя постигающим простые ее правила, которые на деле требуют от подростка немалых усилий. Нравственное становление взрослого человека складывается из осознания на

собственном опыте понятий чести, совести, верности, дружбы, многих проявлений любви. Эта глава солнечная, веселая, жизнеутверждающая, свидетельствует о закономерностях необходимости, о неписанных, но подлинных правилах жизни. А как говорится, подлинность является свойством наследия (Джон Рескин).

Своим наследием, своим великим богатством Михаил Зарубин считает Отечество. Родине большой и малой посвящена следующая глава книги – «Родина», в которой, так же как в первой части, писатель использует приемы «обратной перспективы». В рассказе «Самая красивая деревня» свой родной край герой рассматривает с высоты птичьего полета, с высоченного угора, так что домики кажутся маленькими, река – узкой ленточкой, а тропинки почти не видны. Но находит автор такие слова, так выстраивает диалог подростка с бывшим солдатом, повидавшим за войну лучшие города Европы, что не остается сомнения, что, действительно, Мишкина деревня – лучшее место в мире. Потому что герой здесь родился, познал законы красоты, обладающей не только совершенной формой, но и духовным содержанием. И достигает высот невидимых, заоблачных маленькая таежная деревенька в сиятельных красках любви, превышая все высоты мира. Именно ее красота озаряет вечным светом правды трудный, восходящий к вершинам мастерства жизненный путь героя рассказов.

Повесть «Пробужденное пространство» в сборнике име-

ет самостоятельное звучание, хотя отчасти связана с сюжетом предшествующих рассказов. Ее можно назвать исторической, так же как и автобиографической. Гармоничное единение разновременных пластов является особенностью авторского мировоззрения и творческого метода. В первой части повести Михаил Зарубин рассказывает о нескольких этапах знаменитой, задуманной Петром Великим Первой Камчатской экспедиции, о ее задачах, достижениях, о сложных, иногда трагических событиях, сопровождавших выдающиеся открытия. Главные герои повествования не только славные морские офицеры, чьи имена сохранились в истории Отечества, но и простые русские мастеровые люди, корабли, об их трудных судьбах автор говорит с большой теплотой и сочувствием. Писатель восхищается суровой красотой Сибирской земли, теми местами, где он сам родился и вырос, – величественной тайгой, знаменитыми водными путями России – «Божьими дорогами» Руси – царственным Енисеем, непокорной Ангарой, мудрым Илимом. Вторая часть повести посвящена нашим современникам, которые осознают, что связаны неразрывным духовным и кровным родством со своими далекими предками.

Произведения Михаила Зарубина в сборнике «Журавли» динамичны, современны, повторяющиеся в разных метафорических и символических интерпретациях наглядные образы способствуют выражению весьма важного, обобщенного содержания, проявляющегося в обыденных ситуациях,

простых поступках и присущих любому человеку переживаниях. Несмотря на то что писатель рассказывает о временах минувших, для молодого читателя далеких, внутренний смысл повествования актуален, потому что это книга о временной, убывающей человеческой жизни, проходящей под знаком Вечности, ею направляемой и спасаемой. Но это книга и о неизбежности жизни, о ее нарастании в границах веры, верности и любви.

*Валентина ЕФИМОВСКАЯ,
член Союза писателей России,
член Российской академии естественных наук*

Часть I

Мама

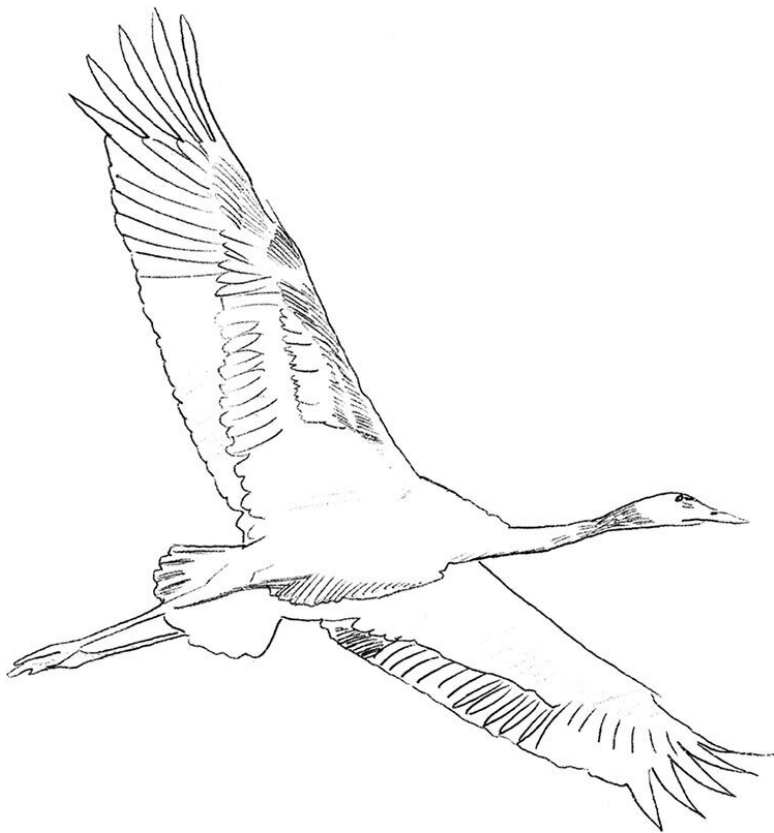
Белизна ее лица была белее, чем у остальных женщин деревни. Это была даже не белизна, не бледность – это было сияние. Так сияют в весеннем поднебесье крылья журавлей или в осеннем ночном небе далекие созвездия. Красота ее была несомненной, непререкаемой, не вызывающей соперничества и пересудов. В свои сорок с небольшим лет она была стройна и грациозна. Откуда у деревенской женщины, занимающейся тяжелым физическим трудом, была эта небесная грация? Грация печальной трепетной птицы. Легкая, летящая походка казалась врожденной, она не шагала по земле, как все остальные крестьянки ее возраста, а как будто скользила, касаясь поверхности только кончиком ступни. Так сказочная царевна-лебедь скользит по глади вод. Ее не утяжеляли ни грубые сапоги, ни стеганая телогрейка, которая в стремительном движении распахивалась, и полы ее как крылья трепетали на встречном ветру.

Помню, как однажды, заслышав курлыкание журавлей, моя красавица, моя ненаглядная мама остановилась, запрокинула голову, прислушалась и тихонечко запела. Это была даже не песня, это было прославление бытия – негромкое, стеснительное, но величественное в своей искренности, сли-

*вающееся с близким журчанием остывающего под лучами
осеннего солнца ручейка.*

*И тогда мне она показалась ангелом, залетевшим в труд-
ные таежные края из неведомого мира, где нет смерти. Где
солнце не заходит за горизонт, и огромные маки на гибких
высоких стеблях алым своим оперением трепещут в небес-
ных высях...*

Журавли

В этот раз Мишка с матерью потратили на сбор брусни-

ки больше времени, чем обычно, – целый день. На их постоянном месте у Малой речки кто-то ее уже обобрал, прошелся по ягоднику с варварством бульдозера. Ягоду брали наверняка браконьерским способом – совком. Веточки-крохотульки замяты, глянцевые листики безжалостно потоптаны, многие кустики с корнями вырваны. Пришлось идти к Россохе, но и там нетронутых полян не нашлось, одни оборыши. С полупустых участков за день с трудом набрали по ведру, но благодаря этому в турсуках¹ осталось место для рыжиков, которые год от года селились в еловом лесу возле большого болота. Наполненный ягодами и грибами Мишкин турсук был тяжел, лямки врезались в плечо, и мальчик то и дело оттягивал их руками, ослабляя давление и давая отдохнуть уставшим плечам. Мать, видя это, часто делала остановки, поглаживала плечи сына и приговаривала:

– Своя ноша не тянет...

– А какая тянет, мама?

– Чужая, – улыбалась мать.

– Разница-то какая?

– Значит, есть разница, раз говорят. Потерпи немного, Миша, сейчас до кулиги² дойдем, а там по полю, и считай, что дома.

¹ Турсук (вост. – сиб. диалект) – берестяной кузовок, используемый для сбора грибов и ягод.

² Кулига – раскорчеванное место или часть поля, расчищенного для земледелия.

– Далеко еще, – вздыхал Мишка.

Чтобы подбодрить сына, мать время от времени говорила:

– Посмотри, сынок, какая красота вокруг. Не налюбуйешься.

Они садились на теплую лесную подстилку, мать очерчивала рукой возле себя какой-то незримый полукруг, словно хотела заключить в него и приблизить к сыну все самые, на ее взгляд, красивые места. Простая деревенская женщина, она всегда старалась поделиться с людьми своей радостью, вовлечь все окружающее в поле своего тепла и света. Иногда она делала не совсем понятные для Мишки вещи: осторожно пригбала к его лицу веточку осины и восторженно говорила:

– Миша, посмотри, как солнечный лучик высвечивает осиновый лист, каждую жилку. И цвет листа меняется. Видишь: веточка стала похожа на золотой ручеек... Какая же красота в природе!

Они любовались еще невиданными красками леса. Казалось, этой осенью они совсем не такие, как прошлой. Желтые нынче стали совсем золотыми, красные – клюквенно-брусничными, а зеленые были каменно-холодными, малахитовыми.

– Миша, ты только прислушайся! Чего только не услышишь в лесу! Слышишь, как журавли кричат? Это они в чужие земли собираются. А что это за скрип – знаешь? Это скрипят старые деревья, вроде бы чувят лютую зиму. Ты ду-

маешь, деревья нам даны только для того, чтобы печки топить да дома строить? Нет, сынок. Они еще и почву лесную оберегают, сбрасывают листву на землю, укутывают ее теплым одеялом, чтобы не промерзала в морозы. Ведь в ней должны перезимовать и корешки, и зернышки. А вот посмотри, какие сосны-красавицы. В старину из них делали военные корабли. Так они и называются – корабельные сосны.

Мать брала Мишку за руку, и они шли дальше, вдохновленные близостью деревни. Но сынишка уж слишком устал. Увидев на дороге сухую сосновую ветку, мать подняла ее, укоротила, обломала сучья и подала Мишке.

– Вот тебе посох.

– Я же не дед какой-то!

– С посохом и молодые ходят, лишняя опора в лесу не помешает.

После первой сотни шагов спросила Мишку:

– Ну как?

– Здорово. Так легче, и правда. Спасибо.

– Спроси любого старика в деревне, он тебе то же самое скажет. Никто из них в лес без палки не пойдет.

Так за разговорами и с небольшими передышками добрались они до кулиги. Поле открылось сразу, за поворотом, и мгновенно ослепило чудесным видением. Мать схватила Мишку за руку и, приложив к губам палец, оттащила сына на несколько шагов назад. Прижав к себе Мишку, она восхищенно выдохнула:

– Журавли...

– Да, – прошептал он. – По всему полю.

Через ветки маленьких елочек было хорошо видно, что все поле, протянувшееся от леса до реки, было занято журавлями. Птицы были в движении: кто-то важно вышагивал на длинных палочках-ножках, похожих на ходули, кто-то выискивал мышонка-лягушонка, или что-то еще съестное, на недавно скошенном поле.

Мишка впервые увидел такое множество журавлей.

– Зачем они здесь, мама?

– В дорогу собираются. Перед отлетом вожак привел свою стаю попасть на скошенном поле, они здесь наедаются впрок, склевывают опавшее зерно. Сил набираются.

– Подойдем ближе.

– Нельзя, Миша, журавль – осторожная птица. Видишь, летает парочка. Это дежурные, они наблюдают за округой. Как только мы выйдем на поляну, вся стая поднимется и улетит.

– И что делать? У нас же нет другой дороги.

Мать замолчала и после недолгого раздумья сказала, как о деле решенном:

– Придется идти через лес, Миша.

– Но это же такой крюк!

– Да, крюк, но журавлей пугать не будем. Жалко их. Ты не представляешь, какая трудная и опасная дорога их ожидает. Не все долетят до южных земель, не все весной вернутся об-

ратно. Пусть еще немного отдохнут на родной земле.

Мишка не стал спорить, он знал, что если мать решила сделать доброе дело, то не изменит решения, и даже Мишкины слезы не помогут. Колени не сгибались, плечи ныли, спина болела, а путь в обход был в два раза длиннее, чем через поле. Чтобы облегчить Мишкины страдания, мать взяла его посох, один конец положила на плечо сыну, другой – на свое, разместив турсук посередине. Друг за другом, гуськом, так они и пошли по окружному пути.

На очередном привале мать, прижав Мишку к себе и вытянув ноги, стала разминать онемевшую кисть правой руки. Потом печально сказала:

– Знаешь, Миша, журавли – самые мои любимые птицы, они похожи на людей. Красивые, верные друг другу. Они и чувства свои выражают, как люди. Запомнился мне один случай. Давно это было, когда мы с твоим отцом еще только собирались пожениться.

– До войны?

– Конечно, до войны, после нее забот слишком много было, некогда следить за журавлями. Только в небе их и видели. Так вот весной, когда они вернулись из теплых краев на свою поляну, мы с твоим отцом видели редкое зрелище – журавлиный танец.

– Они танцуют? – удивился Мишка.

– Очень красиво танцуют! Соберутся в кружок, один или два выходят на середину и начинают пируэты выделывать.

Сначала слегка подпрыгивают. Потом пускаются в настоящий пляс, даже коленца выкидывают, да такие, что помрешь со смеху. И кружатся, и прыгают, и крылья распластывают, и вприсядку идут, будто трепака отплясывают на своих хо-дулях. А те, что по кругу стоят, не просто смотрят, а тоже в такт притопывают и крыльями прихлопывают.

– Ты же сама говорила, что они близко к себе не подпускают, а ты все это рассматрела.

– Случайно, Миша. Так уж Бог дал, вернее, показал перед грядущими испытаниями. Наверное, чтобы сильнее мы свою землю любили. Не знали мы, что скоро многим придется идти за нее умирать. А чем сильнее Родину любишь, тем нещаднее врага бьешь и в победе не сомневаешься. Вот Господь нас и сподобил – чудо такое показал. Может, память об этом журавлином танце помогала твоему отцу и воевать, и побеждать.

– Мама, а какая польза от журавлей?

– Журавль – птица не промысловая, его не едят. В нашей деревне в мою бытность никто журавлей не обижал. Если Господь дал ему жизнь, значит, нужен он нам. Да и как же без него? Не представляю без журавля ни осени, ни весны. Журавлиный клин – как стрелка на циферблате. А красота-то какая! Как кричат они перед отлетом! Очень печально кричат, любое сердце дрогнет от этих криков. Зато по весне счастье, когда слышишь в небе журавлиную переключку. Одного этого хватит, чтобы поверить в то, что добра на зем-

ле больше, чем зла.

Мишка смотрел на вдохновенное материнское лицо, на голубые ее глаза, на русые волосы. Не было ничего прекраснее маминого лица и этих проникновенных слов.

До дому добрались поздно вечером. Мишка, не ужиная, залез на печку, обнял подушку и уснул как убитый.

Утреннее солнце не то чтобы выплыло, но прямо-таки выпрыгнуло из-за сопки. Казалось, оно торопилось свою миссию выполнить – одарить мир светом, осветить все пути. Похозяйски загорланили петухи. Но Мишку, привычного к деревенским звукам, разбудили не петухи и не солнечные лучи, а прекрасно-печальные, доселе незнакомые его маленькому сердечку поднебесные крики.

– Что это?

Мишка подбежал к окну, но вставленная к зиме вторая рама не давала возможности охватить взглядом все небо. На ходу застегивая штаны, в ботах на босу ногу Миша выскочил во двор.

Он сразу увидел маму. Она стояла посередине двора, приложив ко лбу руку козырьком, защищавшим глаза от слепящих солнечных лучей, и смотрела в небо. Мишка посмотрел по направлению ее взгляда и тут же зажмурился, – свет ослепил и его. Он заслонил солнце ладонью вытянутой руки и не столько увидел, сколько услышал журавлей.

– Курлы... Курлы... Курлы...

Высоко в небе, клин за клином проплывали над деревней

журавли. Над Красным Яром, над рекой и полями, над тайгой и дальше, дальше, дальше...

– До свидания, – шептала мама. – Возвращайтесь поскорей, родные...

Слов не было слышно, но губы ее еще шевелились, что-то шептали. Молитву, догадался Мишка, когда увидел, как мать широким крестным знаменем осеняет журавлиный клин.

Распластав сильные крылья, птицы летели прямо на солнце. Казалось, в этом стремительном порыве они хотят окружить его своей мощной живой цепью и притянуть, приблизить к остывающей земле, чтобы солнце согрело и поля, и реки, и леса. Чтобы в родном краю навсегда установилось лето, и больше не нужно было журавлям ни улетать, ни возвращаться.

Не отдам

Зима в тот год выдалась лютой. По утрам морозный туман сплошь накрывал землю, окутывал густой пеленой деревенские избы, так что в нескольких шагах не видно было стен даже собственной избы. В семье Карнауховых к этой скверной погоде добавилась еще одна беда – голодуха. Бывали дни, когда на ужин, кроме чая, не было совсем ничего. Тогда Анна брала немного муки и готовила затирку на воде.

Еда была главной проблемой Анны. Но женщина как-то изворачивалась, обращалась с просьбами в правление, чем-то помогали соседи. Голод являлся следствием неурожая. Летнее нещадное солнце выжгло все в огороде. Картошка, что всегда была основным продуктом, не уродилась, накопили мелочь, такой в прошлом году кормили скот. Капусту, которую обычно квасили по две кадки на зиму, сожрала и потоптала корова – забыли закрыть калитку. Немного огурцов, моркови, свеклы, брюквы и репы – вот и весь урожай с огорода. Заготовка ягод и грибов тоже не ахти какая. В лесу стояла сушь, ягодные завязи засохли еще в расцвете. Деревенские мужики ездили на дальние болота, но куда Анне за ними угнаться со своей ребятней.

Муж Степан пришел с фронта калекой, умер два года назад. Случилась беда с ним на конном дворе, кровь пошла горлом, спасти не смогли. Врачи сказали, что осколки внутри него пришли в движение. Вот и осталась Анна с двумя дочерьми и маленьким сыном. Вся тяжесть семейных забот

легла на плечи сорокалетней, с волосами цвета пшеницы, голубоглазой женщины, не замечавшей своей необыкновенной красоты.

От других крестьянок Анна отличалась белизной своего лица. Это была даже не белизна, не бледность – это было сияние. Так сияют в весеннем поднебесье крылья журавлей или в осеннем ночном небе далекие созвездия. Красота ее была несомненной, непререкаемой, не вызывающей соперничества и пересудов. В свои сорок с небольшим лет она была стройна и грациозна. Откуда у деревенской женщины, занимающейся тяжелым физическим трудом, была эта небесная грация? Грация печальной трепетной птицы. Легкая, летящая походка казалась врожденной, она не шагала по земле, как все остальные крестьянки ее возраста, а как будто скользила, касаясь поверхности только кончиком ступни. Так сказочная царевна-лебедь скользит по глади вод. Женщину не утяжеляли ни грубые сапоги, ни стеганая телогрейка, которая в стремительном движении распахивалась, и полы ее, как крылья, трепетали на встречном ветру. Взгляд голубых глаз был добрым и каким-то беспомощным. Даже когда она произносила резкие слова, выражение лица благодаря глазам не становилось злым или отталкивающим. В голосе не было ноток крикливости, похожих на воронье карканье, что так часто можно было услышать от деревенских женщин.

Анна никогда не вступала в женские перепалки. Часто ее беспокоили какие-то думы, это было видно по лицу, но она

никогда не рассказывала о них.

Все, что ни надевала, сидело на ней ладно. Ситцевое платье, схваченное на талии тонким пояском, платок, завязанный на голове не совсем так, как у других, и даже стеганая телогрейка, какие носили в деревне все, выглядели на ней элегантно. Держалась она всегда просто и искренне, но с достоинством, никому не позволяла себя унижать.

Она казалась ангелом, существом из другого мира, космической бурей занесенным в таежную глухомань.

Работала Анна дояркой в колхозе – работа тяжелая и малооплачиваемая. При этом домашних дел было пруд пруди, вставала она рано, ложилась поздно. Однако при такой каторжной работе богаче Анна не становилась. Платили зерном. В соседнем селе была мельница, Анна решила вопрос с помолом, поэтому раз в неделю пекла хлеб. Распределялся он строго, по ломтю в день на каждого. Две дочери, погодки, что родились перед войной, учились в школе. Они помогали матери, как могли, а сыночек Мишка, зачатый в радостный сорок пятый, входил в жизнь тяжело, постоянно болел, с ним всегда приключались беды. Несколько раз он находился между жизнью и смертью. А недавно, пытаясь отобрать у сестер печеную картофелину, упал на раскаленную чугунную печку и обжег всю левую половину своего маленького тела.

Анна три километра несла его на руках в сельскую больницу. Врачи, увидев рану, только развели руками. Что помогло Мишке выжить: молитва ли матери, его желание жить,

грамотные действия врачей, – неизвестно. Наверное, все вместе.

Сколько всего испытал Мишка, знали двое – он и мать.

Сейчас его уже выписали, он находился дома. Морозными зимними днями Мишка лежал на теплой русской печке, ожидая возвращения своих сестер и матери. В один из таких дней резко распахнулась дверь избы, ворвались в дом клубы морозного воздуха, и раздался голос дяди Вани, младшего брата матери.

– Гостей здесь принимают?

Мишка, отдернув занавеску, радостно слетел с печки.

– Принимают, принимают, дядя Ваня! – закричал он, прыгая в объятия высокого красивого мужчины.

– А где постояльцы, Мишка?

– У нас нет постояльцев, мы одни живем.

– Я про них и спрашиваю, про сестер и маму.

– Мама на ферме, а Капка с Милкой в школе.

– Значит, ты один хозяйничаешь?

– Мы с котом лежим на печке, мама говорит – кости греем.

– На печке хорошо. Вот Илья Муромец, был такой русский богатырь, тридцать три года на печи лежал.

– Как это, дядя Ваня? Неужели столько можно лежать?

– Эх, Мишка, совсем ты, брат, сказок-былин русских не знаешь... Ну ничего, в школу пойдешь, читать станешь, всему научишься.

– Ну, если это сказка, тогда понятно. И сказки мне мама

читала, у нас и книжка была – русские народные сказки.

– Давай я, Мишка, коня распрягу и в стойло поставлю, и гостинцы домой занесу.

Каждый приезд Ивана был праздником для детей. Жил он на устье Илима, а там рукой подать до Ангары, поэтому рыбалка была повседневным занятием местных жителей. А рыба в Ангаре водилась – ни чета илимской. Частенько в сети попадалась стерлядка, иногда и таймень запутывался.

Дядя Иван был хорошим рыбаком и охотником, поэтому в трудные послевоенные годы его семье жилось полегче, чем соседям.

В каждый приезд он привозил подарки: соленую рыбу, мясо, иногда и муку. Так было и в этот раз. Только сейчас было привезено всего помногу: и мяса, и рыбы, и мешок картошки, и мешок муки. Кулечек сахара и пакетик конфет.

Скоро пришли девчонки из школы. К приходу Анны на столе в единственной общей комнате приятно томился чугунок с картошкой, на сковородке было зажарено мясо и аккуратно порезан и красиво уложен на узкой рыбной тарелочке кусочек стерляди. Увидев это, Анна всплеснула руками.

– Вот молодцы-то, – и, поцеловав брата, добавила: – а тебе дай Бог здоровья, Иван. Такого кушанья мы давно не видели.

Ужин закончился быстро, хотя Анна пыталась незаметно одернуть девчонок и Мишку, чтоб не торопились глотать, как голодные птенцы, и прожевывали все медленно. Но голодуха и привычка выработали свои скорости. Каждый ста-

рался съесть побольше и побыстрее. Иван пил чай, поглядывая на родню с веселой улыбкой.

– Пусть едят, Анна, им расти надо.

– Я что, против? Только торопиться не надо.

Дети не спорили с матерью, но ели как всегда, быстро подбирая каждую крошку. После ужина Анна определила, где кому спать. Ивану, как гостю, досталась железная кровать, гордость в доме. Правда, никто не помнил, откуда она появилась. Продавленную сетку давно заменили на доски, матрац каждый год набивали соломой.

На этой кровати спали гости, изредка посещавшие дом. Для себя Анна выбрала место на большом сундуке, девочкам соорудила спальные места на скамейках. Мишка, как всегда, располагался выше всех, на русской печке. Укрывали его овчиной шкурой.

Уложив всех, Анна пошла на кухню поговорить с Иваном.

Однако как ни пытались по-тихому разговаривать брат с сестрой, их слушателями оказались все обитатели дома.

– Иван, как там наши отец с матерью?

– Я был у них осенью. Все в порядке, здоровье, славу Богу, есть, хозяйством занимаются сами. С дровами Трофим с сыновьями помогает. Отец прошлой зимой на медведя ходил.

– На медведя?! Так ему уже восемьдесят!

– Восемьдесят два. Однако крепкий. Меня осенью за ремень поднял от пола одной рукой.

– Молодец.

– У мамы глаза сели, плохо видит.

– Так чего очки не выпишет?

– Устали говорить ей об этом. Все чего-то стесняется: да как я буду ходить в очках, словно бы ученая какая. А все знают, что я в школе ни дня не была.

Они немного помолчали. Иван оглядел маленькую ку-хоньку.

– Ты-то как, Нюра?

– Я тебе все в письме написала, Ваня.

– Да письмо пришло давненько. Я был на охоте, ушел в тайгу в ноябре, в Григорьевское ухोजье. Раньше из колхоза на охоту не отпускали. Да так каждый год: пока не приберут в колхозе, все не заскирдуют, не обнесут скирды с хлебом остожьями, в лес ни ногой. Мужики, чтоб в тайгу попасть, «пашут» и днем и ночью. А в конце января собака ногу на капкане повредила, пришлось спускаться в деревню. Так что Надя мне твое письмо показала. Засобирался к тебе, заодно дела в райцентре нашлись.

– Спасибо, Иван.

Анна, приподняв краешек белого платка, который был повязан на шее, утерла уголки глаз.

– Так ты-то что плачешь, Нюра?

– Да я так, мне хорошо с тобой.

– А помнишь, ты у нас нянькой была. Родители в поле, ты в доме старшая.

– Я и сейчас старшая.

– Ну что поделаешь, война никому добра не принесла.

– Может, Ваня, чаю попьешь?

– Напился я его за вечер.

– Ну тогда пошли отдыхать.

– Подожди, Нюра. Знаю, что поздно, но хочу сказать: мы с Надей вот чего порешили.

Иван почесал затылок, тяжело вздохнул, поерзал, словно не находил себе на табуретке места.

– Чего, Иван, решили-то?

– Взять у тебя ребенка на воспитание.

– Какого ребенка? Говори толком.

– У тебя же трое! Отдай одного нам.

– Как это – отдай?

– Но ты в письме, Анна, написала, помогите...

– Так то – помощь! А вы – ребенка отдай. Да где ж это видано! А воспитать-то я сама могу, вот только прокормить трудно.

– А мы прокормим. Мать не заменим, но сытый будет.

– Ну о чем ты говоришь, Ваня! Писала я когда, время очень тяжелое было, все к одному собралось; девки голодные, Мишка в больнице. Сейчас вроде все налаживается.

– Что налаживается, Анна? Хлеба как не было, так и нет. Молока тоже, хотя в передовых доярках ходишь.

– Причем тут доярка? Коровы-то колхозные. Если Мишка забежит, кружку молока дам, а у самой руки-ноги трясутся от страха, кабы кто не увидел.

– Во-во...

Они замолчали. Анна отвернулась к окну, Иван зачем-то рассматривал свои руки, затем положил их на стол перед собой и, глядя на Анну, сказал:

– Может, Мишку нам отдашь?

– Кого?

– Мишку.

– Чего ты придумал? Он же кроха еще, ему с матерью надо быть.

– Шесть лет весной будет. Конечно, не богатырь, но крохой не назовешь.

– Перестань, Иван. О Мишке и разговора не может быть.

– А о ком разговор? О Капе? Так она в седьмом классе учится, а у нас в деревне школа только начальная. Семилетка за пятьдесят верст в Нево-не. Для чего брать? Чтобы сразу отправить в чужие края, где жить будет без матери и родных? То же самое с Милкой, в пятом учится. Не учиться сейчас грех. Хотя бы семь классов надо закончить.

– Надо, Ваня, кто спорит.

– А Мишку мы поднимем. Я его делу научу. Рыбалке и охоте. Как сын мне будет. Нам с Надеждой Бог деток не дал, ты же знаешь, как она страдает...

– Нет, Иван, не могу, маленький он еще очень.

– Зато мы с Надеждой большие, с одним маленьким справимся, да и не грудной же он.

Они опять замолчали.

– Пойдем спать, Ваня, мне рано вставать. Ты еще завтра у нас побудешь?

– Да, мне нужно в райпотребсоюзе насчет пороха договориться.

– Ну вот и хорошо. Иди, там я тебе постель приготовила.

Утром Мишка проснулся, когда в доме за столом завтракал дядя Ваня.

– Ну ты, парень, богатырь! Спать-то горазд.

– А куда мне торопиться, валенок все равно нет.

– А куда они делись?

– У нас с Милкой одна пара на двоих.

– С Милкой? Так у нее нога больше твоей.

– Больше – не меньше.

– А так в чем бегаешь?

– Если на улицу по нужде, чирки или ичиги надеваю, вон они у двери стоят.

– А шубейка тоже на двоих?

– Нет, кожушок есть, мама у Григорьевых взяла, а шапку у Кудриных.

– Значит, тебе только валенки надо?

– Да, пойдди купи их, они в сельмаге таких денег стоят!

Подумав, Мишка добавил:

– Там все есть. Всякая всячина. Мы летом с пацанами забегали посмотреть, а там конфет полный ящик.

– А ты конфеты ешь?

– Редко. Осенью собирали головки клевера, сушили, а по-

том ели как конфеты, вкуснота.

– Разве клевер может быть вкуснее конфет?

– Конечно, конфеты лучше, но их же в поле не найдешь.

– А мама твоя знает, что ты клевер ешь?

– Знает, да мы с Капкой и Милкой в поле кислицу, клевер, щавель собирали, сушили их, а потом толкли в ступке, и мама пекла лепешки.

– Ну, Мишаня, у тебя житуха. Ты что, вот так и сидишь один дома?

– Пока не попал в больницу, меня водили в детский сад, а сейчас я поправляюсь.

– Как это – поправляешься?

– Ну, так мама говорит, у меня же грудь забинтована.

Мишка поднял нижнюю часть рубахи и показал забинтованный живот и подмышку левой руки.

– Больно?

– Сейчас нет, а сразу больно было.

Иван прижал щупленькое тело мальчишки к себе и, поглаживая по голове, говорил ему ласковые слова.

– Дядя Ваня, а правда, что ты на медведя с рогами ходил?

– С рогами? Кто ж тебе такое сказал?

– Мама, – нахмурился Мишка.

– Мишенька, не с рогами, а с рогатиной.

– Значит, я не понял. А медведя ты убивал?

– Убивал, Миша.

– Страшно было?

Иван рассмеялся, посадил Мишку на колени.

– В первый раз страшно, а потом ничего, привык. Ладно, племянш, посиди дома, а я по делам схожу. Не боишься один?

– Да нет, чего бояться. Меня кот Василий охраняет.

– Тогда поиграй немного, я скоро.

Вечером, когда Анна пришла домой, у самых дверей ее встретил возбужденный сын.

– Мама, посмотри!

Мишка был одет в новые валенки, небольшую ватную фуфайку, новую ситцевую рубашку, а на голове была водружена шапка с медной звездой. Его было не узнать. Анна всплеснула руками.

– Господи, красавец ты мой, на улице и не узнала бы. Иван, ну зачем ты так потратился?

Иван улыбался, довольный, что подарок всем понравился.

– Эх, Анна, какие это траты? Мелочь.

После ужина Анна с Иваном продолжили вчерашний разговор, но Мишка не слышал, о чем они говорили. Аккуратно сложив свои новые вещи на табуретке, он обнял кота Василия и уснул счастливый и радостный. И гордый тем, что наконец-то у него есть свои валенки, и он может бегать по улице всегда, когда ему захочется. А такой шапки, как у него, со звездой и длинными ушами, нет ни у кого из ребят.

Утро его встретило щедрым солнцем, ясным небом, без единого облачка. Завтрак – сковородка с картошкой, ждал на загнетке, а кружка молока, прикрытая вафельным поло-

тенцем, – на столе.

Мишка торопясь все съел, быстро оделся в обновы и выскочил на улицу. Друзья еще сидели по домам. Вовку и Тольку он вызвал стуком в ставню, Гошка, услышав шум, появился сам. Друзья с удивлением смотрели на товарища.

– Мишка, а почему Милка дома? – спросил Гошка.

– Нет, она в школе.

– Так откуда у тебя валенки?

– Дядя Ваня купил. Мамин брат. Но он и фуфайку, и шапку со звездой, и рубаху тоже купил.

Ребятня с восторгом и не без зависти рассматривали обновки. Мишка видел, что шапка со звездой понравилась больше всего.

– Мне отец обещал ремень со звездой подарить, – сказал Вовка.

– Не сказал, когда? – засмеялся Гошка.

– Летом подарит, – насупившись, буркнул парнишка и побежал к своему дому.

– Вовка, возьми мою шапку! – закричал Мишка. Ему не хотелось, чтобы приятель уходил.

Вовка подошел, взял из Мишкиных рук шапку, натянул ее на голову, заулыбался.

– Она мне маловата...

Шапка вскоре наскучила, стали играть в прятки, потом устроили кучу малу, и скоро все забыли про обновки.

В дом Мишку загнали сестры, пришедшие из школы.

- Ты чего это бегаешь, тебе же в поездку надо собираться.
- Какую поездку?
- Тебя дядя Ваня увозит.
- Куда увозит?
- К себе домой.
- Вместе с вами и мамой?
- Ага, и вместе с домом.
- А как дом-то он увезет?
- Ладно дурака валять, только тебя забирает, радуйся.
- А вы как?
- Мы никак, тоже радоваться будем. От братика отдохнем.

Пошли домой, Мишка, а то неизвестно, когда и свидимся...

Вскоре пришла мать. Она не успела еще раздеться, к ней подбежал Мишка и стал выпытывать:

- Мама, меня дядя Ваня к себе забирает?
- Кто тебе сказал об этом?
- Милка с Капкой.

– А у вас прямо язык чешется. – Анна повернулась к дочерям, те смутились и опустили глаза.

– Вы разговор вели с дядей Иваном, вся деревня слышала, – оправдывалась Капка.

- Прекратите, устала я очень.

Анна прижала к себе сына и поцеловала.

Капка попыталась что-то сказать, но не успела и рта открыть, как мать ласково, с болью в голосе попросила:

- Не надо ничего говорить. Конечно, я виновата, что вам

одеть нечего, и еды порой не хватает...

Она закрыла маленькими ладошками свое лицо и заплакала. Тихо, по-детски шмыгая носом.

Дети прижались к ней.

– Ну ладно, чего это я расклеилась? Давайте ужин готовить.

– Мама, картошка готова! Я зажарила ее на сале! – Мила побежала к печке.

– Ну вот и хорошо, сейчас порежем соленую рыбку, что привез дядя Иван, и покрепче чай заварим с травами луговыми...

Анна быстро привела себя в порядок, сестренки достали праздничную скатерть. Вскоре подошел Иван, и все дружно уселись за стол на последний свой совместный ужин.

Мишку в дорогу собирали недолго. В вещмешок, с которым отец вернулся с фронта, положили две рубашки, суконные заштопанные штаны и старые, со сбитыми каблуками ботинки. Нашли кепку, она лежала в сенях. Сверху Мишка положил букварь, доставшийся ему от Женьки, соседа, учившегося уже во втором классе. Легли рано, каждый со своими мыслями и переживаниями.

Для Мишки это была первая поездка, никогда он не был так далеко от дома. Мальчик с радостью думал, что увидит новые деревни, наконец-то побывает на Ангаре, о которой столько слышал. Огорчало только расставание с матерью, но он отгонял эту неприятную мысль, сильнее был соблазн на-

конец-то увидеть большой и незнакомый мир, который лежит где-то далеко за Качинской сопкой...

Кот Василий, словно чувствуя расставание, ластился к Мишке и даже умудрился лизнуть его в щеку. Все уговоры взять кота с собой ни к чему не привели. Первым противником был дядя Ваня.

– Мишка, у нас кот и кошка, появится твой Вася, загрызут друг друга. Ну кому это надо. Да и везти его трое суток – проблема, выскочит где-нибудь, как искать.

Мила была категорически против.

– Он что – твой личный кот? Он нас здесь оберегает от мышей. И я уверена, не поедет он с тобой. Для него место важно. Я где-то читала, что однажды кота увезли из дома, так он сто километров прошел, чтобы вернуться.

– Не кота увезли, а кошку, – поправила Капка.

– Да какая разница.

Короче говоря, не дали взять с собой кота Василия. Мишка был уверен, что коту без него будет плохо. Их связывала между собой многолетняя, настоящая мужская дружба. Увлеченный своими заботами, Мишка не замечал, как изменилась мать. Лицо ее, всегда улыбочливое, посуровело, под глазами появились черные впадины. Всем кроме него было видно, что расставание с сыном угнетало ее. Он был последним ребенком в семье. Иногда Анна называла его ласково, непонятным ему словом – поскребыш. Родив его в муках в первом послевоенном году, не успев вместе с любимым му-

жем нарадоваться на ребенка, она осталась вдовой с тремя малыми детьми.

Утром проснулись почти все одновременно, даже Мишка. За ситцевой занавеской, что отгораживала верх русской печи от избы, он слышал, как брякает в кухне умывальник, как, потрескивая, в чугунной печке разгорается огонь, как наливают воду в чайник, учуял, как вкусно запахло блинами.

– Мама, я проснулся! – радостно закричал Мишка.

– Проснулся, солнышко, вставай, сейчас будем есть.

Мишка вместе со всеми сел за стол, быстро сглотнул два блина, густо намазанных черничным вареньем, и запил чаем с молоком.

– Мама, а у нас сегодня праздник?

– Нет у нас сегодня праздника, сынок.

– А почему блины, да еще и с вареньем?

– Дядя Ваня с тобой уезжает, решила порадовать тебя.

Девчонки убежали в школу, Иван пошел запрягать коня, мать осталась с Мишкой в доме.

– Боюсь я за тебя, Мишенька, ты уж береги себя.

Мишка подошел к окну, в утренних сумерках Иван вел коня к саям. Неожиданно Мишка подбежал к матери, прижался к ее ногам и тихо прошептал:

– Мама, поедем вместе.

– Чего? – не поняла Анна.

Мишка уткнулся в ее платье.

– Чего ты сказал, солнышко мое?

Мишка запрокинул голову и, глядя в голубые мамины глаза, сказал отчетливо и твердо:

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Анна приподняла его, поставила на табуретку и стала беспрядочно целовать сына, приговаривая нежные слова.

В избу вошел Иван, увидел затянувшееся прощание и с улыбкой сказал:

– Ну что вы навеки прощаетесь, даст Бог, летом на баркасе с Мишкой приплывем. Анна, одевай сына.

Мишка спрыгнул с табуретки, быстро надел фуфайку, вскочил в валенки, нахлобучил на голову шапку. Мать, как будто пытаясь защитить его от всех грядущих стуж и невзгод, обмотала его голову и плечи большим клетчатым платком. Туго затянула.

– Ну вот, готов наш путешественник. Ваня, я прошу тебя, ты поглядывай за ним, он ведь в каждую дырку свой нос сует.

– Анна, я ведь тебе клятву дал, зря ты переживаешь.

– Лишним напоминание не будет! – Она замахала рукой на Ивана, когда он сделал попытку что-то ответить.

Мишка стоял у двери, смотрел на то, к чему так привык: стол в простенке, над столом икона на полочке, с маленьким расшивным полотенцем, скамьи вокруг стен, большой сундук и у кухонной перегородки железная кровать. Из-за занавески над русской печкой грустно поглядывал кот Василий, словно прощаясь с Мишкой навсегда.

В санях Мишку запаковали в тулуп, ноги укрыли овчиной,

Анна открыла ворота, и повозка медленно и тяжело выехала со двора.

– Иван, а ты зачем в центр поехал, тебе в другую сторону.

– Я в сельпо заеду, там мои покупки; порох, пули. Мы их вчера упаковали, но не в дом же везти такое опасное приобретение.

Сани заскрипели по снегу, Мишка до самого поворота видел, как мать смотрела им вслед.

Проводив брата и сына, Анна вошла в дом. Щемящая тишина пронзила ее. Женщина присела на табуретку, не заметив, что забыла закрыть дверь, и тепло, что с вечера еще оставалось в доме, вытекало на волю и отчаянно сливалось с морозным воздухом. Кот Василий прыгнул к хозяйке на колени и посмотрел ей в лицо, словно спрашивал – где Мишка?

На подоконнике, рядом с алеющими цветками герани, лежал листок бумаги, на котором рукой сына был нарисован самолет. Одного взгляда хватило, чтобы увидеть лицо Мишки, старательно раскрашивающего звездочку на крыле чудо-машины, от усердия высунувшего кончик языка. Анна взяла листок и прижалась к нему щекой. Что же она натворила? Сына отдала! Конечно, родному брату, но все равно – при живой-то матери! Жив бы был Степан, что бы он сказал?

Женщина подошла к иконе и вздрогнула, заметив, что Богородица осуждающе, сурово смотрит на нее. Жалость к себе, к Мишке, ко всему страждущему миру выплеснулась из глаз Анны со слезами. Мысль о своем предательстве разры-

вала ей сердце, пальцы тряслись, мысли путались.

Как она могла поддаться на уговоры? Господи, что же она наделала? Как людям-то в глаза глядеть? Да причем тут люди? Как она сама будет жить, не видя светлого, родного лица сына, не слыша его искренних, утешительных слов, не ощущая маленьких добрых ладошек его на своих плечах. Низко поклонившись Богородице за вразумление, истово перекрестившись, Анна выбежала на улицу...

Сначала она поспешила в центр, но, усомнившись в своих силах, решила подождать и перехватить сани на их обратном пути, на дороге, проходившей по реке. Добежав до проулка, увидев издалека повозку и понимая, что может не успеть, Анна изо всех сил, надрывая голос, закричала.

– Миша, Мишаня! – Горло на морозе перехватило, сняв платок на бегу, она стала махать им, повторяя осипшим голосом: – Миша! Мишаня!

Мишка мечтательно смотрел на дорогу, на Илим, на избы, остающиеся позади. Уже поравнявшись с последними домами, он заметил бегущего с боковой улицы человека. Тот что-то кричал и махал руками.

– Дядя Ваня, кто-то нам кричит! – застучал он кулачком в спину дяде.

– Чего такое? – остановив лошадь, спросил Иван.

– Кто-то бежит, вон, посмотрите, у последних домов.

– Интересно, кому мы понадобились?

– Дядя Ваня, это наша мамка бежит.

– Анна! – пригляделся Иван. – Видно, что-то забыла. Что же могла она забыть?

Мишка стал выбираться из-под накинутаго на него тулупа, ловко выпростался из дохи.

– Ты-то куда? Заворачивать буду полчаса...

Мальчик колебался долю секунды, но все-таки выбрался из саней и побежал навстречу матери.

– Мамочка! Мамочка! – задыхаясь от радости и от мороза, кричал он на бегу, глубоко проваливаясь в снег.

Они вцепились друг в друга на белоснежной равнине, между накатанной ледяной дорогой и крутым угором, на котором стояли темные от времени и непогод избы, с хитрецей наблюдающие своими выдавшими виды глазами-окнами эту необычно радостную встречу.

От стремительного бега расстегнутая телогрейка Анны сползла с плеч, волосы выбились из-под платка и солнечной волной, как иконным окладом, обрамляли лицо. Мать, тяжело дыша, сгребла Мишку, пытаясь его поднять.

– Мама, ты чего? – удивился сын.

– Все хорошо, родной, все хорошо, – шептала Анна, стараясь подавить подступившие слезы.

Подошел Иван, с недоумением посмотрел на сестру.

– Что-то случилось? – неодобрительно спросил он. – Что-то забыла?

Анна величественно выпрямилась, отерла платком лицо. Казалось, ей не хватало воздуха, чтобы ответить. А может,

просто не находилось нужных слов.

Наконец медленно и непререкаемо, глядя прямо в глаза брату, она произнесла:

– Ваня, прости меня, не отдам я Мишку.

Иван взял нежно сестру за руку и попытался что-то возразить.

– Не отдам! Понимаешь? Не отдам! – вдруг сердито закричала она, вырвав руку, и прижала к себе сына.

– Ты чего, сестрица, орешь, успокойся, пожалуйста, никто его не забирает.

Анна обессилено села на снег, не отпуская сына. Мишка своими ручонками аккуратно укладывал пряди волос матери под платок, высвобождая родное лицо. Она подняла просневшиеся свои голубые глаза к небу, ласково обвела взором окрестный мир и, тепло улыбнувшись сыну, строго сказала брату:

– Ваня, не ругай меня, но без Мишки мне жизни не будет.

Потом Анна, выдохнув все свои прежние тревоги, легко поднялась, отряхнула снег, подошла к саням, вынула Мишкину котомку.

– До свидания, Ваня.

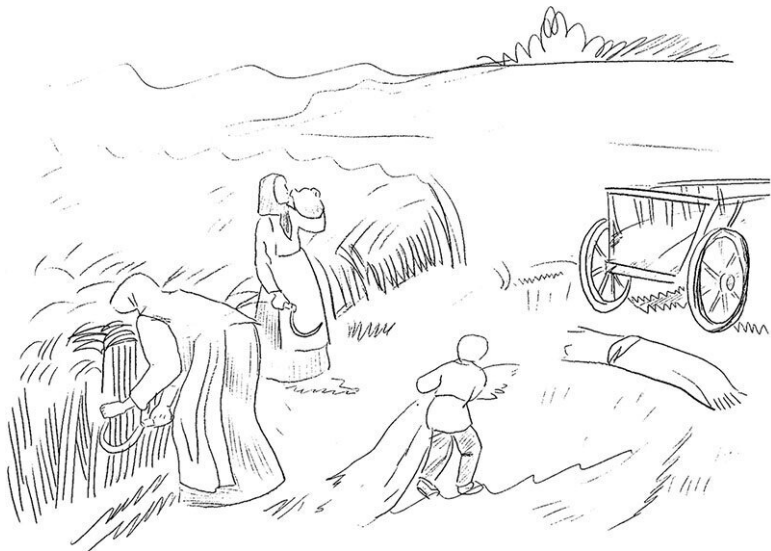
– До встречи, Нюра. Давай подвезу к дому.

– Не надо, езжай, возвращаться – плохая примета.

Мишка с матерью беззаботно шли навстречу солнцу, которое тяжело, но неотвратно во всей своей неизбывной щедрости вздымалось над тайгой. Их снежный путь вспыхивал

цветными искорками, слепящими глаза, заставляя щуриться и смущенно улыбаться над своей беспомощностью перед природой, перед незыблемыми законами жизни. Казалось, обрадовались произошедшему и повеселели свидетели – деревенские избы, столбы их сизых дымков, затейливо приплясывая, тянулись из труб к ясности, к чистоте и растворялись в океане пречистого небесного света.

Где живет солнце

Последние дни августа удивительно теплые. На небе ни облачка, воздух прозрачен. О такой погоде можно только мечтать. Деревня пустынна, все на жатве, и взрослые, и дети. У каждого своя работа. Торопится деревенский люд до Хлебного Спаса убрать урожай пшеницы и ржи.

Анна Карнаухова с двумя дочерьми-подростками и пятилетним сыном Мишкой работали возле поворота на кулигу. Здесь комбайн не может пройти. Мешают деревья и корни,

протянувшиеся на десятки метров. Такие места обрабатывают вручную. Где-то косой проходят, а чаще серпом.

Анна работала серпом, внаклонку, позади нее двенадцатилетняя Капа вязала снопы, за ней Мила, которой только на днях исполнилось десять, ставила их в «сулоны».

Мишка вертелся под ногами, мешал работать. В широких шароварах, в синей рубашке, в кожаных чирках³, он походил на колобок, что катается по полю от порывов ветра. Наконец, устал, притих. Лег на спину и стал смотреть в голубое бездонное небо.

Подошла мать.

– Миша, не лежи на земле, расстели половичок.

– Я не на земле, на траве лежу.

– Трава мокрая и холодная! Сейчас же встань!

Мишка нехотя приподнялся, мать расстелила половичок, положила сыну под голову свою куртку. Он лег.

Мать попила воды, ту же завязала платок на голове и, улыбнувшись Мишке, сказала:

– Потерпи, родной, скоро закончим.

Мишка, глядя в небо, спросил:

– Мама, а почему небо голубое?

– Небо? – удивленно переспросила Анна. – Не знаю, сынок. Я ведь не шибко грамотная, читать да писать с трудом выучилась – вот и вся моя учеба. Вырастешь – все узнаешь...

– А когда я вырасту?

³ Чирки – обувь, сшитая из одного куска кожи.

– Годика через два, когда в школу пойдешь. Учитель там знаешь какой умный!

Мать пошла на свою делянку, громко рассказывая дочерям, о чем она говорила с сыном.

– А вы знаете, почему небо голубое? – спросила она дочерей.

Старшая Капа хмыкнула, а младшая, Мила, недовольно дернула плечом и тихо пробурчала себе под нос:

– Нам только на небо смотреть, при такой-то работе.

Но Анна услышала сказанное, как-то виновато развела руками и сказала:

– Поле нынче урожайное, зимой голодать не будем...

– Так зерно это в колхозный амбар увезут, а не к нам! – неожиданно выпалила Мила.

– Если в колхозном амбаре будет, и нам достанется. Давайте работать.

Все молча стали работать. Мишка, усталый и согретый солнечными лучами, поворочавшись на подстилке, нашел удобную для себя позу и сладко уснул.

Проснулся, когда солнце, словно колесо, покатилося к Красному Яру.

– Мама! – закричал Мишка.

– Что, сынок?

– А куда солнце прячется? Где оно живет? За Красным Яром?

– Ну что ты, сынок. Солнце очень далеко от нас. Дале-

ко-далеко, за горизонтом.

– А что такое горизонт?

Анна разогнула спину, вытерла лоб уголком платка, посмотрела на Красный Яр, который отбрасывал огромную тень на погодаевское поле.

– Не знаю я, Миша, где живет солнце. Вот последние два снопа завяжем и пойдем домой. Потерпи немножко. Видишь, уже и солнце зашло, его не видно совсем, а солнечные лучи небо освещают...

Люди заканчивали работу и отправлялись домой, в деревню, только комбайн остался в поле. Семейство Карнауховых растянулось на полевой дороге. Впереди шла Анна, неся серп, грабли, половичок, следом за ней, отставая на десяток шагов, телепалась Капа, держа в руках чайник и сумку, Мишка с Милой передвигались еле-еле, о чем-то негромко переговариваясь. Анна торопилась, дома ее ждали некормленая свинья и куры, скоро должна подойти корова с пастбища. Иногда она оглядывалась, видела усталых детей, но не подгоняла их, зная, что домой они все равно доберутся.

Полевая дорога соединилась с просекой, рассекающей лес ровной линией и выходящей к речке Россохе. Для местных жителей просека стала хорошим подспорьем. По ней шла дорога на сенокосные угодья, на поля, на местные делянки.

После перекрестка до околицы оставалось полкилометра.

– Ну вот, Миша, мы и дома, – сказала сестренка, обернувшись к брату, и тут же застыла с выражением ужаса на лице.

Какая-то неведомая сила подняла Мишку высоко в небо и с высоты бросила на землю под страшный крик Милы. Больше мальчик ничего не слышал – он потерял сознание...

Разъяренную корову, что отбилась от стада и летела по лесной дороге, задрав хвост и разбрасывая по сторонам все живое, окружили мужики. Они загнали ее в стоящее рядом гумно, но даже в изгороди корова не находила себе места, бегая из одного конца в другой.

Очнулся Мишка на руках у матери. Он понял, что они плывут по реке. На веслах сидела Капа.

– Мама, нам же нужно домой! – закричал Мишка, но крик его был таким тоненьким и слабым, что его никто не услышал.

– Миша, родной мой, слава Богу, пришел в себя... – причитала Анна, и Мишка чувствовал, как материны слезы каплют на его лицо. – Сейчас, сейчас мы приедем в больницу...

У Мишки болело все тело, ему казалось, что сам он состоит из одной только боли, а больше ничего и не было. Он открыл глаза, но увидел только темноту.

– Мама, а почему темно? Уже ночь?

Мать наклонилась над сыном и поцеловала в лоб.

Мальчик приподнял руку и застонал.

– Мама, больно руку...

– Где, сынок?

– Всю больно...

– Не поднимай и ничего не трогай.

Лодка уткнулась носом в берег.

– Капа, оставь лодку здесь, с кем-нибудь переплывешь до-мой, накормишь скотину и ложитесь с Милой спать. Когда я вернусь, не знаю.

Анна взяла на руки сына и стала подниматься с ним по крутому угору.

Мишка молчал, понимая, что случилось с ним что-то совсем плохое, коли мать его такого большого и тяжелого несет на руках, а он, как ни старается моргать глазами, не видит ничего.

Поднявшись вверх, они сели на скамеечку. Мать тяжело дышала.

– Мама, возьми меня за руку, и пойдем.

Но как только Мишка встал и сделал шаг, тут же нетерпимая боль посадила его обратно на лавку. Выйдя на центральную улицу села, мать уговорила кого-то подвезти их к больнице. Мишку уложили на свежескошенную траву, и скрипящая таратайка⁴ поехала по ночному селу. Он смотрел вверх, но, к своему удивлению, не видел на ночном небе звезд. Вдруг понял – он же ослеп! Эта мысль поразила его.

– Мама! – закричал он.

Телега остановилась.

– Я слепой, мама!

– С чего ты взял такое?

– Я ничего не вижу.

⁴ Таратайка – легкая двухколесная повозка.

– Но сейчас ночь, сынок.

– Почему я не вижу звезд?

– Я не знаю, что с тобой, Миша, потерпи. Сейчас мы будем в больнице.

В больнице врач ощупал все Мишкины косточки, обрадовал всех присутствующих и самого себя новостью, что они целы, а больно оттого, что гематома большая. Кто такая гематома, Мишка спрашивать не стал, и так было понятно: от нее, проклятой, все тело болит. А вот насчет зрения врач ничего не сказал.

– Нужен консилиум, – загадочно заключил он.

Анна не поняла, кто такой этот загадочный «консилиум», но головой на всякий случай кивнула.

– Утро вечера мудренее, а вашего сына мы оставим у себя. Завтра возьмем анализы и уже точно все будем знать. Главное – кости целые.

– А глаза? – опять спросила мать.

– С глазами не торопите, нужно время. Я давно с такими травмами не встречался, – сказал после небольшой паузы врач. – Бывают случаи, когда от сильного сотрясения мозга люди теряют зрение, но оно восстанавливается через некоторое время. Давайте подождем до утра. Если время нам не поможет, посоветуемся с областным офтальмологом.

Мишку уложили в постель, простыни почему-то были прохладными и хрустящими, от непривычки он начал крутиться, не находя себе места. Но это продолжалось недолго,

сон поборол беднягу...

Утром солнечные лучи ласково гладили Мишку по щекам. Открыв глаза, он увидел ослепительно яркий свет. Сквозь густую листву деревьев, сквозь оконное стекло пробивались солнечные блики: они гуляли по стенам палаты, по полу, по никелированным шишечкам кровати – повсюду. Мишка зажмурился, затем снова открыл глаза. Нет, это не было сном. Он вскочил с постели, но боль, как и вчера, пронзила его тело. И тогда он решил обмануть ее. Медленно вытянул ноги, ступил на пол и, делая маленькие шажки, подобрался к подоконнику, держась за него выпрямился. Взглянул на небо – оно было голубым, без единого облачка.

Мишка прошептал.

– Значит, я вижу...

Он приковылял к двери, открыл ее, проник в коридор, желая с кем-то поделиться своей новостью, но тут на небольшом диванчике увидел свою маму. Она, привалившись к спинке, спала.

Мишка подошел к ней, присел рядом и стал ждать, когда она проснется. Терпение его быстро иссякло, и он, взяв ее руку, потянул к себе. Мать открыла глаза и несколько мгновений смотрела на сына, словно не узнавала.

– Миша, это ты?

– Да, мама... – И, чуть помолчав, добавил: – Я вижу тебя, мама. И солнце вижу. И небо.

Мать прижала его к себе и стала целовать, говоря при этом

добрые, ласковые, бессвязные слова.

Мишка тоже плакал и тоже говорил что-то не очень вразумительное. Он прижался к матери и сразу почувствовал знакомые, родные запахи земляничного мыла и парного молока, которые он так любил.

Зимой сорок пятого

Заканчивался февраль, но морозы не ослабевали. В воздухе постоянно висело белое дрожащее марево. Из-за этого проклятого тумана солнечные лучи никак не могли пробить-

ся к людям; ни тепла, ни света на землю не поступало. Такие зимы частенько случались в далекой таежной деревне на берегу Илима, в тысячах верст от Иркутска.

Анна шла по единственной деревенской улице, широко и вольно раскатанной саями и прибитой копытами лошадей. Она была молодой и статной, ее не портили даже уродливый ватник и большой клетчатый платок, которым она тщательно закутывала себя, спасаясь от лютого сибирского мороза. Шла быстро и легко, не оглядываясь по сторонам. Встречаясь с односельчанами, коротко кивала головой и давала дорогу, не вступая в обычные разговоры, свойственные деревенским бабам.

Где-то далеко шла война. И у всех деревенских разговоры были о войне. Говорили о победах, о поражениях, читали друг другу редкие письма с фронта, оплакивали погибших, радовались тем, кто возвращался домой из госпиталей. Почти все деревенские мужики, здоровые и сильные, ушли на войну. Многие вернулись калеками, еще больше погибли, и только редким счастливым повезло – они закончили войну без единой царапины.

Слушая радио, Анна никак не могла понять своим простым деревенским умом: почему советские войска постоянно отступают, оставляя город за городом, хотя в песнях и стихах наши солдаты представляли в образах былинных богатырей, способных одолеть любого врага? В каждом деревенском доме погибли по одному, два, три, четыре мужика. Не

было ни одной семьи, в какую бы не пришло горе. Она помнит всех своих земляков, уходивших на фронт. Как проводжали их на Красном Яру, построив длинные столы и лавки из горбыля. На этом простецком сооружении и закуски стояли соответствующие: вареная картошка, квашеная капуста, соленые грибы и, разумеется, самогон, «казенка» в тех местах бывала не часто. Случай был не рядовым, поэтому не пожалели на закуску и деревенского сала, и жареных кур, и пирогов с капустой...

Мужиков забрали разом, так что деревня сразу осиротела – остались дети, женщины и старики. Тогда еще не было горя и военных утрат, они случились гораздо позднее, когда стали возвращаться наспех залеченные в госпиталях инвалиды. Одного из них доставили домой в сопровождении двух медсестер из районной больницы, так он был искалечен...

Всю свою жизнь Анна прожила здесь. Тут встретила свое счастье – Степана. Поженились они еще до войны, родили двух дочек, и им казалось, что счастьем этому не будет конца-краю. Степан был старше Анны на десять лет. Долго не женился, вероятно, по причине своего характера. Он был человеком суровым, не разговорчивым, высказывался только по необходимости, да и то односложно. Никто в деревне не видел его смеющимся, кроме, пожалуй, Анны, за которой он ухаживал совсем недолго и своеобразно: то положит ей на крыльцо букетик ромашек, то корзинку груздей, то еще что-нибудь, но делал это так скрытно, что никто не мог застукать

его за этим занятием. Он был чрезвычайно силен физически, видимо, пошел в своего деда Ивана Макарыча, знаменитого охотника. О Макарыче, как звали его деревенские, рассказывали чудеса.

Макарыч был небольшого росточка, но необыкновенно широк в плечах. Он в одиночку ходил на медведя, вооруженный только рогатиной и ножом, – предпочитал охотиться на «хозяина тайги» врукопашную. У Макарыча была старинная кремневая «фузея», которую он никогда не использовал, потому что на птицу и более мелкое зверье ставил капканы и петли. Фузею он показывал всем желающим и утверждал, что это «ружьешко» изготовили немецкие мастера более ста лет назад, а силе и точности его боя можно только завидовать.

О таежных подвигах Макарыча рассказывали легенды. Утверждали, что Макарыч «заломал» пятьдесят медведей, и это было похоже на правду, потому что медвежатину в деревне ели чаще, чем свинину. Мясом Макарыч охотно делился с односельчанами, но делал это втайне, чтобы не пронюхали власти, – в те далекие времена браконьеров наказывали значительно строже, чем сейчас. Славился Макарыч и как искусный рыбак: на Илимe и Ангаре ему были ведомы самые потаенные затоны, где водилась отменная стерлядь, которую сибирские купцы поставляли аж в сам Петербург, к царскому столу...

Степан любил своего деда, потому что основные уроки

жизни он усвоил именно от него. Макарыч брал своего внука и на рыбалку, и на охоту, и за грибами-ягодами, и на сенокос, и в ночное... Отцу некогда было заниматься сыном – он как каторжный вкалывал в колхозе, чтобы прокормить многочисленное семейство. Смерть Макарыча была трагической и случайной: дед ушел под ангарский лед вместе с телегой и лошадь. Случилось это на глазах внука. Степану удалось выбраться из полыньи, а старому охотнику – нет. Было ему в ту пору девяносто шесть лет.

Как все деревенские, Степан ушел на фронт. Анна чуть ли не ежедневно молилась перед домашней иконой, вымаливая жизнь и здоровье мужу, втайне, чтобы никто, даже собственные дети не видели, как она истово бьет земные поклоны. Время тогда было безбожное. Да и где молиться? Церковь сожгли большевики, осталась от нее лишь поляна посредине деревни, заросшая бурьяном.

Бог услышал мольбу Анны: Степан вернулся. Правда, с тяжелым увечьем. Подорвался на mine. Сохранить левую ногу не удалось, отняли ниже колена. Остальные раны, довольно многочисленные, были просто пустяком по сравнению с этим. Но Степан вот он – живой, родной, любимый, он рядом с Анной, с дочками, со своей престарелой матерью. Где-то далеко шли бои, в деревню приходили похоронки, а для Степана война была уже закончена.

Ничего, что нужда, она была у многих. Почти в каждом дворе дети-сироты, и нужно думать, как накормить, обо-

греть, приласкать. Все, что добывалось в полях и на фермах тяжким трудом, уходило на фронт. Самим оставались крохи. Хорошо, лес подкармливал: грибы, ягоды, кедровые орехи. Тайга не даст умереть с голоду, даже зимой, в самые тяжкие времена. Вот уже февраль сорок пятого, зима скоро кончится, и снова каждая свободная минутка будет связана с огородом и лесом.

Степан вернулся с войны на костылях, но долго ковылять на них не собирался. Он ведь был не только искусным охотником, лесовиком, он хорошо знал и плотницкое, и столярное ремесло – вся деревенская мебель, какая стояла в их доме, была сделана его руками. Короче говоря, Степан решил изготовить себе протез, не дожидаясь, пока ему, инвалиду войны, предоставят казенное изделие из алюминия и кожи. Во-первых, неизвестно, когда это произойдет, во-вторых, Степан не очень-то доверял ширпотребу – сделать протез своими руками и проще, и качественней.

Однако он просчитался. Первый протез вышел слишком тяжелым, второй чересчур легким, третий сдавливал культю так сильно, что на глаза тут же наворачивались слезы, четвертый скользил, пятый скрипел, короче говоря, Степан затратил месяц упорного труда, пока не добился того, что хотел. Еще два месяца ушло на то, чтобы привыкнуть к деревяшке, – это был поистине кровавый труд, потому что швы, хотя и затянулись, были все же некрепкими... Степан не знал тогда, что к протезу привыкают не месяц и не два, а гораздо

дольше...

* * *

Сегодня Анна торопилась. Ей надо было рассказать Степану, какое важное событие ждет их вскорости. Она шла и боялась взглянуть односельчанам в глаза, потому что они сразу же обо всем догадаются. Однажды это уже было, когда она носила под сердцем старшую. Соседка, старуха Степановна, поглядев в сияющие глаза Анны, подозрительно сказала: «Да ты, Нюра, прямо светишься вся. Уж не затяжелела ли?»

И вот опять... Она почувствовала беременность еще несколько дней назад и растерялась. Кругом война, беда, слезы, а тут такое. Не вовремя это. И что скажет Степан?

Степан с работы пришел чуть пораньше, они с девчонками собирали на стол. Увидев Анну, поглядев ей в глаза, он сразу все понял.

– Нюра, это правда? – спросил Степан.

Анна только развела руками и кивнула. Степан отвернулся к окну и какое-то время молчал, вероятно, обдумывая новость.

– Ну, что же, – наконец сформулировал он, – может, пацан будет...

– А если не пацан? – спросила Анна.

– Девка – тоже неплохо...

После ужина до самой ночи занимались хозяйством. Лампу не зажигали, керосин оставался только для важного случая. Уже укладываясь спать, снимая с ноги деревянную колотушку, Степан сказал:

- Забыл сказать тебе: утром уезжаю за сеном.
- Это куда же?
- На дальнюю Тушаму, бригадир отправляет.
- С кем едешь?
- С пацанами, их на четыре дня от школы освободили.
- А что, кроме тебя, других не нашлось?
- Да кого же, Нюра? Одни старики остались.
- Тайга, боюсь я, Степа.
- Ничего. Пацаны молодые, здоровые...
- Чего я тебе в дорогу-то дам?
- Что есть, то и дай.
- Надолго едешь?
- Дней на пять. Ружье возьму, петли на зайца поставлю...

Утром Анна положила в небольшой холщовый мешок круглую буханку хлеба, туда же добавила три луковицы, завернула в бумажку соли, аккуратно, белой тряпочкой обмотала кусочек сала и в маленькую алюминиевую кастрюльку упаковала три сваренные картофелины. Посмотрела на свои заготовки, почему-то покачала головой, пошла в сени, принесла чашку и вытряхнула замерзший брусок молока.

Степан уже не спал. От первого же прикосновения быстро встал, взглянув на ходики, начал одеваться.

– Не торопись, успеешь.

– Было бы лето... Пока по снегу доковыляешь.

– А фузею на что берешь? На медведя, что ли, собрался?

– Мало ли что...

Он обнял жену, неловко поцеловал ее в губы.

Солнышко из-за леса показывало свои первые лучи, а обоз из семи саней через поляну, расположенную перед деревней, уходил за сеном.

Дорога нырнула в лес, Степан оглянулся, посмотрел на родную деревню. Вот она, дом за домом, усадьба за усадьбой. Солнечная и приветливая. Нет больше таких на свете. Стоит она в центре мира.

Дороги и тропинки разбегаются от нее в разные стороны. В Озерки и Кулигу, в бор, на таежные речки Тушаму и Рассоху, к сенокосам, рыбачьим и охотничьим местам.

Степан любил бывать в Кулиге – местечке в трех километрах от деревни. Летом он ездил туда полевой дорогой, возвращался лесной. До войны они ходили туда с Нюрой за грибами. Ему всегда нравилась огромная поляна, которая большим клином врезалась в тайгу, а с другой стороны омывалась рекой. Со стороны леса высокие густые ели, словно сказочные великаны, оберегали Кулигу от злодеев.

– Дядя Степан, пора ехать, – услышал он голос Гошки, парня, живущего с ними по соседству.

– Иду-иду. Засмотрелся. Хорошо тут у нас.

– Да чего хорошего! – вступил в беседу Мишка Клашин. –

Вот в райцентре хорошо. Школа есть, библиотека, пекарня, детсад, ясли, несколько магазинов. Это я понимаю, красота...

– Ладно, Мишка, спорить не будем. Скажи лучше – как дорогу пробивать будем?

– Коренного под узду придется вести, – проворчал Мишка. – Больно снегу много...

Дорогу действительно местами занесло снегом, но наст был мягким, и лошади спокойно шли, пробивая хороший санный путь.

До сенокосных угодий, что были в дальней Тушаме, добрались к вечеру на второй день. Проверили, не испортило ли зверье два зарода⁵, что остались не вывезенными с осени. Следов вдоль изгороди было много, но сломать ее или перепрыгнуть силы у лосей и косуль не было.

– К ночевке готовиться будем, – сказал Степан. – Давайте обживать зимовье. Гоша и Толя, распрягайте лошадей и в загон под крышу, не забудьте сена дать. Мишка и Саша, топите печку, воду надо вскипятить для чая. А я, пока видно, петли на зайцев поставлю, вдруг какой зацепится...

Пацаны пошли к зимовью. Избушка стояла посреди просторной поляны в окружении могучих кедров. Приземистая, с маленькими оконцами под двухскатной крышей. Между бревнами в пазах виднелись обрывки мха. Через сени, которые были завалены дровами, заготовленными еще во вре-

⁵ Зарод – стог сена (илимское наречие).

мя сенокоса, отдернув щеколду на двери и отбросив крючок, прошли внутрь. Железная печка, стол возле окошка, двое широких полатей – вот и вся обстановка. С потолка, опоясанный веревками, свисал тюк.

– Что это такое? – спросил Саша.

– Постель, – ответил Мишка.

– А чего она вверху-то?

– От мышей.

– Иногда, я слышал, в зимовье медведи заглядывают, – неожиданно сказал Саша.

– Ну ты скажешь! Он что, щеколду умеет открывать?

– Не знаю...

– Все, хватит трепаться, давай печь начнем топить, смотри, и спички, и береста есть...

Когда вернулись ребята и Степан, в зимовье было тепло, на печке кипел чайник. На маленьком подоконнике нашли огарок свечи. Ужин закончился быстро, и все легли спать.

– Дядя Степан, – послышался нарочито равнодушный Гошкин голос, – а что, медведи могут зайти в зимовье?

– Конечно, могут, дверь нужно хорошо закрывать. Накинули крючок?

Толя встал и на ощупь добрался до двери. Брякнул крючок.

– Вот так спокойнее.

– А зимой же медведь спит!

– Они к осени жиреют, запас набирают. Потому и спят

мертвецки. А если какой медведь плохо питался и недостаточно ожирел, то ему не заснуть, будет бродить всю зиму, еду искать. Это шатун, страшный зверь. Он никого и ничего не боится, у него одно дело – найти добычу и сожрать.

– Дядя Степан, а ты шатунов встречал?

– Бог миловал.

Степан уснул. Во сне он увидел Нюру, совсем молодой девчонкой, еще до замужества. Они шли с ней по дороге вдоль широкого поля пшеницы. Он пытался взять ее за руку, но она со смехом выдергивала ее и убыстряла шаг. Слева возвышался над всей округой могучий Красный Яр. Вдруг совершенно неожиданно Анна быстро побежала в сторону ближайшего обрыва, широко раскинула руки и прыгнула, но не разбилась, не полетела вниз, а стала парить над Красным Яром, над рекой и дальше, вниз по течению, и скоро исчезла из виду. Степан одиноко бродил по берегу Илима, ждал, когда вернется Анна, но она не возвращалась...

По привычке Степан проснулся рано. Таежное утро тускло светило в оконце. Он подкинул в печку дрова, быстро оделся и вышел на улицу. Надо было проверить петли, которые он поставил еще с вечера. Мгновение раздумывал, взять тяжелую фузею или оставить, потом махнул рукой, зашел в зимовье и закинул ружье за спину.

– Так спокойнее, – сквозь зубы пробормотал он.

Степан вдохнул свежего воздуха. На границе дня и ночи он казался голубовато-прозрачным, как хрусталь. Звук его

шагов далеко разносился по округе. Идти было очень трудно, деревянный протез глубоко проваливался в наст, и выдержать его из слежавшегося снега было мучительно. Вспомнился дед Макарыч, с которым они ходили на охоту. Однажды, указав на Полярную звезду, сверкавшую ярче всех остальных, он сказал, что это – путеводная звезда для всех, и она обязательно приведет домой путника, который не знает дороги.

«Да, дед, сейчас я нигде не потеряюсь», – подумал внук. Справа и слева стояли заснеженные кедры, сосны, ели, все заваленные снегом, словно их одели в белые шубы и шапки. Он остановился, любуясь этой красотой. Зимнее солнышко с трудом пыталось выглянуть из-за горизонта.

Вдруг Степан остановился. Следы.

Эти следы ни с какими другими он перепутать не мог. Он много раз встречался с ними, когда ходил с Макарычем на охоту, но самого «хозяина» вблизи не видел. Дед, обучая внука, разбирал следы с пристрастием.

– Степа, на подушечках лап у медведя, – говорил он, – мозоли, они оставляют след, который ни с каким другим зверем не перепутаешь...

Эти мысли пролетели в одно мгновение.

«Откуда медведь? Да не просто медведь, шатун. Его не отпугнешь, он уже ничего не боится...»

Сделав еще несколько шагов, Степан увидел медведя, тот раздирал зайца, попавшего в ловушку. Возвращаться назад в

зимовье было поздно. Такому страшному зверю догнать ковыляющего Степана ничего не стоило. Залечь, спрятаться на ровной поляне, найди удобный упор не было ни места, ни времени. Позади – мальчишки. Медведь с ними разберется в два счета, как только они выбегут за водой или по нужде. Тут же с ног собьет и когтями распорет.

«Некуда мне бежать, тут придется сражаться...» – мелькнула отчаянная мысль.

Стоя, Степан быстро приложился, целя под лопатку, и спустил курок. Он понял, что попал, так как медведь крутанулся на месте и, бросив зайца, начал прыжками уходить в чащу.

Степан заторопился, не желая упускать раненого зверя, и выстрелил, практически не целясь. Зверь не останавливался. Степан торопливо загнал два патрона в стволы и выстрелил еще два раза. После каждого выстрела он понимал, что пули не достигали цели.

«Наверное, упора нет, – решил Степан. – Сейчас, только перезаряжу».

Но патронов не было.

Зверюга, словно чуя, что Степан расстрелял боезапас, вдруг резко развернулся и широкими прыжками понесся по дуге на Степана. Медведь шел напролом, сухие ветки на его пути отлетали в сторону. Иногда его задерживал глубокий наст, то передней, то задней лапой он проваливался в снег.

Степан понимал, что сам стал добычей. Стрелять ему бы-

ло нечем, ребята еще спали в зимовье, да если бы даже они и выскочили на улицу, помочь бы не смогли. Бить дробью, даже крупной, по медведю – последнее дело. Похоже, он разозлил шатуна, и тот ни перед чем не остановится. Четыре года на фронте он не раз смотрел смерти в глаза, но погибнуть здесь – нелепо и страшно. А как же Нюра, его девочки и тот, еще не родившийся человек?

Медведь стремительно мчался к нему, его смрадное дыхание уже было слышно Степану. Никогда в жизни он не видел так близко зверя, желавшего его убить. Почти инстинктивно он выставил перед собой руку с длиннотвольной фузейей, пытаясь прикрыться ею от удара.

Медведь прыгнул. Однако его сокрушительный удар, ломающий хребет любому зверю и домашней скотине, прошел мимо. Когтистая лапа пролетела рядом с лицом, сорвав кожу на лбу и щеке, но пощадила глаза.

Степан упал на спину. В ту же секунду на него насаела лохматая туша.

Никогда в жизни Степану не доводилось быть в такой ситуации. Даже в деревенских драках он не принимал участия, предпочитая мирить забияк. Он был слишком силен, чтобы применить свою силу не по назначению. И вот теперь пришло это время.

Желание жить было настолько огромным, что Степан, практически не имея шансов на спасение, боролся. В нем самом появилось что-то звериное. Какие-то неведомые для

него самого силы помогли ему на равных участвовать в этой дикой битве.

Медведь рвал когтями руки и плечи Степана, пытался схватить его клыками за шею и сломать основание черепа. Степан уклонялся, как мог, прятал голову на груди зверя и пытался выхватить большой охотничий нож, пристегнутый на поясе. Наконец, ему это удалось.

Он уже не чувствовал боли от разорванных когтями плеч и груди, он думал об одном: надо убить медведя. Силы оставляли его, кровь заливала глаза. Он пытался ударить медведя ножом в грудь, но удар не получился. Вдруг зверь чуть ослабил свой напор. То ли решил отдохнуть, то ли сменить позу, но он подставил под удар свой бок.

Все свои силы Степан вложил в этот удар. Утробный крик боли и ярости раздался над поляной. Медведь снова ударил лапой по руке с ножом, и нож вылетел. Степан судорожно нащупал его, взял за рукоятку, но сил для удара уже не хватило. И вдруг он почувствовал, как зверь слабеет. Рывки его стали не такими резкими, схватить зубами человека он уже не мог. В один из таких моментов Степану удалось присесть и вновь ударить медведя под лопатку. Зверь выпрямился во весь свой рост, развел лапы, словно прощаясь с жизнью, и, утробно рыкнув, упал на Степана. Нож попал прямо в сердце.

Степан пытался столкнуть с себя тяжелую мохнатую тушу, но не мог. Силы покинули его. Кровь заливала лицо,

противная слабость была во всем теле. Он потерял сознание.

Очнулся уже в зимовье. Над ним склонились ребячьи лица.

– Дядя Степан! – закричал Гошка. – Ты живой?

Степан разжал залипшие губы.

– Посмотрите, что у меня. Мишка, проверь руки-ноги...

– А как проверить-то?

– По левой можешь постучать топором, – серьезно сказал Степан, но пацаны шутку поняли и нерешительно засмеялись. Пока они везли в зимовье израненного Степана, он был без сознания. Мальчишки изорвали свое нижнее белье и туго перебинтовали его, чтобы не истек кровью. Он и так ее много потерял...

День прошел быстро, сено мальчишки погрузили на сани, под словесным руководством Степана освеживали медведя, разрубили тушу на части. Степан чувствовал слабость, раны от укусов сильно болели, постоянно тошнило, но сила воли не покидала богатыря, он понимал, что надо терпеть, что ребятам будет трудно без его советов и опыта. Мальчишки стали непривычно тихими, предупредительными, поглядывая на раненого учителя с восторгом и обожанием, собрались в обратный путь.

И только одно было мучительнее ран. Степан страдал от мысли, как он в таком виде предстанет перед женой? Ведь ей нельзя волноваться. Нельзя ее огорчать. Но другая, несомненная и радостная мысль, скрашивала, просвечивала как

утренний свет эти переживания. Степан был уверен, что все произошедшее с ним символично и промыслительно. Теперь он не сомневался, что у него родится сын. Обязательно сын! Ведь должна же богатырская сила передаваться от рода к роду. Иначе, кто будет заламывать медведей, и бить врагов Руси, которым век от века нет переводу.

Опиум для народа

В нашей бедной избе, между двух окон, прямо над столом, на небольшой самодельной полочке стояла икона Богородицы. Жестяная, без оклада. Мама называла это место красным углом, держала в чистоте. По большим православным праздникам маленький домашний алтарь убирался узким длинным полотенцем, украшенным яркой густой вышивкой. Кроме иконы на этой полочке хранились документы. В Вербное воскресенье ко всей этой красоте добавлялась веточка вербы, а на Пасху – крашеное яйцо. Божница, говорила мама, должна быть видна сразу при входе в избу, чтобы входящий мог первым делом поклониться и перекреститься на Божий образ.

Я был самый младший в нашей семье Карнауховых, в школе учился хорошо, с гордостью носил пионерский галстук и за время учебы основательно подвергался советской атеистической пропаганде, хотя мама наша была верующей. Я убеждал ее, что религия – «опиум для народа». Твердил, что Бога нет. Мать улыбалась, слушая это богохульство, но не спорила, не пыталась переубедить меня, а по-простому рассказывала о своей собственной вере, как она ее понимает.

– Мишенька, родной мой, ну что я могу поделывать? Да, я верю в Бога, меня так воспитали. Для меня Бог – это добро, свет, помощь, сострадание и долгая-долгая жизнь, которая не заканчивается здесь, на земле. Потому что у каждого есть душа, и она бессмертна...

Я не знал, как отворотить свою «темную» мать от Бога. Так мне хотелось, чтобы она была похожа на моих современных учительниц-атеисток. И вот однажды, придя из школы, я взял из красного угла иконку и положил ее под коврик при входе в избу, о который все вытирают ноги.

Мама, войдя в дом, по привычке вытерла ноги и прошла в комнату. Я ждал этого шага матери, подбежал к ней и злобно закричал:

– Ты вытерла ноги об икону! Ну, и почему твой Бог молчит?

– Не пойму тебя, сынок, о чем ты?

– А вот о чем. – Я вытащил икону из-под коврика и показал матери.

Мать оттолкнула меня, хотела ударить, но сдержалась. Бережно взяла в руки икону, вытерла ее рукавом, поцеловала и перекрестилась со словами:

– Прости, Царица Небесная! – Она как-то отрешенно присела на лавку. Долго молчала.

Я испугался, прижался к матери.

– Экий ты герой, – в ответ на мою ласку горестно сказала она. С трудом поднялась, поставила икону на полочку. Потом встала на колени, прошептала молитву и стала отбивать земные поклоны, касаясь лбом самого пола. Окончив этот не очень понятный мне ритуал, она будто повеселела.

– Миша, никогда больше так не делай. Бог все видит, Он может за богохульство и наказать.

– Ты говоришь неправду. Как Бог может наказать?

Мама села на лавку, дрожащими руками сняла с головы платок, ее густые русые волосы волнами растеклись по плечам.

– Как может наказать? Да по-разному. Вот будешь купаться в реке, вдруг откуда ни возьмись прилетит камушек и ударит тебя по голове. Это не человек камушек кинул, а Господь хочет тебя вразумить.

– Ну, придумаешь ты, мама, – я засмеялся. – Правильно говорит учительница, темная ты женщина.

Мой довод совсем развеселил мать. Она обняла меня, крепко прижала к себе, поцеловала в макушку.

– Не трогай икону, не надо, это святое. Мне трудно объяснить. Ты поймешь, когда подрастешь.

Илим – река коварная, с омутами и отмелями. Но имеет и довольно глубокий для прохождения судов фарватер. Поэтому нашу деревню можно считать даже портовым поселением. Специальных причалов по берегам не было, но некоторые катера и большие лодки подходили, останавливались, бросая якоря. Мальчишки и некоторые отчаянные девчонки в жаркое лето из этой, опасной для купания судоходной реки не вылезали. Кто-то плескался у берега, а кому-то и Илим перемахнуть не составляло труда.

Ребята постарше любили устраивать представления. Они брали лодку, уплывали на середину реки и там показывали чудеса водной акробатики. На них собиралась посмотреть

вся деревня. Это был местный цирк. И нам хотелось походить на старших.

И вот Володька Анисимов собрал команду неудержимо отчаянных, чтобы купаться на самой стремнине. Я, конечно, напросился к ним. Желающих покрасоваться было много, но Володька взял только шестерых. Порезвились на славу, все получилось здорово, и прыжки, и плавание.

Я так устал, что прыгать уже не мог. Сказал Вовке, что пора заканчивать цирк.

– А что, тяжело?

– Руки устали.

– Тренироваться надо.

Я промолчал, зная, что спорить с Вовкой бесполезно.

– Ну, давайте по последнему разу, и домой.

Прыгнули по три человека с каждой стороны, кто-то вниз по течению, кто-то вверх. А до лодки доплыли пятеро, забрались в дощанку, огляделись и поняли – одного не хватает. Васьки Карнаухова. У самих сил нырять уже не осталось, а спасать товарища – собственной смерти искать. Стали кричать взрослых. Пока из деревни прибежали мужики, пока нырять стали, время упустили. К вечеру течением прибило Ваську к берегу. Нашли его у отвесного берега Красного Яра. Расталкивая любопытных, к нему бежала рыдающая мать...

Поздним вечером умытый и одетый во все чистое я лежал в своей избе на скрипучей железной кровати. Внимательно

и милосердно, как мне казалось, смотрела на меня с иконы Богородица. Мать сидела рядом, гладила меня по голове.

– Мама, ты ведь была права.

– В чем права?

– В том, что Господь меня должен был наказать за то, что я сделал с иконой.

– Почему ты так решил? Я о Божьем наказании говорила так, для острастки, – сказала мать.

– Нет, мама, просто Бог ошибся и Ваську наказал, фамилия-то у него такая же, как у меня.

– Родной ты мой, спи. Господь сохранит нас. Ведь я прошу Господа об этом, а он слышит мои просьбы...

– Мама, ведь я виноват.

– Спи. – Она прикрыла своей ладошкой мой рот.

Дело совести

Начало октября было по-летнему умиротворенным, солнечным и теплым. В дневные часы солнце изливало на мир свои ослепительные щедроты так активно, что казалось, перепутало время года, и лето, поутихнув в дождливом сентябре, в октябре вновь надумало вернуться. На скошенных полях, среди колкой стерни показалась молодая трава, а лугovina вдоль Илима сплошь зазеленела. И колхозные, и деревенские коровы с утра гуляли на вольных выпасах, и только

к вечеру их загоняли по домам и на скотный двор для вечерней дойки.

Деревенские старожилы не могли припомнить на своем веку подобной погоды и спорили меж собой о временах, когда еще случалась такая благодать.

Мишка, прибежавший из школы, бросил курам зерна, дал корма изголодавшейся свинье, которая бурно напоминала о себе, визжа и ломая дверь. Выполнив свои постоянные обязанности и выпив залпом кружку молока, Мишка забрался на сеновал и углубился в книгу о захватывающих приключениях двух капитанов.

Но какое бы ни было молодящееся солнце, непреложные законы мира не позволяли ему подниматься так же высоко, как летом, да и путь его по небосводу был ниже и короче июньского пути. Как бы светило ни хорохорилось, лето состарилось и ослабело. Уже в шестом часу вечера солнце целиком закатывалось за огромную скалу Красного Яра, и только его лучи, словно отблески золотой короны невидимого властелина мира, еще какое-то время стояли на страже света и не пускали на небосвод ночь.

В один из таких вечеров мать пришла с работы позднее обычного. Была она дояркой на колхозной ферме, а там работали по расписанию, доили буренок в определенные часы и кормили тоже.

– Мама, что-то случилось? – спросил сын, поджидая ее у ворот.

– Да ничего не случилось, Миша.

– А чего так поздно? Пора уже Зорьку доить, она в хлеву изревелась.

– Сейчас, сейчас, подою нашу кормилицу.

Анна быстро забежала в сени, скинула кофту, надела сапоги и, схватив подойник, поспешила в хлев.

– Мама! – закричал Мишка. – Ты чего такая забывчивая? – и понес следом за ней ведро с теплой водой и белое вафельное полотенце.

– Мишенька, родной мой, спасибо. Что бы я без тебя делала? – певуче и с незнакомой Мишке торжествующей интонацией приговаривала Анна, омывая вымя коровы и протирая его сухим полотенцем. И вот наконец грянул радостный, ни с чем не сравнимый звук: нетерпеливые струи теплого молока звонко зазвенели, ударяясь о дно подойника. По мере того как ведро наполнялось животворной влагой, звук мягчел, струи ударяли о стенки подойника нежнее и тише. Мишка дал Зорьке корочку черного хлеба. Кормилица съела его с удовольствием, облизав даже Мишкины пальцы. Мама царственной своей походкой бережно понесла полное ведро молока в дом. В кухне Мишка с удовольствием выпил еще одну кружку парного молока, сладко причмокнув, и отер губы ладонью.

– Еще? – спросила мама, разливая молоко по банкам. Они останутся до утра нетронутыми, а утром можно будет собрать сливки.

– Хватит, хорошего помаленьку, – по-хозяйски рачительно, заботясь о достатке семьи, солидно ответил Мишка.

Уже вечером, сидя за столом у керосиновой лампы, он задал матери прежний вопрос.

– Ты где была-то?

– Ой, не спрашивай, Мишенька, где я была. – Мать заулыбалась и стеснительно отмахнулась рукой. – В правление колхоза меня вызвали.

– А что тут особенного? Мы с пацанами хоть и не колхозники, и то раз в месяц там бываем.

– Так меня вызвал секретарь парткома.

– Зачем ты ему понадобилась?

– Не догадываешься?

– Я даже не знаю, как его звать. Он недавно приехал к нам, из города. И семью тоже привез.

– Партия приказала, вот и приехал.

– Так зачем он тебя вызывал?

– Он сделал мне предложение.

Мишка вспыхнул, надулся и отвернулся к окну. Мать рассмеялась, прижала к себе сына и, улыбаясь, проговорила:

– Предложил мне вступить в партию.

– Да ну! А ты не шутишь?

– Какие уж тут шутки! Только я сказала, что мне надо хорошо подумать.

– А чего тут думать?

– Есть чего, Миша.

– Ну, не знаю, мама. Это ведь такое почетное дело – быть коммунистом.

– Для начальников быть коммунистом – большое дело, а для доярки все едино. Корова ведь не спрашивает, кто ее доит.

– Мама, ты неправильно рассуждаешь.

– Так и рассуждаю. Ты посмотри, какая у меня грамотность? Проучилась один год в церковно-приходском училище. И что я, малообразованная, буду делать в партии? Слушать да головой кивать? И время потребуется, ты меня совсем не увидишь. Партийные собрания каждую неделю проходят: все что-то решают.

– Решают, мама, как социализм на советской земле построить.

– Эка ты, Миша, хватил. Разве разговорами такое дело сотворишь? Нужно работать.

– Коммунисты все работают, они в свои ряды берут самых достойных.

– Может, оно и так, жить стали лучше, но все равно – до социализма далеко.

– Вот вступишь в партию, и мы побогаче жить станем. Партийные тебе помогать будут, трудодни дополнительные выписывать.

– Да разве для этого в партию-то поступают? Ничего-то ты у меня еще не понимаешь в жизни, сынок.

Мать посмотрела на бумажную иконку, что стояла на по-

лочке в простенке над столом. Украшенная белым расшитым полотенцем, она мерцала в лучах заходящего солнца живым светом и, казалось, дышала. Анна склонила пред ликом Спасителя голову, прошептала молитву и несколько раз осенила себя крестным знаменем. Мишка неодобрительно заметил.

– Мама, ты же в Бога веришь! Партийным нельзя быть верующим!

– Конечно, сынок, но мне с этой верой легче жить.

– У нас в школе, когда в пионеры принимают, спрашивают о религии.

– Ну и что?

– Как ну и что? Верующих не принимают.

– Мы ведь по церквям не ходим, в душе своей Бога славим. Какие же мы верующие? Мы люди невоцерковленные, но любящие Господа всей душой.

– Мама, все, кто крестятся, – верующие?

Мать улыбнулась сыну, ласково, поцеловала и завершила разговор словами:

– Не будем рассуждать, Миша, кто верующий, а кто нет. Это дело совести. Посоветуюсь я с Василием Григорьевичем, бригадиром. Он человек умный, с войны пришел при орденах, все тело в осколках. На фронте в партию вступил.

Несколько дней подряд Мишка приставал к матери с вопросом:

– Ты с Василием Григорьевичем поговорила?

Анна только пожимала плечами да со вздохом отмахива-

лась.

– Почему? Что, трудно спросить? – наседал Мишка.

– Не трудно, но самой решиться надо.

– Ну, мама, ты что – боишься?

– Не знаю, Миша, вроде и не боюсь, но в партию вступить

– это ведь не на ферму отправиться.

– Мама, я уже в классе всем сказал, что тебя в партию принимают.

– Зачем сказал, похвастаться захотелось? Эх ты – голова садовая.

Наконец, через день, вечером, они пошли к Василию Григорьевичу.

Бригадир, увидев их обоих, догадался о цели визита:

– По лицам вижу, дело серьезное, пошли в избу.

Когда расселись, фронтовик кивнул головой:

– Ну чего, Анна?

– Василий Григорьевич, я о партии спросить хотела.

– А чего о ней спрашивать?

Мишка решил помочь матери.

– Дядя Вася, мама хотела спросить, как в партию вступить.

Бригадир с улыбкой посмотрел на Мишку.

– Как? Да просто, пишут заявление, берут рекомендации и отдают в партком.

Анна набрала воздуха, выдохнула.

– Знаю я об этом, хотела спросить о другом. В Бога я верую, можно ли мне с этим в партию поступать?

Василий Григорьевич задумчиво посмотрел на Анну, встал, подошел к окну, закрыл занавеску. Вернулся и сел напротив Анны.

– А кто о твоей вере знает, Анна?

– Как кто? Я, Мишка, соседка Марья. Иногда на работе, когда что-то не ладится, молитву прочту, крестом осеню себя, и дело идет.

– Да, дела! Когда я предлагал парткому твою кандидатуру, у меня и мысли не было о твоей вере. Какая такая вера? У нас в деревне попа нет, церкви нет, икона стоит в уголку для красоты, что это – разве вера?

– Так это ты меня предложил в партию? – удивилась Анна.

– Я, а ты на кого подумала?

– На секретаря парткома.

– Он со мной посоветовался, кто у нас такой хороший, чтобы партийцем быть, вот я тебя и разрисовал.

– Не надо было, Василий Григорьевич, делать этого.

– Да, дела, Анна. А может, просто не говорить про веру, а?

– Кому не говорить?

– На парткоме, а потом на комиссии в райкоме.

– Соврать, значит?

– Зачем врать, просто промолчать.

– А икона? Она же у меня с детства, как себя помню, так перед ней и молюсь, и исповедуюсь.

– Убери.

– Бог с тобой, Василий Григорьевич, а совесть-то я куда

уберу? Что ж ты мне предлагаешь, одну веру на другую поменять?

– Молись про себя, кто тебе мешает?

– Про себя не молятся.

– Ну, тогда в партию дорога тебе заказана. Партии атеисты нужны. В партии с религией борются, опиум она для народа.

– Это что такое?

– Отрава, значит.

– Так бы и сказал, а то заумные слова высказываешь.

Беседа прервалась. Неловкость ощущалась в затянувшемся молчании. Анна поднялась первой.

– Спасибо, Василий Григорьевич, за разъяснения.

– Вижу, не устроили тебя мои слова.

– Ну почему же, многое прояснилось.

– Хорошо, что прояснилось, Анна. Помни, ты партии нужна, но без веры в Бога! – сурово подытожил Василий Григорьевич.

По дороге домой Анна, мысленно продолжая разговор с бригадиром, произнесла вслух:

– Надо же: молись молча, икону убери. А как же тогда Господь услышит мои молитвы? А для чего врать? Кому от этого хорошо станет? Зачем мне другие богатства-привилегии, если духовными сокровищами за них расплатиться принуждают?

Мишка не пытался спорить. Он знал: лишить мать веры невозможно. Полученные им знания в школе разуверили его

в религии, но как переубедить маму, он не знал. Все его разговоры с ней не приводили ни к чему. Она улыбалась сыну, говорила, какой он стал большой и умный, но в споры не вступала.

Партийцев в деревне было пять человек, все мужчины, а тут предлагают его матери вступить! Это же честь какая! А она?..

Дома Анна подошла к иконе, перекрестилась, приложила к сердцу, потом бережно протерла ее белоснежной тряпочкой, подвернула края расшитого полотенца, тяжело вздохнула и села на скамейку у окна.

– Нет, Мишка, я не буду ни от кого таиться, верю, значит, верю, чего мне лукавить? Чего мне перед Богом изворачиваться? Он, в отличие от этих, – она кивнула головой в окно, – все видит.

– Мама, ну сколько говорить тебе, что это все придумки! Ну как можно видеть каждого человека, да еще знать, что он делает и думает?

– Бог может, Миша, и видеть, и думы человеческие знать. Они оба замолчали, каждый думал о своей правоте.

Прошло недели две. Однажды поздним зимним вечером, делая домашнее задание и дожидаясь маму с работы, Мишка уснул за столом.

Сон унес его на вершину Красного Яра. Мишка со стороны смотрел на себя и видел, как он идет не к обрыву, откуда видно родную деревню, Илим, речку Тушаму, а в проти-

воположную сторону. Тропа вела мальчика в глубину леса и вывела к круглому озеру.

– Вот те на, откуда же здесь озеро? Сколько раз бывал, а не видел его никогда.

Озеро было небольшое, метров сорок в диаметре, идеально круглое, как зрачок. Казалось, кто-то циркулем прочертил его берега. Вода в нем небесно-голубая, прозрачная: то ли дно просвечивает, то ли небо отражается. Красота озера завораживала. Что же питает это озеро? Может быть, подземные источники? И тут Мишка увидел, как в одном месте неразрывным искристым потоком падала в озеро зеркальная струя. У самого обрыва стояла церковь. Тишина дремучего леса была такая, что позволяла слышать шум крови в ушах, а стук Мишкиного сердца, казалось, разносился далеко по округе.

Мишка вошел в храм, в нем шла служба. К своему удивлению он увидел маму и всех жителей деревни. В первом ряду смиренно стоял бригадир Василий Григорьевич.

– Мама! – крикнул Мишка.

Мать приложила палец к губам, взяла сына за руку и поставила рядом с собой.

– Мама, мне нельзя молиться, я пионер, – недовольно прошептал мальчик.

– Постой рядом молча.

Мишка угомонился, ощутив необычность происходящего, послушно встал рядом с матерью. Мерцающие свечи,

зыбкое парение неведомого ему пахучего вещества потрясли его. Казалось, из-под купола храма струилось прекрасное песнопение. Все, находящиеся в храме, уверенно вторили непонятым словам. Мишка запомнил только многократно повторяемое «Господи, помилуй».

Богослужение закончилось, умиротворенные и вдохновленные люди стали выходить из храма. Анна взяла сына за руку и подошла к священнику.

– Отец Матфей, это мой сын Михаил. Прошу вас, благословите его.

– Мама, ну что ты делаешь – зашипел Мишка, выкручивая руку, – я же пионер.

Священник ласково посмотрел на Мишку глазами цвета того необыкновенного озера и добродушно сказал:

– Пионер, говоришь? Так что же в этом плохого? И пионера благословить можно. И пионер Божье дело в этом мире делает – доброе дело.

– Бога нет, так нас учат в школе, – смущенно возразил Мишка.

Священник улыбнулся и, обняв юного строптивца за плечи, ответил:

– Ты попроси сейчас о чем-нибудь Господа, и все сбудется.

Мишка с недоумением поглядел на мать, на священника.
– Это все сказки, – пробурчал он. – Никто не знает, что будет дальше...

– Никто, кроме Бога, – твердо сказал священник, словно поставил окончательную точку в разговоре. – И Он знает, что, когда ты вырастешь, вспомнишь этот день. Знает, что и ты сам вступишь в партию большевиков. Побываешь в Москве, в Кремле. Знаменитым человеком станешь по молитвам твоей милосердной матери. Запомни, Господь обо всем знает. И о богатствах твоих, и о бедах, и посылает помощь тебе по необходимости. И вразумление, когда надо.

Мишка схватил материнскую руку и прижался к ней...

– Успокойся, сынок. Успокойся...

Он проснулся. Рядом была мама, которая гладила его по голове своей ладонью, похожей на мягкое, светящееся крыло неведомой птицы.

* * *

В партию Анна не вступила. Мишка рос, мужал. Он был целеустремленным, талантливым. Многого добился сам, но был твердо убежден, что на его жизненном пути ему все время помогает кто-то незримый, оберегает, направляет и вразумляет...

В тридцать лет и три года Михаила приняли в члены КПСС. В сорок три он был избран делегатом съезда коммунистической партии, руководившей огромной страной. Об этом событии он сообщил в деревню телеграммой. Подписывая обратный адрес, с гордостью поставил: Москва. Кремль.

Михаил шел по территории Кремля с таким воодушевлением, какого не испытывал ни разу в жизни. Ему радостно было от того, что он делает нужное дело, что оно оценено государством. Но более всего ему радостно было ощущать себя в окружении древних русских святынь. На него смотрели церкви и башни, которые видели и русских венценосцев, и предводителей народных бунтов, и молящийся Богу народ Руси православной. Здесь, в Кремле, он ощутил неразрывную связь с русскими людьми. История виделась ему не отвлеченным школьным текстом, а живым монолитным потоком, огромным крестным ходом, в котором и ему отведено место. А рядом с ним была его мать Анна. Он не мог разглядеть ее лицо, но отчетливо слышал голос, напоминавший ему великую человеческую мудрость: нет богатств земных, тленных, которые превысили бы нетленные сокровища духа и веры...

Из каких-то неведомых закоулков памяти явились вдруг строки из любимого стихотворения петербургского поэта Бориса Орлова:

*Жизнь идет от порога к порогу,
Находя утешенье в ходьбе.
Мама искренне молится Богу
Перед иконою в русской избе.
Утром дерево детского роста
Стелет ковриком тень на крыльцо.
Все таинственно, мудро и просто.*

У всего есть душа и лицо...

Вот она, тайна бытия России, тайна ее непобедимости и достоинства. В маленьких деревенских избах, в величественных государевых соборах, пред бумажными образками и пред храмовыми святыми в золотых окладах идет непрерывная православная молитва. И покуда не иссякнет она, не иссякнет и русский род.

Часть II

Детство

Осень в Сибири – отличная пора. Особенно конец августа. Прошли первые заморозки, а за ними исчез гнус, который летом приносил столько мучений и зверю, и человеку. Безграничная, подпирающая небеса тайга дарила ощущение величавой мощи и неизбывной свободы. Река Тушама с ее таинственными омутами и лихими перекатами, с заливными лугами, напоенными сладкими соками трав, открывала нам что-то неизвестное, пугающе взрослое, заставляющее задумываться о будущем. Пенье птиц, кукование кукушки, барабанная дробь дятла, шелест листьев и скрип деревьев вызвали в душе чувство восторга и любви ко всему окружающему миру. Тайга была огромна, как открывшийся для меня однажды мир знаний.

Для всех в деревне, и малых, и старых, школа была святым местом. Если бы здесь стояла церковь, то думаю, что почитали бы эти два здания одинаково...

Юбилей

Поздним вечером все семейство Карнауховых собралось за кухонным столом. Семья по деревенским меркам небольшая: глава семьи Анна Савельевна, статная, красивая женщина, две ее дочери и сын.

– Ну что, дети, праздник приближается, – интригующе и радостно сказала мать.

Дети удивленно посмотрели на нее – в календаре никакого праздника не было. Мать пояснила:

– У Мишани нашего юбилей через неделю!

– Что за юбилей? – недовольно спросила Мила.

– Самый настоящий юбилей – десять лет ему исполнится!

– А я-то думала, какой-то другой праздник. А это всего лишь день рождения, – разочарованно добавила Мила.

– Это не просто день рождения. Десять лет в жизни бывает только раз. Миша во второе свое десятилетие вступает, с него теперь и спрос другой. Да и отдача от нашего единственного мужичка вырастет, и другое отношение к жизни появится. Вот увидите.

– Ну ладно, юбилей так юбилей – смилостивилась Мила. – И что, мама, надо делать?

– Надо сделать хороший веселый праздник. Я хочу, Миша, чтобы ты пригласил своих друзей.

– Так у меня друзья только погодаевские...

– Вот их всех и пригласи!

– А у нас места хватит?

– Я постараюсь, чтоб хватило и места, и угощения.

В свой день рождения, вернувшись из школы, Мишка избу свою не узнал. Новенькие половички были разложены от самого порога до кухни. Русская печка прикрыта выглаженной ситцевой занавеской в синих васильках и солнечных ромашках. К обеденному столу в комнате был приставлен столик из кухни, оба придвинуты к кровати, на которой будут сидеть приглашенные. С противоположной стороны стола скамья была сделана из длинной толстой доски, принесенной из сарая. Доска, обернутая холщовой тканью, которой обычно накрывали сундук, концами опиралась на два табурета.

На большом листе ватмана сестренки сделали веселую юбилейную газету с рисунками и воспоминаниями о десяти годах жизни младшего брата.

Красный угол был украшен белоснежным рушником. Пресвятая Богородица, державшая на коленях Младенца, казалось, сегодня взирала на мир с особенной радостью. На столе стояли в больших фаянсовых тарелках соленые огурцы, масляно поблескивали маринованные грибы, аппетитно пахла квашеная капуста, искрилась моченая брусника, поджаристой корочкой манила еще горячая курица, подрагивал любимый Мишкин холодец. Из кухни доносился запах еще какой-то готовящейся вкуснятины. Ждать никого не пришлось. Одноклассники собрались точно к назначенному времени, расселись вокруг стола. Мишку посадили в красный угол под божницу, мать села с краю, чтобы легче было

выходить на кухню.

Подарков оказалась целая гора! Кто-то принес книжку, кто-то красивую открытку, два брата, Вовка и Гошка – две беличьи шкурки. Но мамин подарок был лучшим, она подарила Мишке настоящий солдатский ремень с тяжелой латунной бляхой и большой звездой на ней. Можно было догадаться, каких трудов стоило матери раздобыть такую бесценную красоту.

Сначала все сидели тихо, потом по очереди пожелали Мишке здоровья и хороших оценок в школе, после чего начал разгораться галдеж, некоторые гости переговаривались слишком громко, кто-то, наконец, попросил Мишку прочесть стихотворение. Когда он закончил словами «Хорошая Родина есть у ребят, и лучше той Родины нет», все закричали «ура» и отпили из стаканов морс.

Веселье продолжалось на улице, где долго катались на санках и кидались снежками. Мишка, ощущая себя теперь взрослым, умудренным жизнью человеком, в особо шумных дурачествах участия не принимал. Но все равно пришел домой затемно. Мама прижала к себе сына и с непонятной Мишке гордостью и надеждой прошептала: «Какой же ты у меня большой!»

Перед сном Мишка долго обдумывал свое новое качество, которому должно соответствовать и новое поведение. Мысленно он вычеркнул из своей грядущей жизни детские игры, обидные слова, плохие оценки. И впервые задумался, как же

он будет помогать маме, какие ее заботы и хлопоты переложит на свои плечи, еще такие хрупкие, но все-таки уже мужские...

Пионерский галстук

В тайге дорог мало. По сегодняшним меркам их и доро-

гами назвать трудно. Грунтовые. Проехать можно только в сухую погоду, чуть дождик, все раскисает, пути нет.

Другое дело река. И летом, и зимой безропотно принимает на себя любую ношу. Деревню Погодаева и Нижне-Илимск разделяет река Илим. Во времена моего детства моста здесь не было. Конечно, хорошо, если был бы мост, но если его нет, надо искать другой путь. Мы, погодаевские дети, с первого по десятый класс учились в школе райцентра. Давно закрыли нашу деревенскую школу, видимо, учителя подобрать не могли. Пока тепло, переправлялись через реку на лодках, а зимой – по ледку пешком в школу ходили. Только два раза в году не могли перебраться через Илим. Осенью, в начале ноября, река покрывалась шугой, возле берегов, где помельче и течение потише, образовывалась наледь, а русло долго не могло уgomониться. Бывало, по неделе бурлил Илим, встревоженный близкими холодами. Приходилось ждать, когда лед его утихомирит.

Весной, в начале мая начинался ледоход, тоже не минутное дело, частенько заторы на реке случались, а с ними наводнения. Недели две уходило, чтобы река очистилась.

Вот в такое время все погодаевские ученики перебирались на жительство в Нижне-Илимск. Каждый по-своему: кто к родне, кто к знакомым. Только первоклашек оставляли дома.

Мама тоже договаривалась о моем постое. Как ни было трудно, какие-то продукты собирала и денежки мне давала

на лакомства.

Пару дней на новом месте все было в диковинку, о доме забывалось. Но потом напала тоска, и в свободные часы я шатался по берегу, с надеждой смотрел на реку, когда же ей полегчает. Любовался издали родной деревней.

Перед 7 ноября, перед праздником Великого Октября, как его официально называли, меня торжественно приняли в пионеры.

После торжества я вышел из школы, как всегда направился к реке, дошел до скобяного магазина и огорчился, видя, что по-прежнему по реке шла шуга. Домой теперь можно попасть только по льду. А когда он установится и окрепнет? Как же мне хотелось порадовать мать, предстать перед ней прямо сейчас в своем новом качестве и облиии!

Прием в пионеры был событием особым, жизненно важным. Вожатые готовили участников будущего церемониала тщательно, рассказывали о традициях, об истории пионерской организации. Мы учили наизусть пионерскую клятву. Помню и сейчас ее первые слова: *«Я – вступаю в ряды Всесоюзной Пионерской Организации, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: горячо любить свою Родину...»* Мы понимали, что стать пионером – большая честь для каждого школьника нашей великой страны. Первыми принимали отличников. А я учился на пятерки... Конечно же, был необычайно горд, оказавших в почетных первых рядах. Но даже не в этом состоял главный смысл события. С пионер-

ским галстуком я казался себе другим человеком. Теперь я не какой-нибудь там малыш – сорванец, а – пионер! То есть – первый, показывающий пример. Я действительно показывал пример своими отличными отметками и отношением к учебе.

И так хотелось немедля всеми этими своими новыми переживаниями поделиться с матерью! Она – главный человек в моей жизни, она меня понимает лучше всех. Любит меня и радуется искренне моим успехам.

С сожалением разглядывая забитую ледовыми торосами реку, я вдруг заметил на берегу двоих мужиков. Узнал – погодаевские. В деревне все знают друг друга. Подошел, поздоровался. Мишка Солод с Ванькой Куклиным готовили лодку к переправе. Чистят снег, скалывают лед. Стою, молчу. Ванька спрашивает:

– Чего, Минька, домой хочется?

– Ага, – радостно киваю я.

– Видишь, что на реке творится, – вмешался Мишка Солод.

– Вижу. А вы-то переправляться будете?

– Будем. Домой надо, сейчас не переправишься, дня на два застрянем, если не больше.

– И я домой хочу.

– Чего забыл дома-то? – подтрунивал Солод.

– Да ничего не забыл, к маме хочется.

– Ты уж большой, соска не нужна.

– Я лекарства матери достал, – соврал я.

– Я видел твою мать позавчера, какой-то вялой она была, – это уже Ванька ввязался в разговор.

– Ты что, хочешь взять его? – рявкнул Солод.

– Ну а чего, где двое, там и трое могут уместиться.

Мишка покрутил пальцем у виска и послал меня с Ванькой далеко-далеко. Я молчал, глядя жалобно и с надеждой.

– Да хрен с тобой, поплыли. Утонешь, сам виноват будешь, – вдруг сжалился односельчанин.

– Не утону! – закричал я, помогая толкать лодку навстречу идущей по руслу шуге.

Плывем. Не Северный морской путь, конечно. Но и у нас далеко не ледокол. Я разместился посередине лодки, на днище. Двое мужиков с кормы и с носа отталкивают шестами льдины. Скорость аховая – метр вперед, два назад. Льдины ускоряются течением, напозают одна на другую, толкают наше суденышко в борта, лодка кренится и, кажется, вот-вот перевернется. Смотрю на берег. Он уже полон зрителей. Вся деревня следит за нашим рискованн плаванием. Помочь все равно нечем: спасательных катеров в деревне не было, да если бы и были, какой прок. У некоторых бинокли в руках. Мы подобралсь поближе, и я узнал в толпе мать. Ей уже сказали, что я тоже в лодке. Около двух часов добиралсь до берега вместо двадцати минут по нормальной воде.

Едва ступили на берег, мать с причитаниями хватает меня за руку, ощупывает – целый ли, сухой ли – и быстро тащит

домой. Я все повторяю: «Мама, мама, меня в пионеры приняли...» Но она вроде как не слышит, не отвечает. Только уже дома, когда я снял фуфайку и явился во всей пионерской красе – в белой рубашке с красным галстуком, она оглядела меня, кивнула, но так ничего и не сказала. Только украдкой отерла слезы из своих пронзительно голубых глаз. Я не понял их причины. Резонно рассуждая: могла, конечно, лодка перевернуться. Но ведь не перевернулась! Сейчас думаю, тогда, наверное, мое страстное желание порадовать мать спасло нас троих. Еще неизвестно, Ванька с Мишкой добрались бы благополучно без меня?

Утро встретило меня солнцем, его лучи буквально насыпались по моему одеялу. В доме стоял запах свежеспеченного хлеба. Чудный аромат луговых трав, цветов, парного молока, запах хлеба – все это окружало меня.

– Мама! – восторженно кричу я, выглядывая из-за занавески на русской печке.

Недовольный кот Васька уходит от моего громкого восторга и прячется за трубой. Я слетаю с печки, но дома тишина, никого нет. Только на столе прикрытые полотняным полотенцем круглые буханки свежеспеченного хлеба и кружка с парным молоком.

Понимаю, мама на колхозном скотном дворе. У коров не бывает праздников, за ними нужен постоянный уход, каждый день.

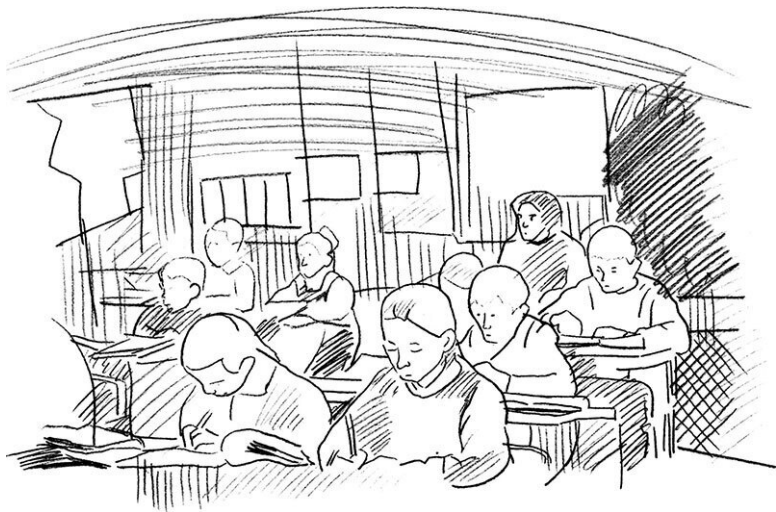
Я ем хлеб и запиваю парным молоком.

И тут замечаю свою белую рубашку, аккуратно разложенную на спинке единственного в доме стула, постиранную и поглаженную, а сверху красный пионерский галстук.

Когда же она все успела!? И почему не сказала вчера ни единого ругательного слова за тот смертоносный мой «подвиг»?

Только сейчас я в полной мере осознаю великую мудрость моей мамы. Ее молчание было более действенным укором мне, чем наказание. Жаль, что так коротка была наша с ней жизнь. Хотя нет, я не прав. Когда мне плохо, я разговариваю с ней, и она мне что-то советует, пытается защитить от невзгод. Так происходит всегда, когда я прошу ее о помощи.

Второй раз в первый класс

Сегодня, когда мне исполнилось семьдесят лет, я понимаю, что повидал на земле-матушке больше многих своих сверстников. И это не пустые слова, мне есть с чем сравнивать и что вспоминать. Я учился и в деревенских, и в городских школах, в советских техникумах и институтах, и даже в Великобритании, в Манчестерском университете, где пополнял свои знания о чуждых нам законах капиталистической системы, живущей по принципу «человек человеку волк». Но самое щемящее, самое дорогое для меня воспоминание

– школа в деревне Погодаева.

Я расскажу об истории первого моего знакомства с огромным, как сибирская тайга, миром знаний, и о тех, кто ввел меня в этот мир. Он остался в моей памяти не сам по себе, но в конкретных людях, в образах учителей и товарищей.

Наша школа – это большой дом посредине села на берегу Илима. Разделен он был на три части. В первой стояли четыре колонки парт, которые использовались по очереди, в строгой последовательности. Первая колонка предназначалась для первого класса, вторая – для занятий второго класса, на третьей сидели третьеклассники, а на четвертой располагались самые старшие – ученики четвертого класса. Средняя часть дома была отведена для отдыха на переменах, а также могла использоваться как спортзал. В дальней части школы жил учитель, там же находилась библиотека. Помню свою робость перед ее дверьми и особый, ни с чем не сравнимый запах старых книг – старожилы рассказывали, что книги привезли в деревню еще до революции местные купцы, которые, собственно, и построили эту школу.

Для всех в деревне, и малых, и старых, школа была святым местом. Если бы здесь стояла церковь, то думаю, что почитали бы эти два здания одинаково. Сейчас в это трудно поверить, но мы, дети, никогда в школе не хулиганили – ничего не ломали, не портили. Возможность подобного святотатства даже в голову никому не приходила. Но в жизни всякое бывало: случайно разбитое стекло – трагедия, залитая

чернилами тетрадь – горе невероятное. Авторитет учителей – высочайший. Если в твой дом приходил учитель, все домочадцы почтительно и испуганно молчали, ожидая его обвинительного слова. Милиционера боялись меньше. Вернее, учителей не боялись, их уважали. Все старались помочь им, колхоз – дровами, сеном, иногда мясом, ну, а крестьяне не считали зазорным поделиться с учителем теми крохами, что они так трудно добывали для своих семей.

В первый класс я поступал дважды.

Осень в Сибири – отличная пора. Особенно конец августа. Прошли первые заморозки, а за ними исчез гнус, который летом приносил столько мучений и зверю, и человеку. Лицо приходилось покрывать сеткой, сплетенной из конского волоса, ну, а одежда как у кого, по мере выносливости, главное, чтоб голых участков тела не проглядывало. Вмиг накинутся кровожадные насекомые.

А теперь – благодать, хоть нагишом бегай; и тепло еще, и солнце не припекает. Выбежишь утром на улицу, да так заиграешься с ребятами, что про все мамины наказания забудешь. Только когда заметишь, что солнце к Красному Яру подошло и колхозники с полей возвращаются, опомнишься, и всплывет в памяти то, что мать тебя еще с вечера просила сделать. Бежишь домой, а там свинья недовольно хрюкает, куры кудахчут, все голодные, но дозваться меня не могут...

По-быстрому всем раздашь корм, потом на Илим за водой, а затем с чистой совестью у ворот встречаешь маму.

Вот в один из таких дней мои закадычные друзья и спрашивают меня:

– Мишка, ты в школу идешь?

– А вы?

– Мы идем.

– Когда идти-то надо?

– Завтра.

Вечером хнычу: «Мама, Володька завтра в школу идет, Ванька тоже».

– Ну, и ты иди.

– Мама, но у меня же школьной формы нет.

– А что, все в школьной форме будут?

– Не знаю.

– Давай, Миша, я постираю твою рубашку и штаны приведу в порядок.

Утром, аккуратно причесанный и чисто одетый, я пришел со своими друзьями в школу.

Учитель – Георгий Васильевич – посадил нас за парты и начал знакомиться с нами, первоклашками. Смотрит в журнал и называет фамилию. Меня в списке не оказалось. Видимо, забыли записать. Учитель еще раз проверил списки. Поднял меня из-за парты и спрашивает:

– Ты какого года рождения, Миша?

– Не знаю...

– Плохо, что не знаешь. Посиди сегодня с нами, а завтра принесешь свидетельство о рождении.

– Хорошо, Георгий Васильевич.

Вечером, когда мама нашла мое свидетельство о рождении, мы поняли, что учиться в школе мне еще рано. Но я пошел туда и на другой день.

Георгий Васильевич посмотрел свидетельство, ласково улыбнулся и сказал непререкаемым тоном:

– Миша, погуляй еще годик, а потом приходи.

– Георгий Васильевич, а можно мне учиться вместе с Володькой и Ванькой, – прохныкал я.

– Нет, Миша, им пора в школу, а тебе еще рано.

– Я и буквы все знаю.

– Вот и хорошо. Иди в школьную библиотеку, возьми книжки, учишь читать, а за парту сядешь в следующем году.

Расстроился я ужасно. Но переживал недолго. На дворе стоял сентябрь – время грибов, ягод, кедровых шишек. Река кишела рыбой. На поляне перед деревней играли в футбол, в лапту, в городки. До учебы ли?

На следующий год, уже на законных основаниях, я вновь пришел в школу. Теперь я был записан в журнал, который держал в руках учитель. Правда, уже не Георгий Васильевич. Новый учитель был небольшого роста, с колючим взглядом раскосых глаз, и даже в такой, можно сказать, праздничный день он, казалось, был чем-то недоволен; то ли нами, то ли жизнью своей.

Много позже, из книг и рассказов своих взрослых друзей я составил себе впечатление о первом учителе. Разуме-

ется, это был рыцарь без страха и упрека, красивый, умный, справедливый: мальчишки во всем старались подражать ему, а девчонки поголовно в него влюблялись. К сожалению, у меня не осталось такого восторженного впечатления. Мне с первым учителем не повезло. Я даже имя-отчество его забыл. Что поделаешь, человек помнит только очень хорошее или очень плохое. Промежуточные ощущения память выбрасывает, словно очищает жизненное поле для новых, более острых и долговременных ощущений.

На вид мой первый учитель был грозен. Одной руки у него не было – потерял на фронте. Голос громкий, школьниками он командовал, как солдатами в армии.

Меня он усадил за одну парту с «Мухой» – Машкой Перетолчиной, строго погрозив мне пальцем, когда я попытался протестовать. Мне не хотелось сидеть с ней рядом, потому что с Машкой у нас были вечные споры и разборки. Помню, однажды я нечаянно ткнул ее перьевой ручкой. Она в крик, а учитель схватил меня своей единственной ручищей, приподнял и швырнул на парту, да так зло, что оборвал рукав у моей рубашки. После этого случая я не мог к нему относиться как к уважаемому человеку, я боялся его и не любил. Но скоро он ушел из школы. На его место пришел другой, по фамилии – Перетолчин. В Погодаевой, да и в ближайших деревнях, таких фамилий было множество.

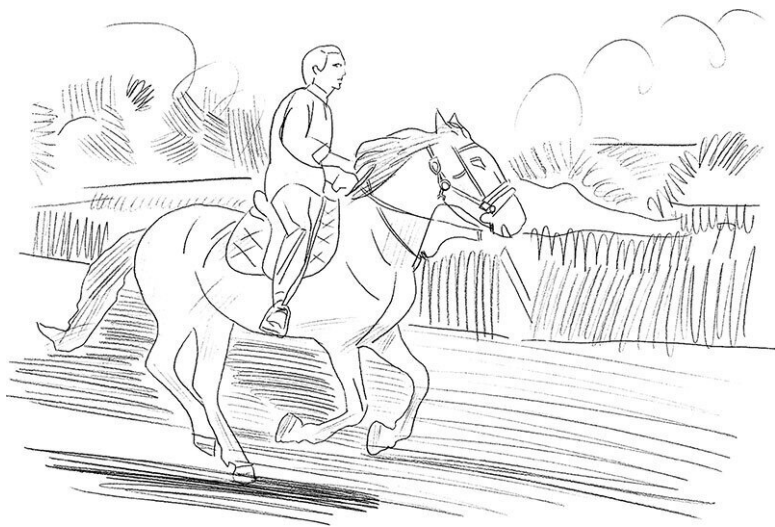
У нового учителя было два сына, один оказался моим одноклассником. Учился он плохо. Не то чтобы не хотел, каза-

лось, он старался, но не получалось. Тяжелое воспоминание детства: однажды у доски отец-учитель прямо на уроке начал страшно трясти и бить головой об стенку своего бестолкового сынишку. Мы затихли, дело невиданное. Какой же это учитель? И мы, малыши, это чувствовали. Его тоже невзлюбили, как и первого, и он тоже в школе не задержался. Почему нам так не везло? Война ли виновата? Может, от нее злость в людях появилась? Но ведь не все стали такими злыми и безжалостными!

Когда я заканчивал первый класс, случилось одно из важнейших событий моей жизни. Я сам прочитал книгу «Конец-Горбунок». По слогам. Некоторые слова были непонятны, но я все же прочитал волшебную сказку от начала до конца. Какое же это было счастье! Я прочитал ее несколько раз, отдельные куски даже выучил наизусть. Все – я умею читать! Сам могу взять и прочесть любую книгу. Потом я приставал к матери, просил ее послушать, как я читаю. Маме было, конечно, не до меня, на ней хозяйство, но она все оставляла и внимательно меня слушала. И хвалила: какой я молодец!

Она меня любила. Я это знал.

Колхозный горох

На наших таежных полях сажали пшеницу, рожь, горох, овес. Все вызревало, всему хватало и света, и тепла, и соков земли. Гороха сажали особенно много. Его потом шелушили и выдавали на трудодни. Когда заканчивался первый сенокосный день, по традиции варили гороховую кашу. За стол садились всей деревней. Такой вкуснятины, как эта каша, я не ел с тех самых пор. Горох был под колхозной охраной, потому что мы, пацаны, как только он поспевал, нацеливались ради приключения его воровать. Набирали много, но и стап-

тывали немало. И это при том, что у каждого из нас в своем огороде гороха выращивалось достаточно. Но – запретный плод сладок. Вот и тем летом, не впервой, мы направились на опасный промысел, не подозревая, что в этот раз нам был приготовлена ловушка.

Жил в нашей деревне Коля Еха, со странностями парень, говорил плохо, невнятно. Таким он был от рождения: с головой не все в порядке. Но физически сильный, здоровый, исполнительный до самозабвения. В тот день, когда мы отправились за горохом, на нашу беду Колю Еху бригадир, устав от ребячьих набегов, назначил дежурным по полю. Мы думали, горох сторожит кто-нибудь из дедов, но встретить этого молодого великана не предполагали. И поэтому как обычно, проворно и беззаботно, особо не прячась, обрывали сладкие, сочные, молочной спелости стручки. И тут появился Коля Еха. Он сидел на коне, и погоня для него не составляла труда, а только была развлечением. Любого из нас, кто попал бы под копыта его коня, Коля в своем безотчетном рвении раздавил бы, не усомнившись. Как-то раз одному мальчишке он бичом рассек спину. У того на всю жизнь шрам остался. Коля Еха был не злой, он просто не понимал, что такое жалость, – как зомби. А знал только приказ – сторожи! И он сторожил каждую горошину. Противостоять ему мы могли единственной тактикой – бежать врассыпную. Так и сделали...

Я с испугу влетел в рожь. Бегу, рожь колыхается, накры-

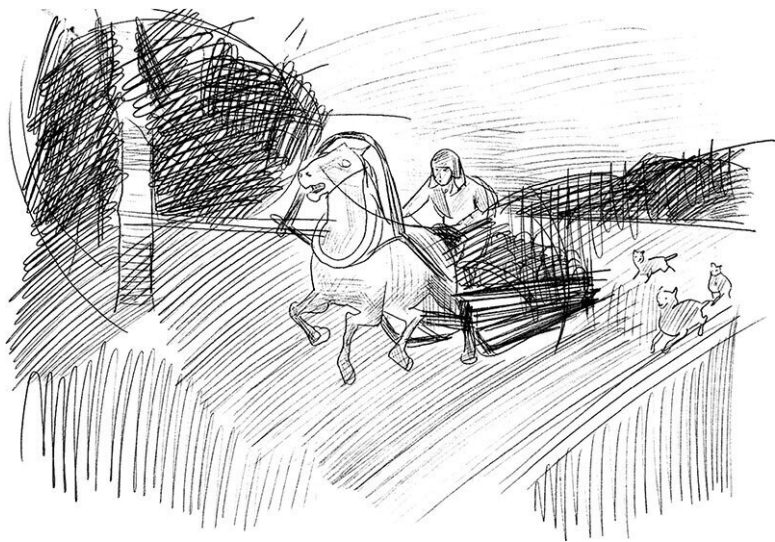
вает меня с головой, как волна. Радуюсь, что скрылся. Отдышавшись, огляделся и понял, что выбраться отсюда будет непросто. Не знаю, куда идти. Рожь в два метра высотой. Не видно ни леса, ни деревни. Святая деревенская заповедь – топтать хлеб, или, как говорили, «делать потраву» хлебного поля – величайший грех. Нигде этот закон не был прописан, но передавалась эта крестьянская мудрость от поколения к поколению. Знал ее каждый, от малого ребенка до седого старика. Я оправдывал свой проступок тем, что оказался в хлебах не нарочно, а от страха, спасая свою жизнь. Но корил себя жестоко: что скажет мама, если узнает, что я хлеб потоптал? И от стыда горели огнем мои пятки, касавшиеся святого – зерен будущего хлеба.

Я не заметил, как стих шум погони. Осторожно, как можно тише, я начал осматриваться на местности. Но куда ни гляну – везде рожь, и только сверху небо. Где я, где дорога? – никак определить не могу. А метаться по ржи в поисках выхода – не хочу, чтобы не повредить лишний колосок. Стал прислушиваться, может, кто по дороге поедет? И точно, вскоре заскрипела таратайка. Это телега на двух колесах. Я пошел на звук, ступая осторожно, стараясь как можно меньше смять колосков, и выбирался из дремучих зарослей ржи налегке. Горох разлетелся из-под рубашки, пока бежал. Несколько оставшихся стручков выбросил.

В деревню прокрался в обход, через лес, пришел последним. Ребята сидели на берегу Илима грустные. У Вовки бы-

ла порвана новая рубаха, и он ни в какую не хотел являться домой, насилу уговорили. Мы молча переживали неудачный поход. Через несколько дней, сойдясь на площадке у колхозного амбара, пацаны шепотом, как заговорщики, опять обговаривали новый налет на гороховое поле. Я с ними идти отказался. Сказал, что горох не люблю. Объялся.

За дровами

Таежные жители знают, что медведи предпочитают жить в лесу и людям на глаза не попадаться. Поэтому во времена моего деревенского детства встреча с медведем – если это не подготовленная охота – была большой редкостью. Волки – другое дело. Они к нам частенько навевывались зимой в хлевы, даже коров задирали. Голод вынуждал. Прямо за околицей тайга начиналась. Бывало и так: идешь по деревне, слышишь, собаки истошно лают. И холодеешь от догадки: это ж

волки рядом! Но никуда уже не деться: волки, лес и деревня – все рядом. Все едино – и они, и мы, и каждому в этом мире свой уголок отведен, свое жизненное пространство. И кто кого больше боится – неизвестно. И можно всем научиться жить бок о бок, если не нарушать древних связей и установленного природой поведения.

Наша деревня зимой – это продолжение тайги. Те же сугробы, темень непроглядная, электричества нет. В некоторых домах закопченные окна тускло светятся – там керосинками освещают помещения. А в большинстве изб проще решали эту проблему – едва стемнеет, ложились спать. Линию электропередачи подтянули к нам, когда я уезжал из деревни, в шестидесятом году. До того электричество имелось только в Нижне-Илимске, где мы в школе учились.

Волки, помню, были, но, чтобы встречаться с ними, как с собаками, мне не приходилось. Убитых видел, разглядывал. Мне казалось, что внешне ничем волк от собаки не отличается. Однако увидеть рядом живого волка, глаза в глаза – не приходилось. Волчий вой не в счет, его слышно издалека. Но по-настоящему я узнал нрав волков, когда чуть не стал неожиданной добычей этих умных, целеустремленных хищников.

Заготовкой дров в деревне обычно занимались весной. После майских праздников деревня пустела: не заготовишь дровишек, зимой замерзнешь. На выделенных делянках валяли сосны, пилили их на чурки, кололи пополам, потом

складывали в поленницу. За лето все это добро высохало, и, как только выпадал снег, дрова вывозили на санях. Это была обязанность мужчин. Но у нас в доме их не было, поэтому маме самой приходилось заниматься тяжелым мужским трудом. Конечно, в помощниках были все: и мои сестры, и я. Но валить деревья мне не доверяли – это делали мама с Капой – старшей сестрой. А вот рубить сучья, собирать и сжигать их – исключительно моя работа. К вечеру в глазах темно от усталости. Хотя мама внимательно следила за мной, чтоб не надорвался: когда положено, заставляла отдохнуть, гладила по голове и приговаривала, какой я у нее молодец. Она поддерживала мой трудовой энтузиазм, вливая в меня силы ласковым словом.

За дровами мы ездили вместе: запрячь лошадь да по мягкому снежку проехать – одно удовольствие. Но мне очень хотелось съездить одному. В десять лет я почувствовал себя совсем взрослым и очень сильным. И однажды мне удалось уговорить мать.

Раннее утро. Солнце только проснулось и лениво, по пологой дуге покатило к Красному Яру, словно хотело за него спрятаться и доспать чуток. Мы с мамой на конном дворе запрягли в большие сани молодую сильную кобылицу и, не заезжая домой, отправились в лес. С мамой все было легко и ладно. Кобыла послушно шла по густому лесу, пробивая сильными своими ногами дорогу к делянке, где мы заготовили дрова. Быстро покидали в сани высохшие плашины (по-

ловина чурки), и к обеду мы уже дома. Выпросил я у мамы сделать второй рейс самостоятельно.

Она проводила меня до околицы. Хоть и побаивалась за меня, но отпустила. Понимала, что надо мне набираться жизненного опыта. Счастье для меня выпало великое. Еду, песни распеваю, лесные звуки имитирую, скрипучие деревья передразниваю, ветром завываю-посвистываю. Подъехал к делянке. Быстро сложил в сани дрова, обвязал веревкой, морским узлом закрепил для надежности. Вязать узлы меня Володька Седан научил. Все по-взрослому, все по правилам. Отправился в обратный путь с таким радостным настроением, что словами не передать.

Хоть и быстро работал, однако времени много потратил, один же все делал. Засветло не уложился, зимний день короткий. Быстро темнеть стало. И вдруг, уже на подъезде к деревне, недалеко от кладбища, оно у нас Черепановкой зовется, лошадь забеспокоилась, перешла на рысь. Сама, без команды. Попытался ее притормозить – ни в какую. Бежит все скорей. Оглянулся, вижу, к нам какие-то собаки пристроились. Колея на дороге узкая, чуть больше ширины саней. Им в ряд не встать, так они позади бегут, пытаясь обойти нас с боков. Но снег рыхлый, звери проваливаются. Догадка меня ошеломила, я понял, что это не собаки, а волки.

Бегут упорно, сосредоточенно, не иначе, лошадь мою себе на пропитание присмотрели. Да и мной не побрезгуют. Схватился я за облучок крепко, лошадка несется изо всех

сил, благо что молодая. Я держусь, чтобы не вылететь. Сани могут в любой момент перевернуться. К счастью, участок дороги был прямой, без поворотов, подъемов и спусков. И вот врываемся на поляну. Деревня совсем близко, собаки звяря почуяли, лаем изошлись. В каждом дворе заливаются, даже дворняги тявкают, а лайки с цепей рвутся. Волки отстали, поняли, что добычу им здесь не взять. А лошадь до самой околицы долетела и встала обессиленная, поняла, бедная, что опасность миновала. На нее смотреть было страшно: бока ходуном ходят, пар от спины валит, морда в пене. Мама уже встречала нас у околицы. Гладит мои руки, замерзшие пальцы оттирает, а я их от упряжи отцепить не могу: не разгибаются. Дыхание перехватило, только мычу и головой назад показываю. Отдышались вместе с лошастью, мать взяла ее под узду и молча, покачивая головой, повела домой. И вся моя прежняя радость и гордость за себя улетучились. Томило чувство непонятной вины. Наверное, потому, что огорчил маму, заставил так переживать. Мою дорогую, любимую, ненаглядную маму...

Поджигатель

Первое мая. Демонстраций с портретами вождей и криками «ура» в Погодаевой никогда не проводили. Зато всегда был веселый праздник на знаменитой деревенской поляне. У взрослых свои развлечения, у ребятни свои радости. Мы играли в разные игры. В этот раз – после лапты и городков вдруг решили поиграть в войну. А какая война без взрывов и пламени?

В первые дни мая все машины, работающие на заготов-

ке леса, обычно возвращались в деревню. Водители торопились. Конечно, они не на парад вели своих железных коней, а домой спешили. Хотелось им отдохнуть, в бане помыться, погулять, посидеть за столом с родными, друзьями и знакомыми, вспомнить военные годы, боевых товарищей. Машины оставляли на краю поляны, сторожей никогда не было, никто воровством не занимался. И кому-то из ребят пришла в голову идея: отлить из автомобильных бензобаков немного горючего и сделать «коктейль Молотова». Про коктейль этот – то ли читали, то ли старшие рассказали. Банку или бутылку с бензином кидали в костер, и – взрыв! Чтобы все по-настоящему было. Как на войне. Пока разливали горючку, измазали руки в бензине. Кто-то обратил внимание на руки Вовки Петухова, изъеденные кровоточащими «цыпушками». А у кого-то появилась попутная идея – сейчас же вылечить Вовкины руки. Кажется, Вовка Куклин эту идею и подал. Наше деревенское детство, у меня в том числе, проходило под знаком этих самых «цыпушек». Кисти рук и ступни ног от воды, грязи и неизвестно от чего еще растрескивались, кровоточили, боль была нестерпимая. Чем только наши матери не смазывали нас, но не успевали закрыться старые ранки, как появлялись новые.

И вот Вовка Куклин говорит Вовке Петухову: «Слушай, ты бензином смочи свои цыпушки, потом огонька сюда, они обгорят и пропадут». Целительное изобретение было единогласно одобрено. Петухов поверил консилиуму и облил свои

руки бензином. Куклин уже чиркнул спичкой... Тут я соображаю, что еще мгновение, и «петух» загорится. В отчаянном броске я выбиваю эту спичку, она падает на землю, пропитанную бензином, пламя обретает очертания дракона, подкатывается под машину, и бензобак моментально вспыхивает. На меня кричат – обвиняют в поджоге, я в ответ тоже кричу, что Вовку от огня спасал. Огонь разгорается, перебранка тоже. Похватали ведра, бросились к реке, плеснули воды, а пламя еще больше. Уже горит машина. Кузов у нее деревянный, колеса резиновые, все пылает. К нам бегут люди – тушить машину. Мы от них – врассыпную. Ребята на бегу не успокаиваются, мне пеняют: «Это ты машину поджег!..» Ну, все, теперь не оправдаться – я главный поджигатель. Жалко себя стало: на праздник штаны незаштопаные надел, рубашку новую, сандалии у старшей сестренки выпросил. Кому-то праздник, а мне за доброе дело – наказание. Что теперь будет? Страшно подумать. Домой прятаться не побежал. Вдоль леса и – на хутор у Илима. Там зимовье. Посидел в нем, отдышался. Вышел на берег. День солнечный, теплый, а у меня несчастье. Потом вижу, идут ребята. Оказалось, старшеклассники из нашей школы. Один из них был мне знаком, сейчас не помню его имени.

Рассказал им про свое горе. Тот, которого я знал, пригласил к себе домой. Его родители меня помыли, накормили и уложили спать. А утром посоветовали больше не скрываться и вернуться домой. Убеждали: твоя мать наверняка, пе-

реживает, ищет. Решил: будь что будет, пойду домой. Иду, дорога дальняя, до Погодаевой семь километров. А подошел к околице, вижу, бегут в мою сторону взрослые парни; ни слова не говоря, сгребают меня в охапку и тащут в наш дом. Оказалось, искали они меня, мать подняла на ноги сельсовет, милицию, сама все окрестности обежала.

После праздников меня вызвали не пионерское собрание. Мне, поджигателю, надо было отчитаться, разъяснить, как все случилось. Но постоять за себя я не смог. Язык к гортани словно прилип. Стоял перед всеми молча. Одна вожатая распиналась, словно сама все это видела. Клеймила мой проступок самыми уничтожающими словами. Володька Петухов оценил по достоинству мой поступок, спасший ему жизнь, и пришел ко мне на помощь. Он показал всем свои руки и сказал:

– Цыпушки хотел вывести. Если бы не Мишка, сгорел бы я. Наказывайте нас вместе.

Смерть Сталина

Начало марта 1953 года я запомнил в мельчайших подробностях. И не потому, что это было время извечной битвы зимы с весной, когда зима обреченно пыталась помешать идущему весеннему теплу, прибегая к коварным ночным заморозкам, а потому, что это был месяц самых сильных переживаний тогдашней моей маленькой жизни. Через несколько

недель мне исполнится семь лет. Я еще не школьник. Сделаю свои дела по хозяйству, которые поручила мама: покормлю собаку, поросенка, корову, принесу воду с реки – и быстро забираюсь на свою любимую печку, где, свернувшись калачиком, блаженно отогреваюсь и жду, что скажут сегодня сестренки, Мила и Капа.

Они приходили из школы и читали мне и маме записанные на уроках сводки Совинформбюро о состоянии здоровья нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Сводки не радовали. Мама, выслушав, тяжело вздыхала и, крестясь, тихо говорила:

– Господи, как жить-то будем?

Мы тоже молчали, никто из нас ничего не понимал, тем более мы вообще не знали, что такое: «Как жить?» Жить, как все живут, – все очень просто. Но мамина тревога передавалась и нам, и нас охватывал страх от следующего вопроса: «Неужели умрет?»

Это было, действительно, всенародное горе. Люди верили Сталину, как родному отцу. Верили искренне. Никто никогда ни в чем Сталина не винил, мы жили с ним одной судьбой. Смерть его была ударом для всех. В деревне я не слышал ни от кого плохих слов о Сталине. Молились – только бы выжил. День ото дня сестры приносили новости о состоянии любимого вождя, одна другой хуже. А 5 марта вернулись из школы заплаканные – умер.

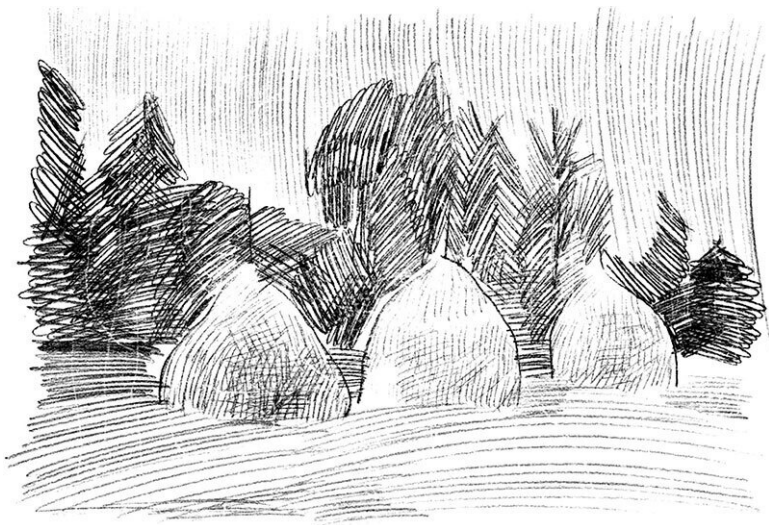
Ужас охватил нашу семью.

И мы с мамой плакали. Потом оделись и отправились через реку в Нижне-Илимск. Среди людей горе пережить легче. У райкома партии народу видимо-невидимо. И первый секретарь, и еще кто-то из начальства, не скрываясь, плачут навзрыд. Кто-то сказал: «Хуже войны». Мне запомнилось, что вдруг наступила тишина. И люди вдруг перестали плакать. Почему? Или уже все слезы выплакали? Только слышно было, как гудят провода да постукивают на пронизывающем ветру распахнутые форточки. Это была минута молчания.

Больше никогда в жизни я не видел, чтобы люди так говорили о руководителе своей страны. Это сейчас нас научили относиться к власти равнодушно. Что, мол, она такое? Организация по решению проблем нашего жизнеустройства, временно возглавляемая выбранным человеком. А тогда еще было присуще людям отношение к власти как к дару Божьему. За руководителем страны люди видели Божье помышление, поэтому и все дела его принимали как должное. Да и как иначе, если Сталин был победителем фашизма, спасителем государства и всех нас, так горестно сейчас его оплакивающих. Значение его подвига трудно переоценить даже сегодня. Не сплошным концлагерем, как мечтали фашистские бонзы, стала моя Родина, а хоть и не богатой, но независимой страной. Без Божьей помощи такие дела не вершатся. И люди абсолютно доверяли своему вождю. И были уверены, что он один такой. Лучше него не будет.

Для всей нашей семьи и, наверное, для большинства моих земляков кончина Сталина была концом света, крушением всех надежд. Я это видел и даже тогда понимал, что горе было искренним. Здесь не было фальши, детей не обманешь. Мне было семь лет, и я, может, единственный раз в жизни увидел, как по-настоящему горюют о безвозвратной потере любящие люди.

Сенокос

Настоящее лето

В последние дни июня, когда устанавливалось цветущее, жужжащее, ягодное, настоящее лето, в деревне Погодаева все приходило в движение. На конном дворе ремонтировали телеги, хомуты и сбруи. Кузница пыхала едким дымом от горна и зловеще шипела, когда металл для закаливания опускали в ледяную воду. Женская половина деревни занималась заготовкой припасов на зиму. Близился сенокос.

В колхозной конторе формировались бригады. Сенокосные угодья в колхозе всегда располагались на одних и тех же делянках. Они назывались Елань, Россоха, Ближняя Тушам, Дальняя Тушам. В каждой бригаде от десяти до пятнадцати человек. Мы, подростки, с нетерпением ждали конца формирования, потому что в бригаду включались и пацаны десяти-двенадцати лет, но не больше двух в каждую. Главная наша задача – подвозка копен и зарода⁶. Для того чтобы лошадка меньше уставала, и нужны были мы, маловесные пацаны. Доставалось нам, правда, не по возрасту. Бывало, задницу до крови стирали, так что к вечеру не могли ходить.

Все мои сенокосные годы меня отправляли на Дальнюю Тушаму. Память бережно сохранила это благодатное время. Зимовье срублено под пологом густо переплетенных лап старых елей. От избышки до речки ярким желтком разливалась полянка, вокруг нее стояли пестренькие, как курочки рябы, молодые березки. Если от речки дул ветерок, то тоненькие их листья вздыбливались, как птичьи перышки. Тушам в тех местах полноводна, не Илим, конечно, но и не игрушечный ручеек. На ней, вблизи зимовья, был даже омут, правда, не страшный, и все в нем купались, без всякой опаски. А потом на берегу сочиняли сказки про водяных чудовищ и русалок.

Безграничная, подпирающая небеса тайга дарила ощущение величавой мощи и неизбывной свободы. А в деревне,

⁶ Зарод – стог сена (местный диалект).

которую обнимал такой же вековой лес, этого ощущения не было. Наверное, потому, что Тушама с ее таинственными омутами и лихими перекатами, с заливными лугами, наполненными сладкими соками трав, открывала нам что-то неизвестное, пугающе взрослое, заставляющее задумываться о будущем. Пенье птиц, кукование кукушки, барабанная дробь дятла, шелест листьев и скрип деревьев вызывали в душе чувство восторга и любви ко всему окружающему миру.

Косить ребятне доставалось редко. К тому же основной укос делали косилками на конной тяге. Вручную докашивали немного, в неудобных местах. Там росла трава, иванда-марья, лесной колокольчик, горошек и жесткие злаковые, скосить которые можно было только хорошо отбитой и заточенной косой. Да и то по росе.

Целый месяц косили, готовили пищу, ездили к роднику за водой, возили копны к зародам. А вечерами вместе со старшими сидели у костра, не отрывая глаз от завораживающего, верткого, все время меняющегося в своих очертаниях пламени, слушали рассказы взрослых и тихий говор тайги, которые постепенно сливались в единый сложный звук. И сквозь обманчиво сладкий дым виделось каждому из нас свое взрослое счастливое будущее.

Седло

Бригадир попросил нас с Гошкой, моим сверстником и

приятелем, смотаться к зимовью, до которого рукой подать, не больше километра. Бригада начала укладывать первый за-род с сеном, и по этому случаю всех ожидал праздничный ужин.

Поехали мы на одном коне, и по договоренности с Гошкой я получил право ехать к зимовью в седле. Добравшись до цели, мы ослабили подпруги, кинули коню сена, быстро выполнили бригадирское задание и отправились в обратный путь. Как и договорились, теперь Гошка гордо восседал в седле, а я – на холке коня. Но подпругу не проверили и не подтянули. Забыли.

Дорога по покосам петляет, повторяя зигзаги речки, а может, речка петляет, подражая ходу дороги. Добрались до первого брода спокойно, но конь, переходя речку, вдруг решил идти по своему разумению и рванулся на глубину. То ли пить ему захотелось, то ли гнус одолел. Конь не человек, ему не посоветуешь. Надо было бы дать ему волю, а мы по своей глупости попытались управлять конем, начали дергать поводья, пинать в бока пятками. Гошка так постарался в своих жокейских выкрутасах, что седло сползло под брюхо, а вместе с ним и всадник. Гляжу, только пятки Гошкины торчат из воды да запутавшиеся в сбруе посиневшие голени. А голова – в воде. Что есть мочи кричу на коня, колочу его ногами, руками. Скотина, она и есть скотина, сделав свое дело, конь не торопясь побрел к берегу. Спрыгнул я на мелко-водье, Гошка под брюхом лошади мешком висит, уже и дер-

жаться перестал. Я ноги его из стремян освободил, вытащил друга на берег, руки трясутся, только и твержу:

– Гошка, ты дыши давай, слышишь?

Гошка молчал.

– Чего ты молчишь? – кричу ему.

Мгновенно вспоминаю Ивана Петухова, который учил своего брата и меня, что делать, если наглотаемся воды при купании:

– Пальцы в рот, чтоб рвать тянуло, да поглубже суй, не бойся...

Эта наука мне сейчас пригодилась. Приоткрыв Гошкин рот, одной рукой лезу к нему в горло, дергаю за язык, другой давливаю на живот. Неожиданно изо рта вместе с водой полилась рвота. Через мгновение Гошка закашлял, тело его вздрогнуло и затряслось. Еще несколько раз я пытался залезть рукой в рот, но Гошка инстинктивно отбрасывал мою руку.

Конь стоял рядом, удивленно посматривая на нас, глубоко вздыхал, и седло, висевшее у него на брюхе, словно оживало, раскачиваясь в такт дыхания коня.

Это был первый случай в моей жизни, когда я спасал человека, находившегося на грани жизни и смерти. Я осознал это значительно позже, когда ловил на себе внимательные взгляды Гошки, который, видимо, хорошо понимал, чем могла закончиться эта история.

Щука

Речка Тушама – коварная речка. Местами в низинах она захватывала своими водами большие плесы и с этой «добычей» становилась широкой, плавной. Иногда она сужалась между крутых берегов и, ускоряясь, неожиданно быстро пролетала десятки метров, казалось, соревнуясь сама с собой.

Как и всякая таежная речка, она была полна рыбы.

Однажды, стоя на берегу Тушамы, я неожиданно увидел огромную щуку: сама в воде, а плавник на поверхности трепещет, как лепесток диковинного цветка. Видимо, вышла матерая рыбина из омута понежиться на солнышке, спину погреть. Потихоньку, задним ходом, боясь издать шум, я отошел от берега и побежал на покос к мужикам.

– Дядя Вася, – задыхаясь, кричу бригадиру, – щука на мелководье стоит, может, чем зацепить ее?

Бригадир долго не раздумывал, схватил первое, что под руку попало, – вилы, но не с прямыми зубьями, а чуть загнутыми.

Подкрался к самой кромке воды и, когда до щуки было рукой подать, резко выпрямился и метнул вилы. Однако не рассчитал – ушел под воду вместе со щукой, и на поверхности остались только его черные, заскорузлые пятки.

Кто кого перехитрил, сказать трудно. Скорее всего, дядя

Вася сам себя перехитрил. Щука грелась на перепаде глубины и мелководья, а вода прозрачная, искривляет пространство, так что просчитаться легко. Да и вилы бригадир метнул, не учтя их кривизны, направил туда, где начиналась глупина.

А поскольку замах был от души, бросок силен, вот вилы и утащили за собой дядю Васю, намертво вцепившегося в них. Это был фантастический полет, восхитивший и развеселивший всех, кто видел это редкое и необыкновенное зрелище. Через мгновение бригадир поднялся из воды и обрушил на меня всю силу и мощь русского языка в его непререкаемой непечатной выразительности.

Но я не обиделся.

Медведь

Почему-то многие городские жители думают, что в тайге медведи толпами ходят, даже вдоль дорог стоят и приветливо лапами машут – только и ждут, когда человек пройдет мимо или проедет. Медведи, действительно, в тайге есть, правда, никто их не считал. Поэтому трудно сказать, много их или мало. В пору моего детства каждый год, если не в нашей деревне, то в одной из соседних, медведь задирает человека. Но и охотники каждую зиму убивали десятки косолапых.

Я встретился с медведем в тайге только один раз, мальчишкой.

Что такое тайга? Это лес. Густой, без конца и края, непроходимый и непроглядный. Здесь все есть: ель, сосна, лиственница, кедр, пихта, береза, рябина, черемуха, ольха, ива и еще множество растений, названия которых я забыл или никогда не знал. Тайга – лес опасный, особенный, в нем мало света, солнечным лучам трудно пробиться сквозь плотный хвойный полог, поэтому почти отсутствует подлесок и кустарники. Но вдоль дорог, которым сотни лет, по обочинам тропинок, что утаптывают и человек, и зверь, растут малина, смородина. И тогда, когда я был подростком, и сейчас, в преклонные свои годы, убежден, что тайга – лучшее создание природы.

День июльский в зените, солнечные лучи щедро напоят светом все, что тянется к нему. Но спешить надо, за таким деньком и гроза может последовать. Так шарахнет, что не дождешься, пока ведро наступит. Правда, бригада работает в любую погоду. Дядя Вася, наш бригадир, попросил однажды:

– Мишка, слетай в зимовье, привези холодного кваса, только поспешай.

Дорога знакомая, до зимовья рукой подать. Примчался, перелил квас из бидона в бурдюк, привязал кожаный мешок к седлу и назад. Конь рысью бежал по дороге, только недолго. Вдруг он стал вести себя странно, остановился, заупрямился, норовил повернуть в противоположную сторону. Я его пинал, прутом прищпоривал – никак не хочет идти куда

требуется.

Кое-как добрались до поворота, а как повернули, конь во все захрипел и встал как вкопанный. Тут я увидел причину и все понял. У самой дороги в кустах малинника стоял большущий медведь и с аппетитом ел малину. Осторожно, чтобы не рассыпались ягоды, лапой к себе пригибал веточки и вытянутыми губами аккуратно захватывал сочные плоды. Урчит от удовольствия, косолапый. Сначала я не испугался, даже обрадовался, вспомнив русские сказки про этих «добродушных» великанов. Но медведь медленно повернул морду в нашу сторону и недовольно посмотрел прямо на меня. Мол, помешали обеду. Тут-то страх и сковал все мои жилочки и косточки.

До него было метра три.

Прежде я живого медведя не встречал. Ни в цирке, ни в зоопарке не бывал, телепередач о животных не видел, о самих телевизорах в наших краях тогда еще только слышали. А тут носом к носу с косолапым столкнулись. От страха я выронил повод, а конь мой сам знал, что делать, – развернулся и в галоп с места неожиданной встречи. Сиж у зимовья, думаю – куда же ехать, ведь только одна тропа ведет на покосы. А на тропе хозяин здешних мест кормится. Солнышко его выманило. Придется ждать с покоса мужиков...

Вечером вернулись работники, бригадир с допросом:

– Ты чего, память потерял, что ли? Чего квасу не привез?

– Ничего я не терял. Медведь встретился на обратной до-

роге, мы с лошадьё и перепугались.

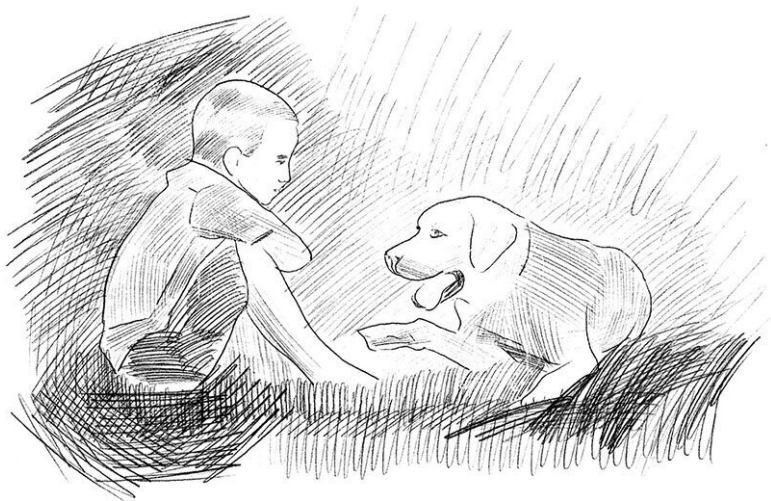
– Какой медведь? Может, тебе померещилось?

– Да настоящий медведь, большой такой, в трех метрах от меня стоял. Малину ел. Конь захрипел и не пошел дальше, да и я испугался. Вон квас еще в бурдюке.

Мужики начали спорить, может медведь здесь ходить, или не может? Кто-то рассказал про свою встречу с мишкой, кто-то вспомнил охоту. Разговоров до ночи хватило.

Ну, а что медведь... Тайга ему нипочем. Где же ему и ходить, как не по великим таежным просторам. Ведь это его дом.

Расставанье

Если на нашу деревню взглянуть с высоты птичьего полета, то можно увидеть четыре десятка домов, вытянувшихся вдоль Илима. А дальше – на все стороны света – сплошь тайга, сотни, тысячи километров тайги. В тайге, конечно, водится зверь. Много зверя. А где зверь, там и охотник.

В деревне без собаки не проживешь, в каждом доме имеется собака. Когда мне исполнилось пять лет, мама принесла щенка. Назвали Жучкой. Дальше мы подрастали вместе. Вместе спали на печке, гуляли по деревне, бегали наперегон-

ки. А когда Жучка, опередив меня, выросла окончательно – сделали для нее просторную теплую конуру. В дом собаку уже не пускали, но и на цепь не сажали. Жучка с лаем бегала по двору, понимала, что ее задача – сторожить дом. От кого сторожить, было не совсем понятно – в нашей маленькой деревне все друг друга знали, а чужие сюда заезжали редко. Понимала и то, что бегать по огороду ей категорически запрещено.

Когда я приходил из школы, собака радостно кидалась ко мне на грудь, и мы, как два сердечных друга, весело играли во дворе. Осенью у нас долго стоит теплынь, в это время мы с Жучкой уходили в лес, правда, недалеко. Я собирал ягоды, Жучка в это время носилась по своим, ей одной известным собачьим делам. Нам было хорошо вдвоем. У меня были два любимых друга: Жучка и кот, две особенные радости моего детства.

Однажды, придя из школы, я застал такую картину: мама сидит за столом, а рядом с ней дядя Толя, наш сосед, охотник. Охотничий промысел – его основное занятие. Добычу он большей частью продавал райпотребсоюзу, оставлял и себе на жизнь. Настоящих профессиональных охотников в деревне было немного, от силы два десятка. У каждого свои заимки, прикормленные охотничьи места. Ходили за зверем далеко и надолго. И непременно с собаками. Добывали соболя, белку. Были случаи, и медведя валили. Мясо, шкуру приносили в деревню.

– Миша, мы тебя ждем, – как-то робко сказала мама, указывая рукой на дядю Толю.

– Что случилось? – не глядя на соседа, спрашиваю маму. А сам смекаю, что не с доброй вестью ждут они меня. Уж больно у матери лицо скорбное.

– Беда у меня, Михаил, – начал разговор дядя Толя. – В тайгу идти надо, а собака заболела. Был ветеринар, говорит, усыплять надо.

– Как это – усыплять?

– Понятно как... Жалко, да что поделаешь?

– А я при чем?

– В тайге мне с одной собакой не прозимовать, две нужны. А твоя Жучка – собака породистая, с хорошей родословной, умная, энергичная, выносливая. Лайка, одним словом.

– У нее паспорта нет.

– Да я у Филипыча все узнал, вы же у них Жучку брали.

– У них. Так она ни разу в тайге не была.

– Вот я и постараюсь ее к делу пристроить. Охотничья собака должна работать, а не бестолково по двору гонять.

– Нет, дядя Толя, не дам. Как я без нее!?

– Вам же собака только для охраны нужна, так я найду вам специальную породу.

– Не нужна мне другая собака, – твердо ответил я.

Как ни уговаривал меня в тот вечер сосед, своего согласия я не дал. Мама молчала при разговоре, а когда дядя Толя обращался к ней, разводила руками и, кивая на меня, гово-

рила с улыбкой:

– Что я могу, – он у нас главный мужик в семье.

Утром, выйдя из дома, я опять встретил соседа, видимо, он меня поджидал.

– Сынок, – обратился дядя Толя ко мне, – ты ведь подрастешь, тоже охотником будешь...

Я слушал молча, насупившись, прижав подбородок к груди.

– Даже если и не профессиональным охотником, как я, все равно в тайгу ходить будешь, такая уж наша здешняя жизнь. В тайге принято помогать друг другу. Так как насчет собаки, не передумал?

Я отрицательно покачал головой и, не дослушав дядю Толю, отправился в школу.

Прихожу из школы, а дядя Толя опять у нас, о домашних делах с мамой толкует.

– Миша, дня через два мне в тайгу уходить. Давай так решим: дай мне свою Жучку хотя бы на сезон, делу собаку научу. А потом куплю себе лайку.

Жалко мне было Жучку отдавать. Слезы на глаза наворачиваются. Но слова соседа засели в голове, льстило мне, что я тоже охотником буду. А значит, надо ладить с охотничьей артелью, помогать будущим партнерам. Поэтому и сегодня нельзя отказать дяде Толе. Да и Жучку промысловому делу не худо бы научить.

Но это были доводы разума. А сердце такая невыносимая

жалость сдавила! Я редко плакал в жизни, даже когда получал в драке синяки и царапины. А тут, как обнял Жучку, разрыдался. Да и она будто все поняла. Прижалась ко мне, поскуливала тихонько, замерла, слушая мой голос. Это было невыносимо. Я отдал поводок дяде Толе, зашел в дом и запер дверь на крючок...

* * *

Целую зиму дяди Толи не было. Наконец вернулся, тащит по мокрому снегу санки с добычей и охотничьей снастью. Жучка сзади. Я побежал к ним навстречу.

Кричу Анатолию:

– Отдавай мою собаку!

– Забирай, – спокойно отвечает сосед.

– Жучка, Жучка!!! – зову изо всех сил.

Собака остановилась, но не подходит, только с интересом за мной наблюдает, будто не узнала. Лишь хвостиком дружелюбно помахивает. Кажется, что-то пытается вспомнить, но не может.

– Забыла уже тебя, – поясняет дядя Толя.

– Как это забыла!?! – возмущаюсь я. – Как она могла забыть своего лучшего друга и хозяина?

– Да ты успокойся, пусть чуток у меня поживет, привыкнет. Считай, полгода в тайге провела, никого, кроме зверья, не видела.

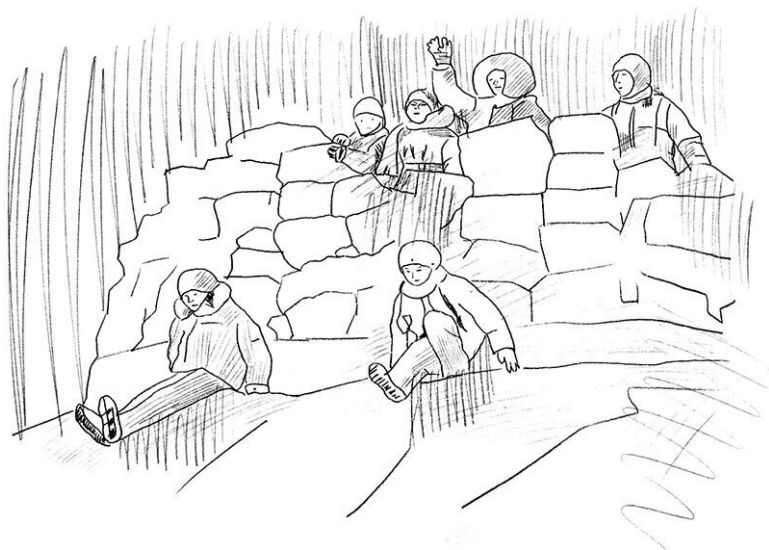
Зову, заманиваю ее в свой двор, не идет. Жметя к ногам дяди Толи, а когда тот пошел к себе, и Жучка, не раздумывая, следом. Анатолий обернулся и подбодрил меня:

– Хорошая собака, Миша. К охотничьим делам быстро приоровилась. Тебе за нее большое спасибо. Я рассчитаюсь за ее работу шкурками и мясом. Сейчас не волнуй ее, дай пообвыкнуться.

Я напрасно старался перетянуть внимание собаки на мою сторону. Жучка на меня не смотрела, о чем-то негромко переговариваясь с соседским кобелем. Я отвернулся от них и со слезами побрел домой. Так расстались мы с моей собакой навсегда.

К осени она принесла щенят. Одного из них, самого бойкого, лобастого, сосед подарил мне.

Взятие снежной крепости

Кто не видел зимним ослепительно-солнечным днем окруженную тайгой сибирскую деревню, тот настоящей красоты не видел. Конечно, у нас хорошо и летом, и весной, и осенью, но зимой здесь – как в сказке.

Первый снег выпадает в начале ноября. А вместе с ним наступает пора зимних забав. Главные среди них – лыжи и санки. На склоне, ведущем к реке Илим, проложена трасса. Погодаевское ребячье население катается здесь всю зиму. Лы-

жи простенькие, крепления мягкие, приспособленные под валенки на вырост.

Но есть еще одна забава, тоже любимая, и не только среди детей, но и у всей молодежи, – сооружение снежных крепостей для зимних баталий. Одни свои укрепления обороняют, другие штурмуют. С обеих сторон применяется лишь самое безопасное «оружие» – снежки. Это старинное развлечение можно представить себе по картине Василия Сурикова «Взятие снежного городка». В далеком сибирском селении снежная крепость была, конечно, поменьше, зато – не одна.

Виталька Белобородов и Мишка Карнаухов возвращались из школы вместе. Пока дошли до деревни, поучаствовали в штурме двух снежных крепостей. Везде им прилично досталось. Снежки в ноябре по своей убойной силе похожи на камни. Слепленные потными ребячьими руками снежные ядра, попадая на незащищенные части тела, оставляли болезненные кровоподтеки.

– Виталька, а давай сделаем крепость у себя!

– Давай. А где?

– Что где?

– У тебя в огороде или у меня?

Мишка размышлял недолго.

– Наверное, у тебя, у нас в огороде низина, снегу не натаскаешься.

– Согласен.

– Только надо все сделать по науке.

Вскоре на огороде у Белобородовых выросла из снежных блоков довольно высокая и просторная крепость с башенками, бойницами, тайными входами-выходами, замысловатыми переходами. Сделали все грамотно. Снег к вечеру уже затвердевал, из него нарезали блоки, похожие на большие кирпичи, из блоков возвели неприступные снежные стены.

Хороша получилась крепость. Оглядели ее строители и загордились. И тут мальчишкам пришла в голову оригинальная идея. Вспомнили: в книжках, которые читали, рассказывалось, что после окончания строительства крепостей полагался церемониал их освящения – выстрел из пушки. В деревне с пушками было сложно, за неимением их решили обойтись ружьем. У Витальки дома как раз висела на стене отцовская двустволка. Сойдет за пушку, выстрел у нее громкий. Здесь главное – звуковой эффект. Спрашивать разрешения у Виталькиных родителей не стали. Рассудили – дома их нет, да и не поймут. А зарядить ружье не трудно. Видели, как это делается, и не раз. Где патроны лежат – тоже не секрет.

Пришли с ружьем в крепость. И поняли, что бойницы смотрят как раз в сторону дома. Стрелять туда нельзя. Слишком громкий звук от ружья, стекла в окнах могут повывлетать. Случаи такие от ружейных салютов по разным поводам в деревне были. Значит, стрелять можно только с противоположной стороны крепости. Правда, там бойниц нет – глухая стена. Но она же – снежная! Какие проблемы? Дулом

Мишка проткнул стену и нажал на курок. Выстрел показался громче, чем из пушки, на какие-то секунды оба защитника крепости оглохли и от испуга зажмурились. А когда дым рассеялся, увидели, что у Мишки в руках остался только ружейный приклад, а ствол превратился в железные лохмотья. Все предусмотрели юные экспериментаторы, да про законы физики забыли. Ствол всегда разрывает, если туда попадает снег.

Это им объяснили потом. А сейчас друзья оцепенели от неожиданности и огорчения. Постепенно до них дошло, что ружья больше нет, что за эту шалость придется расплачиваться. Витальке особенно. Что делать?

– Виталь, сваливай все на меня, – сказал Мишка.

– Думаешь, от этого ремень мягче будет? Для отца что ты, что я... Спросит: зачем без разрешения взял ружье!?

– Вон Ленька идет.

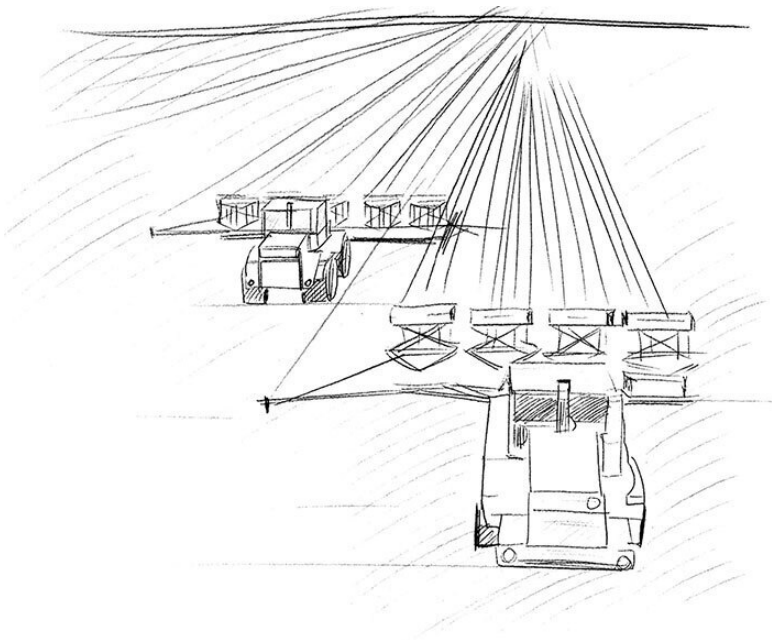
– Хорошо, что он первый пришел.

– Ну, что, строители, как крепость? – спросил Ленька, старший брат Витальки. Но, увидев в руках Мишки изуродованное ружье, встревожился: – Да тут у вас пальба была. Рассказывайте по порядку.

Выслушав «крепостную» историю, Ленька подготовил родителей, они все поняли и от больших разборок воздержались. Виталька примчался вечером к Мишке счастливый. Друзья не переживали, что непобедимую крепость сдали без боя. Сначала благодаря своей глупости, а потом и весне, ко-

торая расправилась со снежным замком беспощадно. И не понадобились ей для этого ни пушки, ни ружья.

Дело о подрывной деятельности

Посевная в колхозе – дело святое, расписанное по часам и минутам. Можно сказать, ритуальное. Нарушишь порядок сева, не уложишься в сроки, предписанные природой, – останешься без урожая. Поле – весьма сложный механизм, даже сложнее, чем какой-нибудь особо точный современный конвейер. Из года в год, сразу после майских праздников,

взрослое население сибирской деревни выходило в поле. К этому сроку тщательно готовили технику, или, как писали в газетах, «выводили на линейку готовности». Отремонтированные, отлаженные, сияющие новой краской колхозные трактора и сеялки уже стояли рядком вдоль кромки поля, в ожидании окончания «Дня трудящихся».

Майские праздники вся деревенская молодежь проводила на волейбольной площадке. Одни играли, другие смотрели. Пацаны занимались своими тайными делами. В этот раз их особенно заинтересовали трактора, сеялки и остальная колхозная техника, подготовленная к севу. Как соблазнительно блестели на солнце цепи сеялок, которые даже от несильных мальчишеских рук начинали вращаться! Важное «открытие» сделал Гошка Замаратский:

– Пацаны, это ж как гусеничные траки у танков! И след от них такой же.

Тут же одну цепь сняли, разложили на земле. Точно, след как от танка.

Любому мальчишке послевоенного поколения, знающему о победоносных танковых сражениях, захотелось бы иметь такую цепь в личном пользовании. Ночью сметливые сибиряки-малолетки напали на несчастные машины и «разули» их.

А наутро – посевная. Механизаторы важно подошли к своим машинам, готовые, как говорится, к труду и обороне, но тут же опешили. Вчера техника была в полном порядке,

накануне опробовали, а сегодня сеялки оказались в нерабочем состоянии. Опытные механизаторы попытались на скорую руку снова снарядить сеялки, но тут выяснилось, что запчастей, как всегда, не хватает.

Кто навредил? Деревенское следствие скорое, ответить на этот вопрос было несложно.

Рано утром Мишка Карнаухов проснулся от сердитого мужского голоса:

– Нюра, Мишка дома?

– Да спит он...

– Давай сюда вредителя.

Вредитель вышел и увидел разъяренного колхозного механика, а рядом с ним нескольких вчерашних своих «подельников» – одноклассников.

– Где цепи?

– В сенях, – испуганно произнес Мишка и трясущейся рукой показал на дверь.

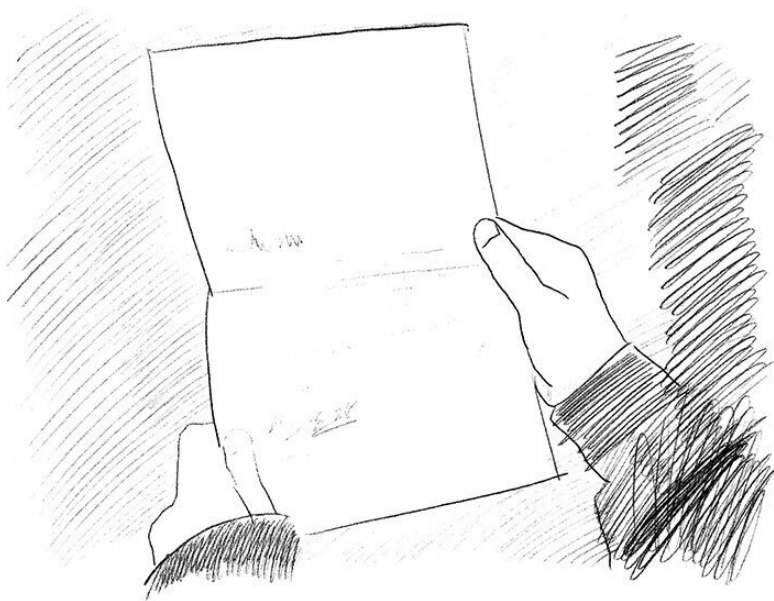
К обеду были собраны все расхищенные детали. Но их же надо надеть на сеялки, а это – потеря времени. И пришлось колхозу начинать посевную на день позднее графика.

Второй класс поставили перед всей школой и долго клеймили позором. Стыдно было всем: и виноватым, и невиновным. Были слезы, сопли, слова раскаяния, в общем, нравственная наука. И даже солнечный теплый день не смягчал драматизма обстановки. Многие «вредители» с вечера крепко получили от родителей. Те, которым досталось поменьше,

ше, тоже не радовались. Никто даже не пытался произнести волшебную, годную на все случаи жизни фразу: «Простите, никогда больше не будем так делать». Здесь она неуместна, «преступление» слишком серьезное. Родители «диверсантов» переживали не меньше, боялись, что «компетентные органы» заинтересуются этим случаем и переквалифицируют его в «дело о подрывной деятельности». Тогда среди взрослых начали бы искать тех, кто специально подстрекал пацанов на это «вредительство» для срыва посевной.

Но механизаторы выручили. Они уплотнили свой рабочий график, продлили смены. Сеять закончили вовремя. И урожай удался на славу.

Проба пера

В пятый класс мы пошли учиться во «взрослую» школу. Она была двухэтажной, с широкими лестницами, обрамленными блестящими перилами и резными балясинами, с актовым залом, с настоящей сценой, временно прикрытой тяжелым бархатным занавесом. В зале стояли легкие деревянные лавки, которые во время новогоднего праздника можно было придвинуть к стенам и освободить место для хорово-

дов и танцев. Этот прекрасный дом почти ничем не напоминал здание начальной школы, где учились малыши. В старой школе каждому классу была отведена только одна комната, а в большой школе несколько: химический урок – в своем кабинете, физический – в своем, класс русского языка и литературы – тоже отдельно. Был небольшой спортзал, буфет – всех новшеств и не перечислить. Классным руководителем у нас была Валентина Ивановна, учитель русского и литературы. Она мне сразу понравилась, хотя многим одноклассникам сначала показалась строгой – возможно, виной всему были массивные очки в роговой оправе, неизменная серьезность в голосе и взгляде. Что-то родственное показалось мне в облике этой, в общем-то дружелюбной женщины, даже захотелось, чтобы она была сестрой моей мамы.

В один из первых дней октября мы, войдя в класс литературы, увидели на доске красивым почерком выведенную мелом надпись «Как я провел лето». Понятно, будет сочинение. Не все ученики порадовались заданию. Я же взялся за дело сразу, особенно не раздумывая. Писал, не отрываясь от бумаги, как говорится, захлеб. Образы лета были еще свежи в памяти, красочны, радостны. Мне казалось, я не сочинял, а легко пересказывал то, что видел и хорошо знаю. Память моя хранила множество воспоминаний об Илиме, о тайге, сенокосе, о шустрых белках, что словно птицы летают между соснами, и о самих соснах – таежных аристократах. Не забыл и наше погодаевское поле, оно было безотказным

кормильцем для всей деревни. Всплыли в памяти негромкие ребячьи беседы у костра, полнозвучная тишина зябкой ночи, нарушаемая тонким звоном колокольчиков на шеях пасшихся рядом лошадей...

Школьный звонок вмешался в творческий процесс, и пришлось, горестно вздохнув, сдать листки с недописанным сочинением, которое могло бы превратиться в увлекательный рассказ из моего детства, если бы только хватило для этого времени...

На очередном уроке Валентина Ивановна отметила добрыми словами несколько работ, в том числе и мою, и загадочно добавила в заключение:

– Миша, я попрошу тебя остаться после уроков.

Я еле дождался последнего звонка, бежал к учительской, перепрыгивая лестничные ступеньки.

Почти все школьники уже разошлись, в школе тишина. Вбегаю, запыхавшись. И сразу же вижу в руках учительницы листки с моим сочинением.

– Знаешь, Миша, я с удовольствием прочитала твоё сочинение. Но все-таки мне кажется, ты немного пересочинял.

– Я старался, Валентина Ивановна.

– Разве я сказала, что ты не старался? Вот здесь, например, ты пишешь о змее, попавшейся на удочку. Ты же это придумал. Во-первых, змеи у нас встречаются очень редко, и я не помню случая, чтобы змея попалась кому-нибудь на удочку.

Я смутился, опустил голову.

– Согласен со мной? Чего молчишь? – дружелюбно спросила классная.

– Валентина Ивановна, я в книжке читал о миногах, вот и решил присочинить. Да и разница между змеей и миногой не очень большая.

– Разница большая, а главное – в это невозможно поверить.

Я, осознав свою авторскую ошибку, тяжело вздохнул.

– А вот в этом месте ты явно перепутал ласточку с жаворонком: в небесной вышине поет жаворонок.

– Если честно, Валентина Ивановна, я и не знал, кто там поет в вышине. Поет и поет, какая разница? Зато красиво.

– Надо правду писать, Миша, а не первое, что придет в голову. Если чего-то не знаешь наверняка – не пиши, или проверь по книгам и словарям. Писатель должен быть правдивым.

– Понял, теперь буду обдумывать.

– И еще: я хочу, чтобы ты все неточности поправил и аккуратно переписал текст. Мы отправим твоё сочинение в газету «Пионерская правда». Это интересно, это должны прочитать ребята всей нашей страны. Не все ведь живут в таком заповедном краю.

– Куда отправим? – переспросил я, задохнувшись от радостного удивления.

– В Москву, в газету «Пионерская правда».

– Ничего себе!

– Понимаешь, Миша, какая это ответственность?

– Понимаю.

Несколько раз я переписывал заветные листочки, чтобы ни грамматических ошибок, ни малейших помарок не осталось в тексте. Письмо по почте мы отправили вместе с Валентиной Ивановной. Первые дни я регулярно забегал в библиотеку и внимательно просматривал каждую полосу «Пионерской правды». Но, к большому разочарованию, своей заметки не находил.

«Наверное, не понравился мой рассказ», – подумал я и стал реже наведываться в библиотеку.

Однажды, в холодный ноябрьский день Володя Анисимов – дежурный по классу, увидев меня в коридоре с учебником, нарочито громко заорал над моим ухом:

– Мишка-а-а-а! Ты чего стоишь, тебя директор ищет!

– Да ну тебя.

– Нет, правду говорю, секретарь приходила, сказала, чтобы тебя срочно нашли и привели.

– Неужели что-то случилось? – сказал я.

– Иди-иди, там узнаешь, там узнаешь, что случилось. Директор в учительской.

Заглянув в просторную учительскую, я увидел разговаривавших друг с другом директора и Валентину Ивановну. Было заметно, что учительница чем-то взволнована, она то снимала, то надевала очки, то вертела их в руках, то нервно про-

тирала стекла платочком.

– Иди, иди сюда, герой, – слегка повысив голос, радостно обратился ко мне директор.

Я робко подошел.

– Молодец, Миша, хорошо написано, – сказал директор, показывая на развернутую на столе «Пионерскую правду». – Молодец! – еще раз сказал он и погладил меня по голове.

Я смотрел снизу вверх, то на него, то на Валентину Ивановну, у которой от волнения пылали щеки и искрился взгляд, направленный на меня. Как всегда, не вовремя зазвенел звонок, учителя заторопились на уроки, и директор, дружелюбно кивнув мне, дал понять, что наша встреча окончена.

Валентина Ивановна сказала:

– Я верила, что напечатают. Не могли в редакции такое искреннее и познавательное сочинение не заметить.

Но этим дело не закончилось.

Через месяц почтальон принес в школу большой конверт, лицевая часть которого походила на красочную картинку из книжки – такое впечатление создавали разноцветные почтовые марки, во множестве наклеенные на бандероль. Внутри была грамота.

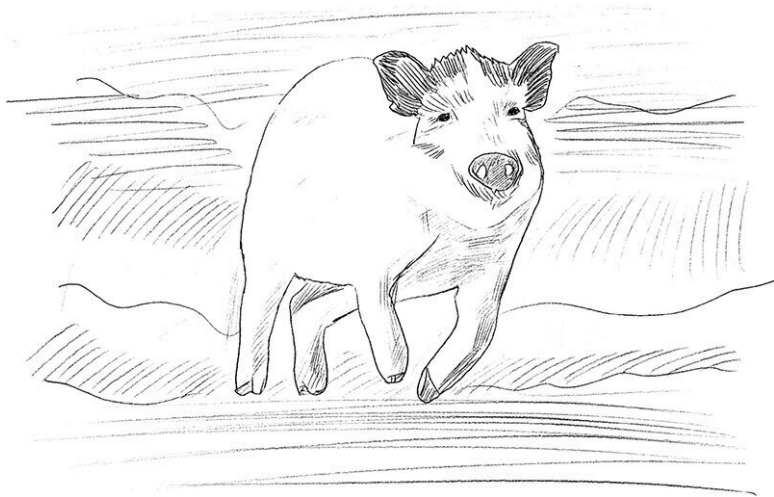
Директор на линейке торжественно вручил мне награду. В грамоте говорилось, что редакция рассматривает меня как внештатного корреспондента газеты и предлагает постоянное творческое сотрудничество. Валентина Ивановна так

растрогалась, что даже всплакнула, я заметил, как она украдкой смахнула платочком слезы. Друзья и учителя с уважением поздравляли меня. И мама была очень рада, я до сих пор слышу ее голос:

– Вот, Мишенька, какой ты стал, тебя даже в Москве знают.

Сегодня, когда минуло больше чем полвека с того дня, я хорошо помню тот ни с чем не сравнимый запах свежей типографской краски, исходивший от моей первой публикации. Тогда я еще не знал, что много-много раз в жизни этот запах будет приносить мне радость, а каждая моя новая книга, вышедшая из типографии, будет казаться лучше многих предыдущих.

Как кололи свинью

После ноябрьских праздников зябкое предзимье становилось полноправной, холодной, вьюжной зимой. Снегу выпадало много, мороз за тридцать градусов. Наступала пора «колоть» свинью. Мне всегда было жалко нашего борова, за лето я успевал привыкнуть к этому симпатичному безобидному существу. Но зимой семье есть что-то нужно было. Сколько помню, всегда свинью убивал из ружья дядя Вася – наш деревенский кузнец. В тот год мы пришли к нему с мамой.

– Ой, Анна, руку не поднять, разболелась, видимо, соли

откладываются, не смогу я твоего боровка заколоть.

– Может, я подожду, пока ты поправишься?

– Подождать-то можно, только вот знать бы, когда вылезешь. Попроси Мишку Клашина, он вроде умеет колоть.

Делать нечего, пошли к Мишке. Тот дал согласие, но забивать решил свинью по своему методу, топором.

– Это как? – спросила мама.

– Увидите, тетя Нюра.

На другой день Мишка Клашин пришел рано утром. Ружья не было, в руках он держал топор. Приготовили костер, накололи сухих дров, чтобы сразу опалить шкуру, натаскали соломы. Осталось дело за малым – убить свинью.

Мишка долго возился в хлеву, на вопрос, в чем там дело, кричал, что место ищет, куда удар нанести.

Через некоторое время раздались страшный визг и крик одновременно. Визжал боров, Мишка кричал. Все ждущие развязки не успели понять, в чем дело, как из открытой двери выскочил боров и понесся по улице галопом. В хлеву весь в навозе лежал Мишка.

– Что ты сделал? – всплеснула руками мама.

– Скотина полоумная головой завертела, и я по холке попал, – проныл Мишка.

Раненая свинья убежала в лес. Лес большой, на свинье колокольчика нет. Где найти, как возвращать? Хорошо, снег выпал. По следам бегали с ребятами, помогали сестренки, мама, сам виновник «торжества» Мишка Клашин с братом.

Нашли борова в чащобе за семь километров от деревни. Как домой заманить, никто не знал.

Хорошо, Назар Яковлевич Куклин сообразил: взял ружье, запряг сани и поехал на охоту за нашим «диким кабаном».

– Сколько живу на свете, такое приключение у меня впервые, – усмехался он.

– Что поделаешь, Назар Яковлевич, Мишка решил испробовать новый метод на нашем боровке несчастном, – сокрушалась мама. – Он после этого, поди, надолго без работы останется...

Борова пристрелили и привезли во двор. К ночи его опалили, разделали и упрятали в подвал. Мама облегченно вздохнула, когда все помощники ушли.

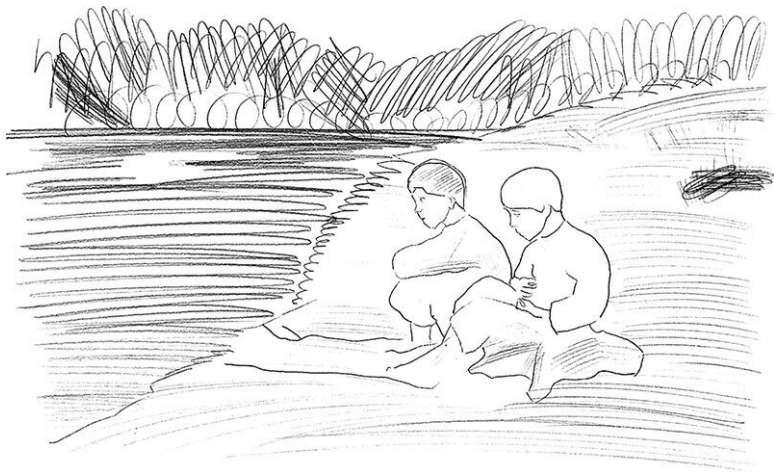
– Когда я уже доживу до той поры, что не надо будет никого просить, чтоб заколоть поросенка? Когда ты, сынок, уже повзрослеешь?

Я прижался к ней, вдыхая родной запах.

– Скоро, мама. Все буду делать сам. Только поросенка колоть не хочу. Жалко.

Она погладила меня по голове и поцеловала в макушку.

Перекур

Во второй половине дня начали сгущаться облака, на глазах превращаясь в тучи. С каждой минутой они становились все темнее и тяжелее. Казалось, кто-то могучий и невидимый выкатывал их из-за дальних сопок, и уже к полудню тучи заволокли все небо. О том, где находится сейчас солнце, можно было только догадываться.

Мужики торопились, спешно сгребали высохшую траву в валы, а самые опытные делали из них копны.

– Будет дождь, – сказал Мишка Солод, отирая вспотевший лоб.

– Успеть бы сено сбить в копны. Стог уже не заметить, – на ходу добавил дядя Вася, деревенский кузнец и по совместительству бригадир на сенокосных угодьях.

Работали споро, молча.

– Василий! – вдруг крикнул Иван Петухов, полный сорокалетний мужик с брюшком.

– Чего тебе, Иван?

– Давай перекурим, мне такой гонки не выдержать.

– Еще бы! А ты знаешь, сколько в тебе лишнего весу?

– Что-то я не понял тебя...

– Работой, потом объясню.

Часа через два, как пули, ударили первые капли. Но они уже были не страшны – мужики успели собрать сено в копны и укрылись под навесом. Их труд не пропал даром.

– Вот сейчас и покурим, Иван, – сказал бригадир дядя Вася, вздыхая и приглаживая свои мокрые волосы.

– Сейчас уж точно накуримся. Загнал ты нас, Василий Васильевич, как скотину.

– Это не я, дождь загнал.

– Вань, перестань скулить, без тебя тошно, – одернул Петухова Мишка Солод.

– А ты чего в разговор лезешь? – взъярился Иван. – Молодой еще меня учить!

Солод не стал отвечать Ивану, только рукой махнул.

Эта перебранка, казалось, добавляла мужикам силы, но продолжалась недолго. Все опять замолчали, поглядывая на

луговину через стену дождя, что стекал по наклонной кровле навеса.

Первым нарушил тишину бригадир.

– Ну что, мужики, сиди не сиди, а ужин готовить надо.

Кто сегодня кашевар?

– Я! – крикнул Мишка Карнаухов, коренастый двенадцатилетний парнишка.

– И чего варишь?

– Уху.

– Ну, давай уху, хотя и мяско не помешало бы.

– Щуки со вчерашнего дня лежат, дядя Вася, – строго пояснил мальчишка. – Не протухли бы...

– Вари уху, про мясо я к слову.

– Пока вы умываетесь, уха на столе будет, товарищ командир, – отрапортовал Мишка.

После ужина все разбрелись кто куда. Мужики постарше в зимовье на лежанках устроились, засмолили самокрутки. Ядреный табачок потрескивал, словно дрова в печке. Вспоминали войну, что не так давно прошла, страшную бомбу, сметающую города, говорили о предстоящей уборке урожая. В общем, обо всем своем, из чего состоит жизнь.

Парни и мужики помоложе разместились под навесом, травили анекдоты, друг над другом подшучивали, не забывали вспомнить деревенских девок. А дождь не прекращался, то усиливался, то затихал. Навредил дождь изрядно: нельзя было ни косить, ни грести, ни зароды метать. Отлаженный

веками процесс остановила непогода. Терпи и жди, когда эта морось закончится.

Мишка Карнаухов с Володькой Анисимовым сидели отдельно. В зимовье им стало скучно, да и накурили мужики, хоть топор вешай. Под навесом тоже особого веселья не было, усталость брала свое – не хотелось ни говорить, ни слушать.

Подростки незаметно, как делали каждый вечер, спустились к шалашу, что стоял на самом берегу речки Тушамы.

– Смотри, какая на воде пена от дождя образовалась, – сказал Володька.

– И что из того? – думая о своем, буркнул Мишка.

– Рыба клевать лучше будет.

– Ты что, на поплавок ее собрался ловить? Сетку поставил и бери сколько надо.

– Это мы тут сеткой ловим, а в нормальных местах запрещают такую ловлю.

– Вовка, чего ты начал: ловим, не ловим. Сейчас дождь, лови удочкой, кто тебе мешает?

– А где я удочку возьму?

– Опять двадцать пять. Сетка вон на кольях висит. Бери и ставь.

Они замолчали, глядя на стремительную, бурливую реку. Потом зябко поежились. Оказывается, шалаш, собранный из березовой коры, протекал во многих местах, и здесь было так же мокро и неудобно, как и под навесом.

– Мишка, давай покурим?

– Не хочу курить махорку, больно крепкая.

– Так я не говорю про махорку, у меня кое-что получше есть.

– В лесу нашел или в лавке купил?

– Обижаешь. У Мишки Солода стырил.

– Понятно. Смотри, узнает, долго сидеть не сможешь.

– Так давай выкурим, пока не узнал.

– Слушай, ну сколько тебе говорить, нельзя у мужиков ничего брать. Мало того что поджопников надают, так еще и на работу брать не будут.

– Куда они без нас? Кто копны возить будет?

– Все деревенские пацаны на сенокос хотят.

– Другая работа есть в колхозе.

– Другой работы, за которую столько трудодней начисляют, у нас нету.

Володька вытащил из внутреннего кармана коробочку из плотного картона, в которой когда-то продавались конфеты. Сладость много лет назад была съедена и вкус ее забыт, поблекли красивые картинки на крышке, нынче эта емкость использовалась для «конфискованного» товара.

– Во, посмотри. – Володька достал из коробочки несколько папиросин «Беломорканала». Дал одну Мишке. Они закурили. Вовка, глубоко затянувшись, стал мастерски выпускать изо рта колечки голубого дыма.

– Ну как, с махоркой не сравнить? Как сахарные! А вкус

какой! – смаковал Вовка.

Мишка, пыхтя, выдувал изо рта дым и кивал головой, подтверждая справедливость слов приятеля.

– Ты в себя вдохни, а ты в рот набираешь и тут же выпускаешь. Надо, чтобы до легких доходило, тогда и вкус в табаке поймешь.

Мишка глубоко вдохнул, тут же поперхнулся и громко и надсадно закашлялся. В это время в проеме шалаша они увидели голову бригадира. Дядя Вася внимательно посмотрел на мальчишек и, непонятно к кому обращаясь, сказал:

– Я так и думал. Кто же еще будет сидеть в шалаше и покуривать. Выходи, братва!

Друзья молчали, прижавшись друг к другу. Дядя Вася терпеливо ждал, пока «братва» тушила папиросы, сначала пальцами, потом затаптывая их сапогами.

– Выходите, дождь почти кончился.

Ребята вышли и встали у входа в шалаш.

– Я несколько дней назад заметил, как вы прячетесь и дымком балуетесь, хотел разобраться, да не успел, скрылись вы за речкой. А сейчас выхожу из зимовья, смотрю, дымок из шалаша идет, сразу понял, в чем дело.

– Давай, Мишка, руку, пошли со мной.

– А что, я один? Мы вместе с Вовкой.

– Нет, Вовку я брать не буду. Во-первых, он постарше тебя, во-вторых, у него здесь взрослый брат, пусть о нем и заботится. Ну, а в-третьих, твоя мать просила меня за тобой

приглядывать.

– Следить, что ли?

– Не следить, а приглядывать. Давай руку, пошли со мной.

– Куда пойдём-то?

– В зимовье.

– Да я и так дойду, дядя Вася.

Бригадир по пологому угору поднимался к зимовью, Мишка, понурив голову, шел следом.

Вся бригада сидела у навеса. Увидев курильщиков, Мишка Солод заорал:

– Чего они, Василий, понаделали?

– Не ори, никто ничего не сделал.

– А чего ты их ведешь?

– На профилактику. Иван, – обратился он к Петухову – зайди в зимовье.

Все со скуки потащились следом за Иваном.

– Ну, а вы-то куда? Посидите на улице.

– Ложись! – скомандовал дядя Вася.

Мишка не понял.

– Ложись на лежанку, животом вверх.

– Дядя Вася, зачем ложиться-то?

– После скажу. Иван, разомни Мишку, да осторожней, кости не потревожь.

– Как в прошлом году Гошку Погодаева разминали?

– Да, как Гошку.

Мишка не понимал, о чем они говорят, но сопротивлять-

ся и спорить не стал, зная крутой характер бригадира, который за неподчинение вмиг отстранит от работы и отправит домой.

Иван начал мять Мишкин живот, приговаривая:

– Не надо мальчикам курить, не надо.

Первое время Мишка вздрагивал, иногда поскуливал от боли, иногда дергался от щекотки, но постепенно затих. Ему становилось плохо, к горлу подступала тошнота. Мальчик почувствовал, что еще миг, и его вырвет. Он соскочил с лежанки, оттолкнул Ивана и, закрыв руками рот, выбежал на улицу. Он успел сделать несколько шагов по зеленому лугу, потом обеими руками ухватился за стойку для коновязи. Ему не хватало воздуха. Мишка пытался втянуть его ртом, но в результате затрясло все тело, и началась рвота. Недавно съеденная уха потоком вылилась на землю. Мишка почувствовал боль в животе, хотел положить руку на больное место, но потерял ориентацию и опять ухватился обеими руками за прясло.

Мишкины руки и ноги стали неметь, появилось головокружение, но рвота прошла.

Дядя Вася с ведром воды и ковшиком стоял рядом.

– Давай, Мишка, ополоснемся.

Мишка смотрел на говорившего, не понимая его речи.

– Ну, подставляй руки. Вот так, – поливая воду, приговаривал бригадир. – А теперь лицо.

Мишка все делал машинально, его еще подташнивало, от

слабости он не мог говорить.

– Теперь иди к речке, ополоснись хорошенько, посиди, успокойся.

Мишка, не глядя ни на кого, стал спускаться к лавнице, на ходу сбросил сапоги вместе с носками, с огромным трудом вошел в воду, ополоснул лицо, прополоскал рот. Присел на лавницу.

Подошел Вовка. Мишке, почувствовавшему резкий запах курица, стало дурно, опять возникло чувство тошноты.

– Вовка, отодвинься, курица от тебя разит.

– Нюх, что ли, пробило?

– Наверно.

– Надо было в лес сматываться.

– Отодвинься, прошу тебя, а то опять вывернет.

Вовка отодвинулся.

– Смотри, какой чувствительный стал, – буркнул приятель с другого конца лавницы.

Мишка не слушал его, он глотал чистый, упоительный таежный воздух, как выброшенная на берег рыба, открытым ртом, постепенно приходил в себя после мучительной рвоты.

Смолистый аромат сибирской тайги заполнял его, он дышал этим ароматом, давясь и захлебываясь, до судорог в легких.

Незаметно для себя Мишка успокоился, повеселел.

– Пойдем спать, Вовка.

– Пойдем, но от меня же курица пахнет.

– Помой лицо и ополосни рот, пахнуть не будет.

– Что, и правда тебя от курения отучили?

– Не знаю, Вовка, давай завтра на тебе испытаем.

– Нет уж, со мной этот номер не пройдет.

– Чего так?

– Последнего удовольствия лишают. Зачем жить тогда?

– Скажу тебе правду. Как только о куреве подумаю, тошно становится.

– Не заболеешь от этого?

– Не заболею. А если что – дядя Вася поможет.

Часть III

Родина

С высоты птичьего полета наша деревня выглядит опрятной, геометрически выверенной. Вросшая фундаментами изб, как могучими корнями, в древнюю родную землю, она предстает несокрушимым бастионом, о который разбивались века и невзгоды. Непостижимая ее целесообразность и значимость кажутся вечными, данными раз и навсегда.

Нижне-Илимск – центр притяжения всей таежной округи. Отсюда летали самолеты в Иркутск и в другие города. Летом по Илимю лошади тянули лодки-баркасы, они шли даже с низовьев Ангары. Многие пути-дороги сходились и расходились в Нижне-Илимске, они манили романтикой дальних странствий, новых открытий и встреч.

Моя малая родина – весь Илимский край, куда вмещается моя жизнь со всеми ее связями, поездками, лесами и полями, птицами и зверьем, ягодами и грибами, горестями и радостями, которые трудно пережить в одиночку.

Да, все это, от горизонта до горизонта – моя малая родина – великое четырехмерное пространство, которое умещается в моем сердце.

Малая родина

На уроке литературы Валентина Ивановна объясняла ученикам, что такое «малая родина», приводила много примеров из жизни великих русских писателей. В конце урока она попросила учеников дома поразмышлять о своей малой родине и написать об этом сочинение.

Мишка Карнаухов и Колька Букин вышли из школы вместе, обсуждая задание.

– Мишка, ты о чем будешь писать?

– Как о чем? О малой родине, конечно.

– Ты родился в Кеуле?

– Да.

– Значит, там твоя малая родина и есть. Она там, где человек родился.

– А может, там, где человек провел свое детство? Где вырос? Я же не помню Кеуля, слишком был маленький. Что о нем писать? Напишу о деревне Погодаевой, о Нижне-Илимске.

– А Нижне-Илимск причем?

– А при том, Коля, что наша деревня и село на том берегу – единое целое.

– Придумываешь, Мишка.

– Ничего не придумаваю. Обыкновенная география.

Райцентр Нижне-Илимск, что через реку, погодаевским мальчишкам казался настоящим городом. Там были все условия для интересной и удобной жизни: две школы, три библиотеки, Дом культуры, больница, аптека, пекарня и чайная, баня и несколько магазинов. А главное, там было радио и электричество – невидальщина для многих окрестных деревень. И еще там были настоящие «высотные», как они представлялись ребятам, двухэтажные дома. Среди них самым красивым было здание начальной школы, построенное в начале XX века. Светлое, просторное, с диковинными элементами старого внутреннего убранства, оно уже одним своим видом утверждало: учение – это не только труд, это удо-

вольствие, это радость.

В другой школе – средней, тоже двухэтажной, просторной и удобной, ребята проводили все свое время, и учебное, и свободное. Деревня, где стоял Мишкин дом, как бы сейчас сказали, была спальным районом. А вся самая интересная жизнь проходила в селе Нижне-Илимск.

В школу и по другим делам из деревни в райцентр добирались на лодках – «шитиках». Нижне-Илимск, по сути, был селом по своей малонаселенности, патриархальности, еще сохранившемуся старому жизненному укладу, но в то же время и городом – с диковинными заведениями и социальными услугами. Блаженством было посидеть здесь в чайной, поесть макарон, попить чаю. А потом пройтись по улицам. По сторонам деревянные тротуары, мостики через овражки. Красота! Ни в одной деревне не увидишь такого.

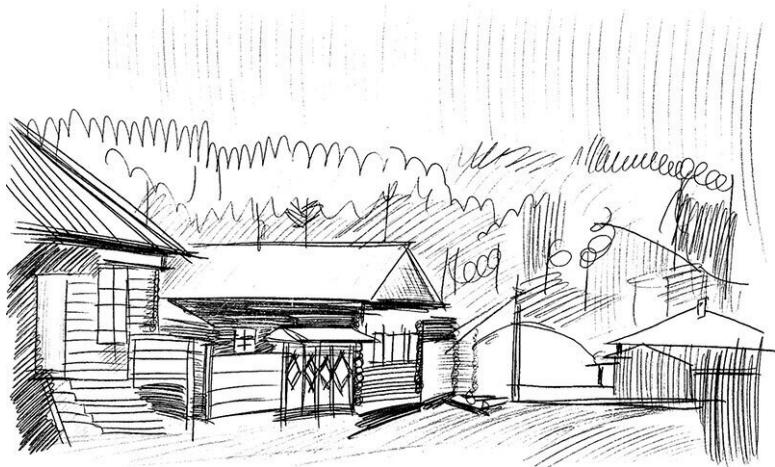
Нижне-Илимск – центр притяжения всей таежной округи. Отсюда летали самолеты в Иркутск и в другие города. Летом по Илимю лошади тянули лодки-баркасы, они шли даже с низовьев Ангары. Многие пути-дороги сходились и расходились в Нижне-Илимске, они манили романтикой дальних странствий, новых открытий и встреч.

А может, Колька прав, малая родина не там, где живешь, а там, где родился? Деревня Погодаева тоже хороша. Вокруг нее плодородные поля, душистые сенокосы, ягодная тайга. Тут мое детство проходит. Но и в райцентре мое детство проходит. Здесь школа, ребята, учителя, мои первые открытия.

Так где же она – малая родина? Что я напишу в сочинении? Нет, я точно знаю, что моя малая родина – весь Илимский край, куда вмещается моя жизнь со всеми ее связями, поездками, лесами и полями, птицами и зверьем, ягодами и грибами, горестями и радостями, которые трудно пережить в одиночку. Да, все это, от горизонта до горизонта – моя малая родина – великое четырехмерное пространство, которое умещается в моем сердце.

Так Мишка и написал в своем сочинении.

Самая красивая деревня

В конце августа Павел Погодаев с Мишкой Карнауховым поднимали пары на крутом склоне Красного Яра. Трактор был старенький, часто ломался, и постоянные ремонты не добавляли ему лошадиных сил. Даже свежая покраска не могла скрыть почтенного возраста железного коня. Поднимаясь вверх по склону, трактор надрывно тарахтел и неравномерно трясся. Мишке было поручено регулировать глубину пахоты лемехами. Работа не спорилась. Приходилось часто останавливаться, глушить перегревающийся движок. Однако и передышки не помогали.

– Да, такими темпами ничего не заработаешь, – возмутился Павел.

Это был высокий крепкий мужик лет тридцати пяти. Несмотря на фронтовое ранение, от которого левая его рука осталась на веки вечные согнутой калачом, в солдатской гимнастерке и кирзовых сапогах он выглядел красавцем. Казалось, все по плечу этому бравому трактористу, и поле он вспашет быстро и легко.

Мишка, пятнадцатилетний подросток, вынужденный больше бегать за трактором, чем сидеть на плуге, был заметно утомлен и ничего не отвечал.

– Чего молчишь, негритенок?

Ответа не последовало.

К обеду заметно устали оба – и Павел, и Мишка.

– Пойдем перекусим? – предложил Павел.

– Куда пойдем-то?

– Лучше всего спуститься к Илимю, искупнулись бы. Но далекоовато. Пойдем к обрыву. Посидим, природой полюбуемся...

– Сил нету, Павел, я здесь останусь, – промямлил Мишка.

– Не хнычь, пошли, вдвоем веселее. Я помогу тебе.

Мишка нехотя поплелся за трактористом. Миновав солнечную полянку, они вышли к обрыву, на краю которого чьей-то заботливой рукой вокруг стола, сколоченного из неструганных досок, были расставлены чурки. На них и расположился экипаж «машины боевой».

– Вот видишь, Михаил, какой у нас уют, с такой удобной мебелью. Иди сюда, плесну тебе воды из бутылки. Умойся, сотри пыль с лица. Сразу легче станет. Ну вот и отлично. Жаль, девок поблизости нет, а то бы увидели, какой ты парень красивый. Мне тоже плесни. Эх, хороша водичка! Еще немного...

Труженики разложили на столе свои припасы и приступили к еде. Жевали молча, прихлебывая холодный чай. К концу трапезы Павел с сожалением вздохнул:

– Вот бы сейчас настоящего чайку, с костра.

– Для этого, Паша, котелок нужен и заварка.

– Заварки-то вокруг много, вон сколько вокруг ароматных травок растет. А насчет котелка ты прав.

Павел закурил, ловко выпустил несколько ровных колечек дыма, а потом, глядя со стометровой высоты Красного Яра на родную деревню, с потаенной грустью и нескрываемым восторгом сказал:

– Красота-то какая! Ты погляди, погляди, Мишка.

– Ну какая там красота? Лес без конца и края да наша крохотная деревня вдоль Илима, – без радости в голосе констатировал Мишка.

– Да ну тебя, Мишка. Неужели благодати не видишь? Посмотри, посмотри! Да обернись же ты!

Мишка повернул голову и увидел, как далеко внизу вдоль Илима вытянулась ниточка домов, примостившихся на высоком угоре. От каждого дома к реке сбегала тропинка, упи-

равшаяся в лавницу. Под угором, как опята, кустились серенькие баньки.

Павел понял по безразличному Мишкиному выражению лица, что не убедил парня, не достучался до его сердца.

– Эх, Мишка, поверь мне на слово, такой красоты нет на всем белом свете. А уж повидал я городов и весей немало. Бывало, в передышках между боями закрою глаза и вижу наши избы, что стоят вдоль Илима. Ставенки голубые, как ясные глазки, смотрят на юг, на солнце. Наличники белые, резные, строгих линий. Резьба делает небогатые домики наряднее, легче. Казалось, в таких сказочных домиках и жизнь легкая, сказочная. Вот так вспомнишь перед боем родное, и сердце смелостью наполняется, уверенностью в том, что вернусь живым. Сколько раз спасала меня эта красота от смерти...

– Павел, ты сам говоришь, что столько повидал, неужели не встречал мест покрасивее?

– Почему не встречал? Встречал. Но краше нашего все равно нету, точно тебе говорю. Родная земля – она самая красивая. Здесь родился, в школу пошел, семьей обзавелся. Каждый уголок, каждый кустик знаю. А вон посмотри, видишь, где деревня Игнатьева?

Павел повел рукой в сторону дальней сопки. Около нее виднелись дома, составляющие несколько улиц, параллельных реке.

– Да вижу я твою Игнатьеву, бывал там сотни раз, и по

воде, и на лошадях.

– Я к чему тебе ее показываю? Вспомнилось... Возвращался я с фронта осенью сорок четвертого, как раз перед тем, как Илимку льдом покрываться. Доплыл я на лодке только до Игнатъевой с тамошним жителем Дмитрием Ивановичем Черемных. Попрощался с ним, взял вещмешок и бегом к своей деревне. Три километра бежал, не остановился ни на минуту, пока дорогу не преградила река. Смотрю с другого берега на родную деревню, а из глаз моих слезы катятся. В горле пересохло, то ли от быстрого бега, то ли от радости.

Встал напротив своего дома, кричу, а силы в голосе нет. Машу руками, мол, помогите мне, перевезите. Вижу, парнишки на том берегу забегали, в лодку прыгнули и ходом ко мне. Уж и не помню, как добрался. Тут меня вся деревня вышла встречать. Вот где счастье-то!

Мишка не сказал Павлу, что эту историю он слышал от него уже несколько раз.

Павел умолк, отвернулся от Мишки и стал пристально вглядываться – то ли в даль, то ли в прошлое. Но молчал он недолго, сегодняшние заботы и переживания оказались сильнее воспоминаний.

– Слушай, а что, Мишка Слободчиков в Иркутск улетел учиться?

– Да, в сельхозинститут, на механика.

– Здорово.

– Я тоже, десять классов окончу, и поеду на летчика

учиться.

– На летчика? Это хорошо. А кто землю пахать будет?

– Другие пусть пахут, – безразлично сказал Мишка.

– Какие другие? Других-то не будет. Все станут инженерами, летчиками, машинистами, врачами...

– Да ладно тебе, Паша. Чего ты пристал? Я знаю, что буду делать. Уговаривать меня не надо...

– Ну, давай помолчим. Иногда это полезно.

Но молчали они недолго. Не выдержал Мишка:

– Вы, взрослые, странные какие-то. А для чего мы в школе учимся? Чтобы коров доить? Землю пахать? Для чего, скажи?

– И скажу. Я ведь до войны семь классов окончил, да не я один такой. По тем временам это было хорошее образование. Так что ж, в начальниках мне ходить надобно? А кто за трактор сядет, кто землю возделывать будет, кто сено заготавливать начнет, кому хлеб сеять и убирать? По-твоему получается – некому. Все сплошь инженеры да летчики. А кто кормить людей будет? Кто в деревне останется? Старики и старухи? Так вскорости и деревни не будет.

Павел от своих доводов накалялся все больше, щеки покраснели, покалеченная его рука то предостерегающе вздымалась вверх, то резко опускалась вниз.

– Представь себе, не будет нашей деревни. Как жить без нее станем? В страшное время сберегли, а когда мир наступил, все разбежались?

– Так что, по-твоему, не надо учиться деревенским? Если в деревне живем, то и летчиком быть нельзя, и инженером-строителем, и врачом...

– Чего ты заладил: учиться нельзя. Можно и нужно. И летчики в нашем краю нужны, и учителя, и агрономы, и механики, и строители. Только не всем ученье в голову идет, не все учеными становятся... Посмотри, Мишка, на деревню нашу, триста лет живут в ней люди. Как ее можно бросить?

– Да кто ее бросает? Ради нее я и стараюсь, учусь на отлично.

Мишка, казалось, уже не сопротивлялся восторгу Павла, смотрел в ту же сторону, что и старший напарник. С высоты птичьего полета деревня выглядела опрятной, геометрически выверенной. Вросшая фундаментами изб, как могучими корнями, в древнюю родную землю, она представляла несокрушимым бастионом, о который разбивались века и невзгоды. Непостижимая ее целесообразность и значимость казались вечными, данными раз и навсегда.

Первым тишину нарушил Павел.

– Перед войной-то мы богато жили. Колхозу немалые денежки выделялись. Да и было за что, колхоз-то – миллионер...

Павел своей скрюченной рукой указал на большие постройки на краю деревни.

– Вон те фермы, конные дворы, ток для обмолота зерна. На эти деньги и построили. А техники сколько приобрели!

На трудодни и хлеб, и деньги получали. Вся деревня приоделась, я уж не говорю о велосипедах и патефонах. Но война все разрушила, все переиначила... А скольких односельчан мы недосчитались... Ни один дом похоронка не обошла.

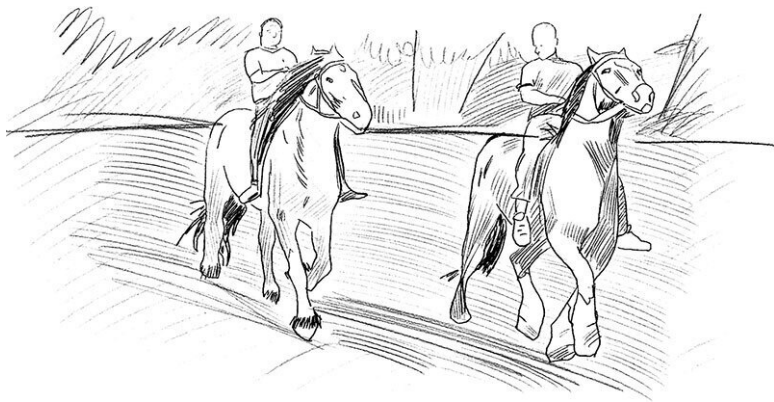
– Мы в школе считали: сорок два человека из нашей деревни не вернулось с войны. У Ведерниковых и Замаратских, к примеру, погибли по два сына.

– Да много примеров можно привести... Ладно, на эту тему можно говорить часами. А нам работать надо.

И снова натужно загудел трактор, который иногда казался Мишке советским танком, ринувшимся в неравный бой. Трактору, действительно, приходилось нелегко, он выворачивал огромные отвалы земли. Поначалу сочно-черные и блестящие, как антрацит, глыбы на солнце быстро обветривались, подземная влага улетучивалась, и под трудолюбивым августовским солнцем комья земли становились тускло-серыми, они разрыхлялись и умягчались, превращаясь в благодатную почву для новых посевов. И новых хлебов.

Ослепительно красивой, живой, словно наполненной солнечным светом, сверкала внизу река. Мишка не мог еще сформулировать нахлынувшие на него новые чувства, но почувал, что это не обыкновенная река, но река, от которой берет начало и его маленькая жизнь. А на берегу этой реки стоит самая красивая на свете деревня, в которой зародилась Мишкина судьба. Куда она его поведет?

Гонец из юности

Вокруг как-то быстро все померкло, погасли последние утренние звезды, небо заволочло тучами, и начался нудный, долгий, морозящий дождь. Дядя Вася, руководивший бригадой косарей, громко ругал погоду, поглядывая на небо, словно ждал оттуда, сверху, каких-то утешительных новостей или распоряжений.

– Господи, не могла эта проклятая погода подождать хоть чуть-чуть, одна луговина осталась за большой еланью. Сгребли бы сено, в зарод сметали, тогда и лей, хоть залейся, а сейчас жди, когда подсохнет...

– Василий, говорил я тебе, что косить не надо, – встрял в разговор дед Филипп, который обычно метал сено в зароды.

– Когда это ты мне говорил? – набычился дядя Вася. – Чего ты из себя умника строишь, задним-то числом?

– Не заводитесь, мужики, – миролюбиво сказал Мишка Солод, встал из-за стола, вышел на воздух и, задумчиво попыхивая под навесом самокруткой, грустно поглядел в призрачную дождливую морось, похожую на гигантский рой мошкары.

Вслед за Солодом и вся бригада выбралась наружу. Разойтись никто не посмел – не было команды. Все курили и ждали распоряжений дяди Васи. Наконец, бригадир принял решение:

– Одевайтесь, мужики, потеплее, пойдем зароды огораживать.

Никто не спорил, дело это нужное, хотя в дождь любая работа не в радость.

– Дед Филипп, ты останься, чего мокнуть-то, – примирительно пробурчал дядя Вася.

– Да нет уж, Василий, пойду со всеми, вязку делать буду.

– Накинь мою накидку.

– А ты как?

– А я колья забивать буду, все равно вспотею и скину...

Постепенно все втянулись в работу. Мужики готовили в лесу жерди и колья, пацаны тащили их к зародам, дядя Вася и Мишка Солод забивали топорами колья, а Иван Петухов подменял попеременно одного из них.

Дед Филипп из гибких ивовых прутьев делал опоры для

жердей. Намокшие прутья были податливыми, работа спорилась. От косарей, как от паровых утюгов, валил пар. Пообедали всухомятку, у кого что было. Потом почаяевичали, покурили и вновь за работу.

Погода, казалось, сжалилась над косарями; бурые облака, висевшие над покосным лугом, поредели, разошлись, исчезла морось, и казалось, никаких препятствий работе больше не предвиделось.

Мишка Карнаухов тоже промок до нитки, он занимался тем, что таскал из перелеска жерди и колья. Отяжелевшая от воды одежда затрудняла движения и холодила все тело. В очередной раз, подавая жерди бригадиру, мальчик услышал команду:

– Мишка, дуй в зимовье, растопи печь, приготовь чего-нибудь на ужин!

– А чего приготовить, дядя Вася?

– Ты же повар, не я. Приготовь макароны с тушенкой, что ли.

– Будет сделано! – козырнул Мишка.

– Беги, беги.

После ужина, покурив и поругав небесную канцелярию, мужики стали укладываться спать. В зимовье дышать было трудно. Терпкий запах пота, исходивший от разгоряченных мужских тел и подсыхающей одежды, развешенной на просушку по всем возможным зацепам на стенах, вынудил молодых парней устроиться на ночлег под навесом.

Сумерки быстро накрыли зимовье. Они пришли так быстро, что никто и не заметил этого. Казалось, они бесшумно рухнули откуда-то сверху, с небес. Только пронзительнее зазвенел перекат на речке, громче закуковала кукушка, капризнее заухал филин. И вдруг среди этой полнозвучной лесной тишины залаяли обе собаки, которых Иван Петухов взял с собой. Они, как бывалые охранники, деловито бежали по округе, отпугивая непрошенных лесных гостей, в том числе и косолапых.

– Кто это к нам? Иван, проверь, неужто «хозяин»?

– Да ну тебя, дядя Вася. Похоже, кто-то едет.

– В такую погоду? Нет, Иван, это вряд ли.

Собачий лай усилился, мужики вышли и с любопытством смотрели на дорогу, выходящую из леса. Показался верховой.

– Кто это? – спросил Мишка Солод.

– Похоже, Толька Замаратский.

– А чего приперся? Неужели беда какая?

– Сейчас узнаем.

Толька подъехал к зимовью, соскочил с коня и радостно крикнул:

– Привет, мужики!

Посмотрев на молчаливые лица, спросил с удивлением:

– А чего молчите-то?

– Это ты нам скажи, что тебя по такой погоде принесло?

– Может, под навес хотя бы пустите? Да и коня в изгородь

поставить неплохо бы.

– Колька, коня накорми-напои, – скомандовал дядя Вася. – Заходи, Толя, рассказывай.

Гость сел за стол, выпил кружку воды. Мужики молча смотрели на него, ожидая самого худшего. Дед Филипп не выдержал первым.

– Кто-то умер, что ли, или война началась? Чего ты молчишь?

Только всплеснул руками.

– Господи, какая война! И никто не умер.

– А чего приехал?

– Приехать нельзя, что ли?

Все опять замолчали, недоуменно поглядывая друг на друга.

– Ладно, томить не буду, – сказал Толька с хитровой улыбкой, – приехал я за Мишкой Карнауховым, в лагерь его отправляют.

– Мишку в лагерь? Час от часу не легче... – протянул бригадир. – Чего он натворил такого? Парень, вроде, хороший, толковый...

– Дядя Вася, вы не поняли... – хмыкнул Толька. – Где Мишка?

– Здесь я.

Мишку, не понимавшего, что происходит, подтолкнули к столу. Толька победоносно провозгласил:

– Мишку отправляют в пионерский лагерь!

– Это который за песчаным яром, напротив аэродрома? Стоило коня гнать, мы через неделю, если дождя не будет, в деревню вернемся, – беспрекословно подытожил бригадир.

– Нет, лагерь не районный. Мишку отправляют в Крым!

– Куда? Куда? – послышались удивленные голоса. – В какой это еще Крым?

– В Крым, во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

– Ни хрена себе, – выпалил Иван Петухов. – За что ж ему такая честь?

– Сказано: за учебу.

– За учебу! Мишка, ты что, отличник? – спросил дядя Вася.

– Две четверки за год, – еле слышно ответил Мишка.

– Сколько четверок?

– Две, – уже громче, сухими от волнения губами повторил Мишка.

– А полноценного отличника не нашлось? – нарочито сурово спросил Иван Петухов. – Чтоб все пятерки? А?

– Что вы меня пытаете, дайте лучше поесть! – подвел итог совещания измученный Толька.

Пока гость ел, его расспросили обо всех деревенских новостях, разобрали гостинцы, переданные заботливыми родственниками.

От счастья Мишка не находил себе места, ему хотелось в одиночестве осмыслить это чрезвычайное событие. Он зарылся в копну сена с головой и сделал вид, что уснул. Но в

голове его билась одна-единственная мысль: он едет в «Артек»! Неужели именно ему из всей школы так повезло? Он увидит Иркутск, Москву, а самое главное – будет купаться в Черном море. Разве это не чудо? О таком он не мог даже мечтать.

– Мишка, где ты? – глухо донесся голос его одноклассника, Вовки Анисимова.

– Да здесь я, что надо?

– Дядя Вася зовет.

Мишка выкарабкался из копны, слегка отряхнулся. Мальчишки робко протиснулись в душное зимовье, где с заинтересованностью казаков, пишущих письмо турецкому султану, косари что-то обдумывали и обсуждали.

– Мишка, – сразу накинулся бригадир, – где «Артек» расположен?

– В Крыму.

– Что в Крыму, я знаю. Но Крым большой. В каком месте?

– Рядом с Ялтой, дядя Вася.

– Точно. Мы освобождали Ялту, я запомнил, у них там есть село, со странным названием – Никита.

– Так людей называют, а у них – село.

– Где-то рядом с этим селом лагерь и расположен.

– Василий, ты хочешь сказать, что в «Артеке» бывал?

– При чем тут лагерь? Мы видели только развалины, обгорелые печные трубы, битые кирпичи и стекла... На набережной – доты, встроенные в углы зданий. Кругом копать,

дым, а деревья в цвету! Природу не обманешь, подошла пора, цвести надо. До того, как город освободили, почти двое суток на себе перетаскивали орудия и пулеметы, через горы, скалы, по бездорожью...

– Ну, понеслось, – тихо сказал Вовка, – теперь полночи вспоминать будет... Пошли под навес...

– Мишка, ты куда собрался? – остановил мальчишку голос бригадира.

– Под навес, дядя Вася.

– Зачем?

– Спать.

– Да ты посиди, послушай, успеешь выспаться, на отдых едешь.

Мишка присел на нары, потом поудобнее привалился к стене и стал слушать дяди Васины воспоминания. Под его рассказ утомленные мужики один за другим начали клевать носами, а вскоре сон сморил и счастливого обладателя путевки в «Артек».

Утро выдалось опять пасмурным. Позавтракав, Толька Замаратский с Мишкой стали собираться в деревню. Подошел дядя Вася.

– На холке, поди, тяжело будет, задницу отобьешь.

Мишка промолчал. Анатолий, посмотрев вокруг и улыбнувшись, ответил за него:

– Дядя Вася, мне не впервой, меняться будем, если совсем немоготу, спешусь, рядом побегу.

– Может, таратайку запрядешь?

– Так ее ведь возвращать надо.

– И то верно.

Подойдя к изгороди, где паслись лошади, дядя Вася вдруг твердо сказал.

– Давай, Мишаня, седлай Светлого, все равно без тебя на нем копы возить некому будет.

Мишка растерянно смотрел на собравшихся мужиков, которые, как он чувствовал, тайно, в своих сердцах гордились им, младшим односельчанином, и хотели хоть как-то выразить ему свое почтение, свою гордость. И сегодняшний невероятный Мишкин успех, его достижения, которые вышли на такой недостижимый уровень, казались им частичкой великого счастья, о котором они мечтали в лихие военные годы...

– Седлай! – радостно засмеялся Иван Петухов. – Пока не передумали.

Мишка бережно за узду вывел Светлого, накинул седло, подтянул подпругу и перекинул мешок с вещами у передней луки.

Стали прощаться. Пожимали Мишке руку, хлопали по плечу.

Бригадир подошел последним.

– Мишка, передавай Крыму привет от меня. И морю поклонись – я ведь один-единственный раз в жизни купался в море, никогда этого не забуду...

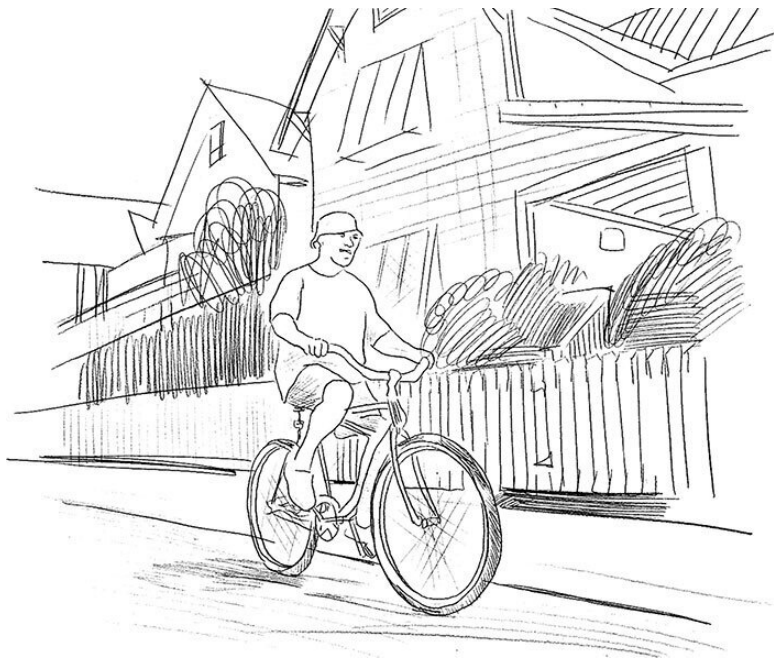
– Хорошо, дядя Вася.

– Ну, поезжайте. Толя, скажи в правлении, что скоро заканчиваем, ведро установится, два-три дня, и мы по домам.

Конь легко шел по лесной дороге. Мишка не оглядывался на зимовье, представляя, как уменьшаются за его спиной навес с изгородью для лошадей, старые могучие ели и ветреные березки, вечно бурливый речной пережат и безмолвный, исполненный тайного достоинства непроглядный омут.

Грустно почему-то стало Мишке. Умом он не понял, но сердце его почуяло, что там, у речки Тушама, в этих благоденственных местах, которые он уже никогда не увидит, завершилось детство. Что это не односельчанин Толик привез радостную весть, а гонец из юности за ним приезжал. Что по лесной дороге, благоуханной и легкой, этим летним утром он уходил из детства.

Мгновения для души

...Опять осень. Я люблю ее и всегда ей радуюсь. Ранняя осень примиряет с миром, заставляет оглянуться на недавнее минувшее, шумное, ненасытное в своих летних аппетитах. Тщетность удовольствий, недолговечность праздника бытия наводит на мысли о незыблемом, вечном, о том, что

во все времена лежит в основе всего, что, даже умирая, остается неподвластным времени. Осень называют меланхолической, грустной, обманчивой. Но я с этим не согласен. У каждого времени года свое предназначение. По моему жизненному опыту выходит так: зима – для работы, весна – для любви, лето – для семьи. А осень – время мгновений, просветляющих душу.

Меня ничто так не вдохновляет, как осенние краски природы, их сложные цвета и оттенки. В эти сочные краски хочется окунуться, как в море, брызгаться опавшими листьями, расплескивать пряный воздух... И созерцать, и мечтать, и любить, и верить.

Примета ранней питерской осени – утренние туманы. Еще все зелено, еще тепло, но они, предвестники грядущих ледяных дней, густыми молочными реками насыщают утренний воздух и бесследно растворяются в океане рассветного неба. Иногда в это время, пока близкие спят, я езжу на велосипеде. Дорога ведет мимо садов, заборов, перелесков к дальнему лесу. В сильный туман видны только крыши домов, но постепенно пейзаж проясняется, проявляются ограды, деревья, палисадники, вспыхивают на мокрой траве капельки росы. Это таинство возникновения красоты происходит в полной тишине, и только насыщенные запахи увядающих листьев и трав свидетельствуют, что это не сон.

На повороте перед обратной дорогой останавливаюсь: скамеечка под величавым раскидистым дубом ждет меня.

Наслаждаюсь покоем утра, наблюдаю трудное рождение солнечных лучей – слежу, как они, словно тоненькие кисточки художника, усиливают, насыщают цвета просыпающегося мира. Хорошо! Прищуриваюсь, солнце светит ярче и ярче. Оглядываюсь вокруг – где же туман? Неужели от него осталась только белая рябь на холодной тверди утреннего неба? И мне отчего-то становится радостно.

С этой радостью я возвращаюсь домой.

* * *

В нашем саду у бани растет высокий клен. Когда приходит положенное время, за одну ночь маленькая полянка под деревом сплошь покрывается опавшей листвой. Не оторвать взгляда от желтых, похожих на лапы огромной диковинной птицы пятипалых листьев, трепетно прильнувших к шелковой, ласковой траве. Ступаю медленно, листья еще живые, яркие, золотистые. Боюсь их поранить, смять. Но как же хочется собрать их в охапку, уткнуться лицом, вдохнуть живительный запах осени и унести все это богатство домой. Чтобы, просыпаясь утром и засыпая вечером, любоваться и не налюбоваться этой красотой. Но я знаю, что в комнате они быстро увянут. А здесь, в звонкой тишине, еще надолго сохранят красоту медленного осеннего угасания.

Холодные ночи еще впереди, и листья не спешат, падают плавно, как будто стесняются своей слабости, своего притя-

жения к земле. Яркий лист клена, оторванный ветром от материнской ветки, в вертикальном полете пересекает границу бытия-небытия. Даже завидно, с какой легкостью, с каким смирением он прощается с жизнью, как будто знает, что все это временно, что весной все оживет и повторится вновь. А мы как? Как мы осознаем последний час жизни? Как пролог к грядущей вечности или как трагедию безвозвратного конца? Каждый по-своему...

* * *

Солнце в августе особенно нежное, по-матерински ласковое, ночи по-отцовски скрытные, сдержанные, чувствуешь, что ночью происходят какие-то перемены, а не видишь, какие именно. В наших северных широтах последний месяц лета после первой его декады считается и первым месяцем осени. В воздухе появляется неуловимый запах увядания или, можно сказать, несравненный, волнующий, как дорогие духи, аромат последнего прощания. В августе каждой клеточкой, каждой жилкой чувствуешь свою кровную связь с миром, сокровенную сопричастность всему, что происходит, происходило давно и будет происходить через сотни лет. Как такое может быть? И почему так щемит сердце?

Август великолепен, величествен и беспрекословен, как древнеримский император. В августе все преображается, наполняется особым смыслом. Я боюсь что-то важное упу-

стить, посмотреть, прослушать. В августе удастся иногда увидеть себя со стороны. И понять, что доброта, душевная щедрость, светлые мысли делают тебя сильным, уверенным. Что только независтливое, любящее сердце может быть мудрым.

Август светел и тих, в его благодати сердце может услышать тихий стон другого человека, проникнуться чужой болью, принять ее в себя, как ласковая трава принимает в свои объятия падающие на нее листья.

* * *

...Плывет по Илимю на большой лодке крестьянская семья. Молодые, здоровые люди ищут пригодные для своей будущей жизни места. По обе стороны реки сомкнутым строем грозно стоят угрюмые леса, в них мирно соседствуют сосны, лиственницы, ели и березы. Здесь нет деревьев-гигантов, при одном взгляде на которые кружится голова; здешние деревья не красивее, не крупнее тех, что растут где-нибудь на Вологодчине. Но поражает пространство, занятое этой природной ратью. Это тайга без конца и без края. Заливаются птицы, жужжат насекомые. Хвоя, припекаемая солнцем, насыщает воздух густым запахом смолы. Поляны и опушки у берегов, покрытые голубыми, розовыми и желтыми цветами, кажутся усыпанными смальтовыми кусочками упавшей на землю и разбившейся радуги. Протяни к ним руку, и вмиг

они соединятся в единое ослепительное сияние.

Притягательность тайги в ее скрытых силах, в ее непостижимой, космической огромности, в том, что лишь перелетные птицы знают, где она кончается. Сделаешь остановку, взберешься на сопку, заросшую лесом, глянешь вперед на восток, по направлению реки, и видишь: внизу лес, дальше еще сопка, кудрявая от леса, за ней другая сопка, потом еще одна... И так без конца. Идешь дальше. Через сутки глянешь с другой сопки вперед – та же картина. Что же находится за этими лесами, которые тянутся по сторонам реки на север и юг? Где они кончаются? Это неизвестно было даже тунгусам, родившимся в тайге. На такие вопросы они отвечают привычно, коротко и убежденно: «Конца нет!»

Сколько тайн прячет в себе тайга! Вот меж деревьев петляет, как будто запутывает след, тропинка, исчезающая в лесных сумерках. Куда она ведет? В тайный ли винокуренный завод, о существовании которого не слышал еще местный исправник, или, может быть, к золотому прииску, разрабатываемому артелью беглецов-каторжников? Манящей надеждой, тревожной свободой веет от этой сказочной тропинки!

По рассказам людей бывалых в тайге живут медведи, волки, сохатые, соболи, дикие козы. Лодка плывет вдоль берегов, на которых непроглядные чащобы соседствуют с просветленными рощицами. Оглянешься назад, увидишь, что важно, по-хозяйски выходит и смотрит тебе вслед медведь

или пугливый лось. Стремглав пролетают над головой утки, шлепают себя по бокам крыльями взлетающие гуси. А в прозрачной воде, в пластах глубинных течений видны косяки непуганых рыб.

Восторг и страх вызывают первые шаги по незнакомой земле. В лес не углубиться, ни тропинок, ни дорог, только высокие завалы сухих веток, срезанных прошлогодними пронзительными непогодными ветрами, или нагромождения вывернутых с корнем деревьев. Они повсюду преграждают путь, кажется, никогда не пройти сквозь бастион, образовавшийся из поваленных стволов, вывороченных пней и острых обломанных сучков, торчащих во все стороны, как пики бесстрашного войска.

Жарко... С едва слышным шелестом пролетают таежные птички. Ветви и кусты составляют сложный единый орнамент, расшитый радужно сверкающими алмазными паутинками. Вдруг взлетит из-под ног, пугая резким шумом крыльев и теряя перья, линияющий косач или рябая тетерка. Кажется беззащитной горстка людей в этом огромном мире природы, живущем по своим сложным законам. Вверху синь с кучевыми облаками и животворные лучи солнца, ниже – оркестр таежных красок, цветастые бабочки, увлеченные своей непостижимой работой, умиротворяющий, убаюкивающий шелест листвы, неумолкающий стрекот кузнечиков в траве. Вечером – костер на гальке у реки, уха из только что пойманного тайменя и негромкая печальная русская песня,

неизбывной надеждой согревающая души... Так начинали жизнь в этом краю и мои далекие предки, с которыми меня и моих потомков связывают незримые нити общего опыта, непресекающейся любви, упрямой веры. Накрепко эти нервущиеся нити связали меня с коренной родней, прошлое с настоящим.

* * *

Вспоминая свое детство, когда я был такой же подросток, как сейчас мой внук Паша, невольно сравниваю два мира: бурлящий страстями сегодняшний и тот тихий, ушедший навсегда мир прошлого. Каким же ясным и понятным он был! Ему не надо было грозных призывов к защите природы, предостережений, что человек может уничтожить ее. Наши предки жили и берегли окружающий их мир без всяких напоминаний, по естеству своего миропонимания, они сохранили для нас этот бесценный дар.

Каким было мое детство? Оглядываюсь назад. Вижу маму – она всегда в работе, и на колхозной ферме, и дома. Я не помню, чтобы она отдыхала. Ее жизнь была непрерывным трудом, привычка к нему передавалась из поколения в поколение. Удивительно, но мне, мальчишке, казалось, что это состояние труда она любила. На мой взгляд, мама трудилась всегда легко, радостно, с улыбкой. Сейчас я понимаю, что она была вынуждена так трудиться, чтобы мы, ее дети, не

знали нужды.

Я помню ее усталые, измученные постоянной работой руки, ими она нежно гладила мою голову, помню ее добрые, источающие свет голубые глаза. Ласка и тепло, исходящее от матери, остались во мне на всю жизнь. Она любила меня, и я любил ее. Сейчас, когда я уже взрослый, и даже старше по возрасту, чем тогда мама, понимаю, что она была человеком мудрым, наделенным любовью ко всему миру. Она сердцем понимала природу, любила жизнь, какой бы стороной та к ней ни поворачивалась. Мама хранила свою душу в первоначальной чистоте, не пускала туда зависть и уныние.

Мама была сильной и выносливой, как все женщины в Сибири, но вместе с тем удивительно отзывчивой к красоте. Подетски могла любоваться заходом и восходом солнца, возторгалась, рассматривая узоры мха на камнях или затейливые листочки папоротника. Помнится, если я в тайге находил цветок саранки, мама не позволяла мне выкапывать его вкусную сладкую луковку, говорила, что такую красоту нельзя губить, ею можно только любоваться.

Тогда я не подозревал, что наш простой, накрепко связанный с землей мир – не единственный, что есть мир другой, возвышенный, духовный. Не знал, что есть мир больших знаний, искусства, музыки, литературы. Но я благодарен своей детской судьбе за то, что она наградила меня жизненной силой Сибири. И хотя жили мы тогда небогато, но были счастливы, веселы. Да и как иначе можно было жить в том пре-

красном природном мире, питающем нас животворными соками первозданного бытия.

Та далекая сибирская жизнь закалила меня, обкатала незаметно и ласково, как речка обкатывает гольши. Вот и остался я таким обкатанным «гольшом», пусть неправильной формы, но зато крепким и надежным.

Лет с десяти все ребята нашей деревни уже работали в колхозе. Это не называлось, как теперь, эксплуатацией детского труда. Нас приучали к работе, прививали трудовые навыки, передавали основы мастерства. А уж сенокос – мечта любого деревенского мальчишки! Сенокосные угодья были и рядом с деревней, и далеко от нее, километров за пятьдесят. В начале июля на лошадях мы отправлялись заготавливать сено. Дорога шла по тайге. Я и сейчас явственно слышу звуки тех минувших времен, голоса друзей, вижу лица родных, даже иногда вспоминаю давно забытые запахи.

Для меня тайга – моя жизнь, моя радость, моя надежда. Для меня она олицетворяет всю красоту Сибири: богатырское стояние гор, плодородное лоно равнин. Мне кажется символом неиссякаемости вековой кедр с розовыми смолистыми цветочками, прячущимися в глубине кроны. Поразительна неуловимая игра света и тени в таежном лесу. Полезно для души здесь побыть одному и последить, как спешит с хвоинкой на спине муравей, посмотреть, как под корой старого дерева прячется гусеница, почувствовать на себе внимание дятла, который делает вид, что высматривает на сухом

стволе пропитание, а на самом деле с любопытством поглядывает на меня.

Если бы у меня была возможность, я молился бы только в тайге и музыку слушал бы там же. И с мамой разговаривал. Лучше всего она меня слышит здесь, в тайге, где нашла свой вечный приют.

* * *

В детстве мне посчастливилось ходить на судне по Илимю. Это было большое плавание. Плыли мы только днем, а на ночь обязательно приставали к берегу. Те ночевки на берегу я хорошо помню. Лодка чалилась к корягам, каких много по берегам, или к большим валунам, сбрасывался большой железный якорь. Парни заготавливали дрова, разжигали огромный костер, дым которого в какой-то мере спасал нас от гнуса.

Бреднем ловили рыбу, она, непуганая, прямо шла в невод. Иногда мы видели всплески огромных рыб, от их предполагаемой доисторической величины становилось жутковато. Это был таймень. Девчата в большом котле варили уху на всех. Ужинали весело и шумно. Все чем-то были заняты, у каждого было свое задание, говорили и суетились, радовались берегу.

Значительно позже, читая книжки про первобытные племена, я вспоминал эти ужины у костра посреди дремучей

тайги и, сравнивая, находил много общего с древними временами.

С кружками в руках мы рассаживались вокруг котла, окруженные непроглядной глушью ночной тайги. В нашем стане распорядился капитан-лоцман, опытный специалист, много раз водивший большие лодки по реке, хорошо знавший фарватер и тайгу. Он же отвечал за жизнь людей и сохранность груза. Авторитет капитана, излучающего силу и уверенность, был непререкаем. Помню, что на его лице был большой шрам, на который мы смотрели с уважением. После ужина мужчины долго пили таежный чай, курили и рассказывали разные страшные истории. Постепенно разговоры затихали, люди умолкали, замороженные в глухой ночи мистическим слиянием тайги, костра, реки и наших жизней, казавшихся такими незначительными в огромном пространстве Сибири.

В этих походах были и неустранимые трудности. Нас изматывал таежный гнус. Плавание обычно начиналось в самое жаркое время лета, когда он особенно воинствен. На реке гнуса почти не было, а вот берега от него гудели. Гнус мог человека свести с ума. Страдало и зверье. Мы не раз слышали, как животное ревет, израненное этой мелкой тварью. Лося были хитрее, они выходили на берег и периодически окунали головы в воду, так спасаясь от гнуса. Людям, закутаным с ног до головы, приходилось спать с дымокурами, но все равно мошка доставала, мы были искусанные и опухшие.

Запомнились бури и грозы на реке. Конечно, это не морской шторм, но при утлости нашего суденышка все же было страшновато. Тревога взрослых передавалась и нам, детям. Во время ненастья мы приставали к берегу или укрывались в ближайшей заводи.

Днем при ясной погоде можно было полюбоваться сибирскими красотами. Река и берега казались неизменными в своей непреходящей, величественной красоте, которая, однако, каждый день открывалась по-разному. После такого путешествия в душе на всю жизнь оставался немеркнущий свет восторга от щедрости природы и гармонии бытия...

В памяти с того времени остался страх большой воды, ощущение гнетущего безмолвия расширяющегося пространства.

Мне тогда открывался мир, а открывается он человеку полнее всего в детстве. Я этот мир не забыл: до сих пор помню запахи пронизанных солнцем брусничных полей, смоляной дух поскрипывающих кедрочек. А главное, моя память хранит ощущение величия таежных просторов, речных течений, высоких небес. Величия жизни.

Давно я покинул эту свою малую родину, много на своем веку городов и весей повидал, но нет для меня уголка земли краше и роднее нашего, Илимского. Места благодатные, хороши и для охоты, и для рыбалки, сладки для ягодников и грибников. До сих пор помню свои дрожащие от волнения руки, которыми снимаю с крючка хариуса, длинного и уз-

кого, который внешне почти не отличается от своей родной сестры – форели.

Я люблю свой Илим и горжусь тем, что мои предки выбрали для жизни именно этот край! Люблю ненаглядные сопки, покрытые молочными цветами багульника, похожие на ответвления Млечного пути. Люблю воздух, напоенный дыханием разогретой полуденным солнцем хвои. А как не вспомнить нашу опрятную улицу, никогда не знавшую никакого транспорта. Поэтому пространство между домами и огородами всегда было покрыто идеально ровным травянистым ковром, расцвеченным покачивающимися на длинных стебельках ослепительно солнечными одуванчиками. Через этот двухцветный ковер от дома к дому скромно проходила тропка-дорожка. Это она выводила меня в жизнь.

Это она сейчас громко шуршит галькой под велосипедными колесами, возвращая меня из тумана воспоминаний в мир сегодняшней, в мой почтенный, требующий жизненных обобщений возраст. Опять вокруг красивые дома петерского пригорода, ровные дорогостоящие заборы, яблоневые сады, усыпанные, как ночное августовское небо звездами, – сияющими яблоками. После Преображения Господня или Яблочного Спаса они наливаются соком не день ото дня, а поминутно, посекундно. И в такую волшебную пору лучше всего понимаются божественные, вселенские смыслы древнего таинственного слова – преобразование. Каждую секунду изменяется мир, изменяется человек в своих физиологиче-

ских качествах и душевных проявлениях, но все, кажется, остается неизменным, незыблемым, вечным. Как солнце, как земля, на которой мы все живем одновременно. Но у каждого есть свой заветный край, свой уголок земли, где цветы душистее, солнце ярче, хлеб вкуснее. Где всегда жива мама.

Пробужденное пространство

Повесть

Глава 1. Первопроходцы

Предестинация

Все великие открытия кажутся случайными, неожидан-

ными. Но когда посмотришь на них с исторического отдаления, выявляется закономерность, их своевременность и целесообразность. А точнее – промыслительность. Так было и с Первой Камчатской экспедицией Витуса Беринга. Простой вопрос «Соединяется ли Азия с Америкой?», который в своих меркантильных интересах ставили и Парижская Академия наук, и голландская «Ост-Индская компания», оказался не праздным и имел важное геополитическое значение для России. Ведь ее существование было предопределено не только в пространстве огромных территорий, но в границах «океанического мировоззрения» и в направлениях великих рек или, как говорили в старину, «Божьих дорог». И потому, наверное, веруя в промыслительные, Божественные пути России, первый боевой корабль российский Император Петр Великий назвал «Предестинация»⁷.

Неизвестно, когда именно у него возникла мысль об организации Первой Камчатской экспедиции. Когда он стал задумываться о необходимости пробудить великое пространство России? Единственный сохранившийся официальный документ – это справка о выполнении Царского Указа с пометками Императора, где подробно перечисляются мероприятия по подготовке экспедиции.

23 декабря 1724 года Петр I дает указание Адмирал-

⁷ Предестинация – название со значением «Божье предвидение», – русский 58-пушечный парусный линейный корабль, спущенный на воду 27 апреля (8 мая) 1700 года.

тейств-коллегии снарядить на Камчатку экспедицию «под началом достойного офицера». Тогда же он составляет для экспедиции инструкцию, которая оказалась единственным подписанным Императором документом, в котором содержались указания о задачах этого предприятия. Вот дословный текст этой инструкции:

«... 1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами;

2. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки;

3. И для того искать, где она сошлась с Америкою, но и чтоб доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной кюст (берег) называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюда...»

Из этой инструкции видно, Петр догадывался, что материки соединяются недалеко от Камчатки. Он считал, что земля, идущая от нее на север, и есть часть Америки. Императора России, рвущейся к морям, интересовало не только место встречи Азии и Америки, он ставил задачи шире. Русские корабли должны были следовать вдоль берегов Азии до ближайших европейских владений в Америке или до встречи с каким-либо европейским кораблем, который мог бы дать информацию о достигнутых экспедицией землях и странах. Та-

ким образом, перед экспедицией ставился не только частный географический вопрос о соединении или несоединении материков. Она должна была разрешить проблемы, имеющие государственное значение: разведать путь в ту часть Америки, где она примыкает к Азии, и выяснить, кто является ближайшим соседом России на этом материке.

Возглавил экспедицию Витус Беринг, ему в помощники были назначены морские офицеры Алексей Чириков, Мартын Шпанберг, а также геодезисты, штурманы, корабельных дел мастера. Всего в путешествие к дальним землям из Санкт-Петербурга отправилось более тридцати человек. План экспедиции: через Сибирь сухопутьем и по рекам добраться до Охотска, отсюда морем на Камчатку и далее на судах в поисках пролива.

В России Витуса Беринга называли Иваном Ивановичем. Он был выходцем из Дании и зарекомендовал себя как толковый, образованный офицер. Его приняли на службу в Балтийский флот в 1703 году. Царь Петр хорошо знал Беринга и неоднократно доверял ему сложные и ответственные поручения, например, сопровождать купленные корабли. Лучшие российские адмиралы поддерживали его кандидатуру. Это был умный, исполнительный и мужественный офицер, мягкий и благожелательный к подчиненным. Некоторые современники ставили Берингу в вину эту мягкость. Его упрекали в том, что он избегает риска и ответственности и, не проявляя достаточной решительности в трудные моменты,

не справляется с задачами, которые были на него возложены. Обвиняли и в том, что он, командир, не сделал всего, что можно было сделать. Вряд ли эта точка зрения справедлива. Если Беринг и не сделал всего, что можно было сделать для успеха Первой и Второй экспедиций, то только благодаря его настойчивости подготовка к плаванию была доведена до конца и не вызвала нареканий.

Соратники Беринга были людьми талантливыми, но по темпераментам личностями несовместимыми. Первый его помощник Мартын Шпанберг, по свидетельствам современников, был человеком импульсивным, вспыльчивым, но грамотным, деятельным моряком-практиком. Алексей Ильич Чириков, второй помощник капитана, наоборот, характеризовался как специалист сдержанный и вдумчивый. Его выдающиеся способности проявились уже во время обучения в Морском корпусе и Морской академии.

В Москву Алеша Чириков приехал двенадцатилетним мальчиком в январе 1715 года, вместе со своим двоюродным братом Иваном. В канцелярию Адмиралтейства они подали челобитную, в которой пожелали зачислить их в школу «математико и навигац-ких» наук. Челобитную эту они подали без всякой надежды на успех, так как были бедными дворянами. Но после проверки знаний оказались зачисленными и приступили к занятиям. А всего через год их, как самых способных учеников, перевели в Морскую академию, что была открыта в городе на Неве.

Алексей с головой ушел в морскую науку: изучал астрономию и навигацию, сферическую тригонометрию и геодезию, «кораблевождение» и картографию. А весной 1721 года состоялся первый выпуск учеников Морской академии. На «досмотрении приращенных знаний» присутствовал сам Петр Великий. Алексей Чириков, уже восемнадцатилетний юноша, показал столь блестящие знания, что его произвели сразу в унтер-лейтенанты. С тех пор в адмиралтейских кругах Чирикова стали называть «ученым моряком».

В Адмиралтействе при утверждении кандидатуры Чирикова записали: «По обучению гардемарин и морских офицеров искуснее всех явился». Покидая Петербург в январе 1725 года, вряд ли думал Чириков, что с этого момента определится вся его дальнейшая судьба... Беринг поручил ему не только снарядить экспедицию, но и переправить обоз к восточным окраинам страны. Три года и полтора месяца затрала экспедиция на переезд из Санкт-Петербурга в Нижнекамчатск. Люди, входившие в состав экспедиции, покидали столицу отдельными группами между 24 января и 5 февраля 1725 года. Всего отправились свыше 60 человек – матросы, солдаты, штурманы, гардемарины. Их сопровождал огромный обоз – паруса, снасти, якоря, цепи, гвозди для постройки судов, продовольствие. Тракт, по которому можно было ехать на лошадях, доходил только до Тобольска. Дальше, до самого Охотского моря, не существовало ни троп, ни дорог.

6 марта 1725 года экспедиция прибыла в Тобольск и толь-

ко 3 июля 1727 года – в Охотск. Сюда экспедиция добиралась, разделившись на три отряда. Тяжелее всего пришлось отряду, который, захватив самые тяжелые и громоздкие грузы, должен был на лодках попытаться пройти по рекам как можно ближе к Охотскому морю. На лодках переход не удался, и груз был перегружен на нарты с собачьими упряжками. Был труднейший зимний переход, в самые морозы, через горы, леса и снежные пустыни. Продовольствия не хватало. Начался голод. «Идучи путем, – писал впоследствии Беринг в своем донесении, – оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные».

В Охотске экспедиция запаслась провиантом, судами и 22 августа вышла в путь, а уже через 2 недели прибыла в Большерецк (на Камчатке). Отсюда отправилась в Нижнекамчатск, где оказалась 11 марта 1728 года. Алексей Чириков в пути провел кропотливую научную работу: описал реки и условия судоходства, собрал сведения о городах Сибири, определил их географическое положение, наблюдал затмение луны в Илимске и другие природные явления. Во время этого пути через великие пространства России лейтенант Чириков определил 28 астрономических пунктов, что позволило впервые выяснить истинную широтную протяженность Сибири и, следовательно, всей северной части Евразии.

Участники экспедиции, построив судно «Св. Гавриил», в июле 1728 года вышли с Камчатки в море и взяли курс на

северо-восток. Поначалу все шло хорошо. Но чем дальше на север, тем хуже становились условия плавания. Беринг собрал консилиум. Ссылаясь на инструкцию Государя и устные свидетельства местных жителей, он заявил, что «Чукотский Нос» отделяется от Америки морем, и следовательно, надо возвращаться назад. Капитана поддержал Шпанберг. Чириков не согласился с ними, считая, что плавание необходимо продолжить вдоль берега до устья реки Колымы или хотя бы до появления первых льдов. Через два дня Беринг отдал приказ повернуть на Камчатку. И вновь, проплывая узким проливом, они не увидели материк – Америку...

Путь не близкий

Енисейск встретил участников экспедиции теплым июльским днем. При полном безветрии над Енисеем полыхало солнце. Из многочисленных печных труб параллельными столбиками поднимались дымы и долго не рассеивались в безоблачном небе. С реки тянуло прохладой. Однако прохлада не спасала от гнуса, который сбивался в тучи, устрашающе перекатывающиеся огромными серыми шарами вдоль улиц и берега, и растворялся в лесном массиве, что находилось сразу за поскотиной. Но тут же скатывался новый шар, за ним еще один, и другой, и третий...

До позднего вечера устраивались на ночлег. У груза, который прибыл сюда из Санкт-Петербурга, расставили охра-

ну. И только после этого Алексей Чириков уснул как убитый. Проснулся рано, в сених напился воды, накинув китель, вышел во двор. На лавке, возле летней кухни, сидел мичман Петр Чаплин.

– Здравствуй, мичман. Я думал, что один такой ранний.

– Не могу уснуть, Алексей Ильич.

– Да ты вроде еще молод, друг мой. Пожалуй, мы одногодки с тобой.

– Бессонница и молодых мучает.

– Пойдем, Петр, посмотрим, куда это нас принесло.

Моряки вышли на улицу, проложенную вдоль течения широкой реки, как это принято во всех прибрежных городах. Слабый ветерок приятно обдувал их обветренные, потемневшие в тяжком походе лица.

– Вон, посмотри, Алексей Ильич.

– Что посмотреть?

– Острог⁸ уж виден.

– Где?

– Да вот же.

Действительно, прямо перед ними была деревянная стена, срубленная из огромных листовенных бревен. Алексей подошел к ней, погладил шершавой ладонью измытые дождями посеревшие бревна.

⁸ Острог – фортификационное сооружение (опорный пункт), постоянный или временный населенный укрепленный пункт, обнесенный частоколом из заостренных сверху бревен (кольев) высотой 4–6 метров (XIII–XVII века).

– А ведь это укрепление стоит здесь уже сотню лет. И еще простоит столько же, и будет встречать еще тысячи путешественников.

– Да вы поэт, Алексей Ильич, – усмехнулся Чаплин.

– Какой же я поэт? Поэты стихи сочиняют, а я по науке мыслю.

Они подошли к Енисею. Могучая река несла свои воды спокойно и величаво. Противоположный берег был значительно выше. Его вертикальные грани, словно утесы, возвышались над зеркалом воды, на них и за ними расстилалась без конца и края темная, как беспросветная, нескончаемая ночь, тайга.

– Мощная река! – восхищенно сказал Чаплин.

– Да, велик Енисей-батюшка, – в тон мичману добавил Чириков. – Много я слышал о нем, а вижу впервые.

Они еще постояли какое-то время молча, восхищенные величием этого зыбкого пути. Потом Алексей вдохновенно показал рукой на водную гладь.

– Отсюда начинаются все походы. На восток – к берегам Тихого океана, на север – к Ледовитому.

– На юг тоже, Алексей Ильич.

– Но русских, Петр, как магнитом, притягивает Тихий океан. Мы стоим в начале главной дороги на восток. Закрываю глаза и вижу: отсюда вверх по Енисею до Ангары, по ней – до устья Илима, дальше до Илимска и, наконец, волоком до Лены.

– Путь не близкий.

– Только бы времени не терять. К зиме нужно добраться до Якутска.

– Если бы от нас это зависело.

– От нас, Петр, тоже многое зависит.

Все разговоры с капитаном Берингом о немедленном продолжении похода неизменно наталкивались на непроницаемую стену его молчания. Мартын Шпанберг, другой помощник капитана, пытался вразумить Чирикова.

– Что ты заладил одно и то же? Пошли да пошли. Успеем еще хлебнуть лиха. Ты посмотри, как нас здесь встречают. Каждый день столы ломаются, где ты еще такое увидишь?

– Мартын, наше дело – не за столом сидеть. Царь Петр Алексеич нас не на посиделки в Енисейск отправил.

– Ты, я гляжу, больно умен. Хочешь выслужиться перед начальством?

– Похоже, это ты хочешь выслужиться, Мартын. Одного тебя только и слышно в Енисейске. Зачем ты на мастеровых орешь как оглашенный? Обижаешь ты людей, лейтенант.

– На них если не орать, никакого дела не будет сделано, – ворчал Шпанберг и исподтишка бросал на Алексея тяжелые, недоброжелательные взгляды.

Наконец, в начале августа капитан Беринг отдал приказ о продолжении похода. Погрузкой на баркасы и дощаники руководил лейтенант Шпанберг. Он не ходил, а, казалось, летал по берегу, зачем-то щелкая при этом нагайкой и грозно

покрикивая на грузчиков. Да успевал еще поглядеть на толпу молоденьких девиц, собравшихся на берегу. Они не отрывали глаз от лихого моряка, что придавало ему сил для стремительных действий и зловещих окриков.

Жители Енисейска – старые и малые, тоже находились рядом с баркасами. Такие события, как подготовка ответственной экспедиции, были редкостью для таежного городка, поэтому все население наблюдало за происходящим с неподдельным интересом, чувствуя и государственную значимость, и историчность момента.

Накануне вечером служили молебен во здравие путешественников и молились о том, чтобы Господь сохранил всех во время похода. В небольшой церкви было душно. Всем места не хватило, много народу стояло во дворе. Голос священника был слышен из открытой боковой двери, ведущей на клирос.

Алексей Чириков стоял в первом ряду молящихся, оглядывая скромные стены бревенчатого храма и строгие иконы, не имевшие ни позолоты, ни дорогих окладов. Простые деревянные лавки вдоль стен, арки, украшенные изображениями цветов и райских птиц, окутывала успокаивающая сине-голубая дымка, состоящая из курений ладана и лучей заходящего солнца, проникающих сквозь ослепительно чистые подкупольные окна. Алексею вспомнился родной дом, окруженный старым парком, конюшня, помещения для прислуги. Он прикрыл глаза, и вспомнилась голубая гостиная, ка-

бинет дедушки, комнаты бабушки и мамы. А из окна детской была видна центральная аллея парка, что шла от дороги к дому. Он увидел себя мальчишкой, бегущим впереди деревенских ровесников по тропинке, спускающейся к речке. Ребята мчались без оглядки, на бегу возбужденно срубали палками высокие стебли трав, обрызгивающие их соком. Родное высокое небо, без единого облачка, казалось, обнимало их всех сразу, предостерегая от шалостей, овевая каждого деревенским умиротворением, наполняя сердца радостью.

Алексей под размеренный слог молитвы вернулся в реальность, далекую от воспоминаний детства. «Господи Иисусе Христе Боже наш, истинный и живой Путь, состранствовать мнимому Твоему отцу Иосифу и Пречистой Ти Деве Матери во Египет изволивый, Луце и Клеопе во Еммаус спутьшествовавый; и ныне смиренно молим Тя, Владыко Пресвятый, и рабом Твоим сим Твоею благодатию спутьшествуй»... Молодой моряк перекрестился на икону Николая Чудотворца. Священник окончил благословление путешественников и начал их помазывать освященным елеем и окроплять святой водой.

Когда священник подошел к Алексею, он низко склонил перед батюшкой голову, и его светлые волосы, рассыпавшись непокорной волной, прикрыли высокий лоб и голубые глаза. Неожиданно для себя офицер встал на колени. Священник улыбнулся, прижал его голову к себе и поцеловал в макушку.

Лодки нетерпеливо покачивались на воде у пристани,

представлявшей деревянный настил, собранный из лиственных плах. Казалось, они, как рьяные кони, настойчиво подставляя бока путешественникам, подгоняли их, подсказывали, что надо скорее покинуть эту гостеприимную землю. Наконец из воеводского дома вышли Иван Иванович Беринг, енисейский воевода, рядом шел епископ. Гул голосов смолк. Беринг ступил под деревянную надстройку первого баркаса и проследовал на корму. Епископ с дьяконом освятили все стоящие лодки. Натянулись веревки, и речные суда, построенные здесь же, в Сибири, стали по очереди отчаливать от пристани.

Караван растянулся на версту. Лошади, тянувшие за бечеву речные суденышки, с непривычки резко дергали, мотали мордами, задевали друг друга крупами, недовольно всхрапывали и лягались.

Алексей ехал верхом позади погонщиков. Иногда он спешился и, взбегая по тропинке на пологий берег, со щемящей радостью и романтической надеждой вглядывался в манящую даль. Любовался полями, где колосились рожь и пшеница, а вдоль перелесков стояли стога сена. Эти картины напоминали ему родные тульские пейзажи.

«Твоею благодатию спутьшествуй»...

Караван пробирался вверх по течению медленно. Много хлопот доставлял гнус, оводы и комары, зловещими темны-

ми клубами носящиеся в воздухе. Приходилось поминутно останавливаться и промазывать лошадей дегтем, иначе животные становились неуправляемыми. Они забредали в воду и стояли в ней, не находя других путей борьбы с насекомыми, сосущими кровь из их измученных жарой тел. Люди тоже мазались дегтем, надевали потолще одежду, чтобы уберечься от смертоносного гнуса. Духота становилась гуще, глаза заливало потом. Спасала ночь, но ненадолго. При первых же лучах солнца вновь начинался страшный пир таежных мучителей.

Наконец повернули на Ангару. Еще издали Алексей увидел две огромных лавины, они медленно и симфонично соединялись в единый поток. Но теплая ангарская вода, вообравшая в себя щедрую синь небес, долго не перемешивалась с темной студенной водой Енесея, несущего дыхание севера. Две водных массы какое-то время шли рядом, соревнуясь в мощи, символизируя женское и мужское начало. И трудно было определить, кто шире, кто главнее.

Долгий караван сделал остановку в деревне Стрелка. Путешественники радовались открывающейся впереди водной шири, выделявшейся на фоне сплошной тайги своей небесной легкостью и прозрачностью. Душному летнему времени приходил конец. Вдоль реки резвился ветерок. Хмурилось небо. Иногда сеял мелкий дождик. Гнус затихал, прятался в зелени кустов и на листьях деревьев. Наконец-то можно было сбросить накидки, вдохнуть целебный воздух, настоян-

ный на редких таежных травах, хоть на время смыть с лица деготь, запах которого изнурил и людей, и животных.

День проходил быстро. Сумерки следовали за ним неотступно. Солнце только что стояло над сопкой и вот уже наполовину ушло за нее, а на прежнем его месте, словно нимб, ровнейшей дугой сиял огненно-красный световой обод, расцветивший по-новому все окрестные пейзажи. В прозрачной неподвижной воде реки четко отражались вершины деревьев, и трудно было определить, где берег явный, а где его отражение. Сладко щемило сердце, разрывающееся между реальностью и иллюзией. Темнота наступала, казалось, мгновенно и неотвратимо. И только плеск воды о берег подтверждал близкое расположение реки.

Здесь-то караван и остановился, лодки пристали к берегу, путешественники сняли сбрую с лошадей. Развели костры, благо на берегу было достаточно сушняка. Пламя поднималось высоко, щедро и широко распространяя искры и тепло. В походных котлах варилась уха – рыбу запасли еще днем. Основательно подкрепившись, люди расслаблялись и, прихлебывая чаек, начинали негромкие задушевные беседы. Кто-то, положив под голову мешок со своим «добром», уснул ли, задумался ли о чем-то... В непроницаемой ночной тьме яркие огоньки костров, казалось, соперничают с пылкостью небесных звезд. Но и огонь не вечен. Иссякают костры, покрываются пенным малиновым нагаром крупные бревешки, которые будут тлеть еще долго, до самого утра. На реке

слышны всплески больших рыбин, подает голос выпь. Где-то рядом, шлепко подгребая крыльями под себя воздух, на воду опустилась стая уток. Мужики встрепонулись, немного пошумели, обсудили меж собой это волнующее событие и успокоились. Приплыла ночная хозяйка небес – Луна, искупалась нагишом в зеркально чистой реке, как в полотенце, обернулась в ночное небо, расшитое лучистыми звездами. Над водой, над лесом, над стоянкой растеклась слоистая молочная дымка предутреннего тумана, смешавшегося с дымом тлеющих углей костров.

Для тех, кто устал и спит крепко, ночь проходит быстро. И вот уже горизонт отделился от неба розовой полоской просветленного воздуха. Проснулись рыбы, чаще стали подплывать к поверхности, чтобы нахвататься воздуха. Выпрыгнет иная, вдохнет, блеснет серебряным ковшом и вновь устремится ко дну. Проснулись птицы. Кукушка, без усталости приветствуя первые лучи солнца, кажется, всему миру пророчит жизнь вечную. Свет утренних небес разлился по верхушкам деревьев, заскользил по их розовеющим стволам. Солнечный шар медленно и трудно поднимается над землей, словно привязан к ней всеми своими золотыми лучами. В это время и караван отправляется в путь.

Начиная с Кежмы, что вольготно растянулась по берегу Ангары, пошли земли Илимского воеводства. Алексей Чириков основательно готовился к этой экспедиции, поэтому еще в Санкт-Петербурге много чего узнал о сибирском крае.

Сейчас, идя тяжким путем вдоль непредсказуемых сибирских рек, он закреплял свои академические знания трудным жизненным опытом. Моряк был удивлен и обрадован тем историческим обстоятельством, что всего лишь за полвека русский народ присоединил к России огромную часть новых земель, так необходимых укрепляющемуся в предначертанных ему Богом границах государству. Сибирь и Дальний Восток: легко сказать, трудно представить. Русские землепроходцы закрепили за собой бассейны всех крупных рек Восточной Сибири. Максим Перфильев прошел Ангару, заложив Братский острог, Василий Бугар добрался до Лены, Петр Бекетов продолжил его путь и основал Якутск. Иван Галкин с небольшим отрядом, состоящим из местных поселенцев, стрельцов и казаков, вышел в поход из Енисейска, дошел до Илима, поднялся по нему до реки Игирмы, нашел на правом высоком берегу ровную площадку и срубил зимовье. Оно и послужило основой будущего знаменитого Илимского острога. Илимску же судьба отвела на многие десятилетия быть центром в освоении Сибири.

Кеуль, Невон и Симахинский порог

Алексей чувствовал себя крошечной песчинкой на огромной территории. Лодки упорно и успешно продвигались против течения. Навстречу, как распростертые объятия матушки-природы, простирались берега, поросшие настоящим си-

бирским лесом: сосной, лиственницей и кедром, местами сквозь их густую массу просвечивали подпаленные осенним багрянцем березы и осины. Берега тянулись пологие, но вдруг как необузданные скакуны вздыбливались, становились крутыми, на отвесных уступах видны были выходы сланцев и глины. Поселения встречались часто, и Чириков, как человек наблюдательный, понимал, что русские люди в Сибири чувствовали себя много вольнее, чем в местах, где родились и выросли. Встречая местных жителей, тунгусов и бурят, он с приятным удивлением наблюдал, что коренные народы вполне дружно живут в соседстве с русскими. Для них русские были не только залогом мирной жизни, защитой от набегов монголов и китайцев, у них они перенимали европейскую культуру, религиозный уклад жизни, бытовые навыки. Русские юноши брали в жены девушек из тунгусских и бурятских семей, а русские девушки охотно выходили замуж за представителей сибирских коренных народов. В местах, где экспедиция останавливалась на отдых, тунгусы добродушно приветствовали путешественников, пополняли запасы каравана мясом, рыбой, а взамен получали порох и рыболовные снасти. Многие хорошо говорили по-русски, были православными. Немало русских святителей совершали в этих краях подвиги миссионерства.

У деревни Кеуль енисейских бурлаков-погонщиков заменили работники из Илимского воеводства. Все они оказались мужиками лет по сорок, молодой был один, из Кеу-

ля. Звали его Михаил Беловодов. Веселый, расторопный, он сразу вызвал симпатию у Алексея Чирикова.

Пареньку не было и двадцати, но можно было с уверенностью предположить, что к тридцати годам он превратится в богатыря. Достаточно взглянуть на его плечи в сажень, огромные руки-лапищи, которыми он охватывал шею лошади, словно хомутом. Для деревенского парня из такой глуши удивительным было его лицо. Достаточно одного взгляда, чтоб понять – Мишка был красавцем. Темно-синие глаза ласково и вдумчиво смотрели на мир из-под густых черных бровей, советливый румянец щек свидетельствовал о благонаравии. Густые русые волосы, перехваченные простой цветной тряпицей, дополняли этот запоминающийся своей простотой и душевностью портрет. Алексей был постарше Мишки года на два, но фигура у него была хрупкая, кисти рук – узкими, аристократичными, еле заметная улыбка озаряла миловидное лицо. И казался он младше Михаила.

Молодые люди быстро нашли общий язык, и довольно часто их кони, несшие подружившихся всадников, следовали рядом. Михаил рассказывал о тайге, о сенокосе, о людях, живущих на Ангаре. Алексей был не понаслышке знаком с сельской жизнью, сам он до двенадцати лет жил в деревне, дружил с местными ребятами и хорошо знал особенности крестьянского труда.

Не все, однако, одобряли эту странную дружбу. Особенно раздражался Мартын Шпанберг. Сновавший по берегу слов-

но угорелый, он однажды так стеганул нагайкой Мишкину лошадь, что та от испуга и боли присела на задние ноги, чуть не скинув седока.

– Зачем вы лошадь пугаете, ваше благородие? – хмуро спросил Мишка.

– Делом надо заниматься, а не языком трепать! – заорал Шпанберг.

Мишка побледнел, но сдержался, не стал отвечать на обиду. К счастью, подоспел Чириков. Он тоже не захотел публичного скандала, отвел Шпанберга в сторону и тихо, но очень вразумительно сказал датчанину:

– Мартын Петрович, ты опять хватил лишку? Если и дальше так будет продолжаться, мне придется доложить капитану о твоём недостойном поведении. Прошу тебя, не трогай Михаила.

Шпанберг отъехал, что-то злобно бурча под нос и нещадно лупя теперь уже свою лошаденку.

– Спасибо, Алексей Ильич, а то ведь я мог и не сдержаться, – глядя вслед Шпанбергу, сказал Михаил.

– Сдерживаться надо, Миша. Что поделаешь, в дороге всякое бывает, нервы у всех на пределе.

– Простите меня, не привык я к такому обращению.

В деревню Невон приплыли вечером. Солнце клонилось к горизонту, его длинные лучи скользили вдоль зеркальной, отражавшей их обратно в небо глади Ангары. На берегах громоздились выброшенные весенним паводком дере-

вья, многие уже иструхлявились от вод речных и небесных.

Вдоль всего берега, слева и справа от дереvушки, разливалась за горизонт вековая тайга. Лес нависал над самым обрывом. А Невонка бурлила. Огромные валуны загромождали ее устье. Вода с шумом пробивалась через них. Брызги серебряным дождем парили над речкой. Упорно, борясь с камнями и разбиваясь о них в пену, минуя все преграды, эта река рвалась к Ангаре, как будто желала одного – соединиться с ней, отделенной отвесным утесом.

Правый берег Невонки как защитной стеной был укреплен высокими, плотно примкнувшими друг к другу елями. По левой стороне речки росли изнеженные, просвечиваемые солнцем сосны. Пока готовили ужин, Алексей и Михаил, воспользовавшись еще не иссякнущим закатным светом, добрались до соснового бора. На опушке деревья были молодыми, да и вся делянка не заросла густым подлеском, местами лес был настолько чистым, что Алексей с удивлением отметил:

– Как в парке...

– Это как? Почему в парке? – заинтересовался Михаил.

– Ну, как в саду.

Михаил пожал плечами и развел руками, словно бы говоря, что не понимает сказанного.

– Миша, а ты в школе учился?

– В моем детстве школ у нас не было, Алексей Ильич. Сейчас только учитель появился, арифметике учит, азы и буки

пишет. Но это для малышей, а мне, поди, работать надо.

Они шли бодро, под их ногами шуршала старая хвоя, аппетитно похрустывали не выхолощенные шишки.

– Вы посмотрите, Алексей Ильич, какое место сухое! Здесь никогда не бывает грязи. Нет в тайге места лучше соснового бора, он всегда чище, чем другие леса.

– Мне тоже здесь нравится, Миша.

– У вас на родине такие же леса?

– Такие тоже есть, но чаще встречаются дубовые рощи, липы, ясень. Я их здесь не видел.

– Наверное, климат для них не подходящий.

– Может быть и так.

Алексей и Михаил долго прогуливались вдоль устья Невонки. О чем вели неспешный разговор два молодых человека, вступившие каждый на свою жизненную дорогу? Куда приведут их эти разные дороги, они не знали. Но оба чувствовали свое предназначение и несли в сердцах смутное о нем предчувствие. Алексей Чириков, талантливый морской офицер, один из тех, кто составил славу и гордость русского флота, широко образованный и блестяще воспитанный, – казался безграмотному Мишке Беловодову недостижимым, человеком из неведомого, даже нереального мира. Мишка же виделся Алексею Чирикову воплощением всего русского, настоящего, первозданного, по-деревенски искреннего и правдивого. Видимо, не зря их столкнула судьба...

Они заторопились к привалу. Темнота как огромный мед-

ведь подкрадывалась незаметно и неожиданно наваливалась на тайгу. В лесу она, правда, обманчиво долго не ощущалась. Но вдруг подул ветер, откуда-то примчались клочковатые непроницаемые туч и закрыли луну и не вызревшие звезды.

– Алексей Ильич, надо быстрее ужинать. Чего доброго, дождь пойдет.

Некоторые члены обоза энергично хлопотали у костра, другие в сторонке кормили лошадей, а самые доверенные и ответственные большими деревянными лопатами помешивали в котлах разваривавшуюся рыбу – щук, чебаков, хищного жереха. Мужики из местных, сибиряки, знавшие толк в настоящей ухе, принесли из тайги только им ведомые травы и корешки, придавшие ухе насыщенный, волнующе-незнакомый аромат.

– Похоже, ночь дождливая будет, – глядя в небо и крутя самокрутку, сказал Мишкин сосед.

И правду сказал: в мгновение ока с неба, как из дырявого ведра, хлынули толстые струи воды. Путешественники попрятались под лодками-дощаниками. Засверкали молнии, исполосовавшие небо, треснул по макушкам деревьев оглушительный гром. Метались в поисках укрытия люди, ржали лошади. Дождь стучал по крышам лодок, словно это и не дождь, а сотни мастеров-плотников дружно забивали гвозди. Молнии по светоотдаче, казалось, хотели сравняться с Солнцем, так ярко и навязчиво они сверкали, сливаясь в зигзаги,

вонзались в самую сердцевину неба.

– Чего это разбушевалось? – глядя на неумолимую стихию, сказал Михаил. – Никак, это ты, дядя, накаркал...

– А в эту пору всегда бушует, – равнодушно пыхтя самокруткой, ответил сосед.

Всю ночь над Ангарой буйствовала гроза. Вслед за молнией на мятущуюся реку падали оглушительные, сотрясающие все вокруг раскаты грома. Лес, еще недавно горделивый и молчаливый, теперь не то чтобы шумел, но стонал, изгибаясь в плазменных сполохах. Деревья склонялись под яростными натисками ветра, и некоторые вековые великаны не выдерживали, падали с оглушительным треском, ломая под собой слабенький подлесок. Ветер, словно радуясь этим своим победам, намечал новые жертвы и снова наваливался на них, и снова лесные великаны не выдерживали его бесовского натиска. Гром, треск падающих стволов, вой ветра изматывал и людей, вселял страх. Чудилось, что весь мир наполняется апокалиптической лавой. Казалось, еще немного, еще одно мгновение, и шквал ветра, усиленный напором дождя, сдует лодки в бурлящее пекло воды и унесет на край света, откуда нет пути назад.

Но всему настает конец. К утру стихло. С горы на песчаную косу, где были причалены лодки, стекали широкие ручьи лишней воды. Невонка, преодолев все преграды, страстным стремлением падала в объятия Ангары. С восходом солнца небо прояснилось, тайга ожила. Первые утренние лу-

чи, как в награду за ночные потери, одарили лес мириадами драгоценно сияющих алмазных капелек. Кони, как ни в чем не бывало, разгуливали по зеленой поляне у кромки леса. Глядя на их важную, размеренную поступь, доброжелательное помахивание хвостами, которыми они отгоняли оводов, трудно было представить, что совсем недавно в ночной тьме, прорезаемой лезвиями молний, они, порвав коновязи, с оскаленными мордами, пытаясь спрятаться от непогоды, убегали под полог тайги.

Мужики разводили костры и развешивали одежду на просушку, ополаскивали лица холодной ангарской водой, перекусывали наскоро, чем Бог послал, однако, и студеной сибирская водичка не освежала, не помогала от бессонной ночи, многим зевота перекашивала рты. Но застучали топоры, запели пилы – на баркасы заново крепили груз.

– Вот, Господи, ливень так ливень! Давненько такого не видел, – начал разговор пожилой погонщик.

– Да уж, сейчас речки вздуются, берегов не увидишь, – согласно добавил второй.

На востоке лилово замерцал небосвод, из-за леса выкатилось солнце. Оно, медленно поднимаясь над таежными сопками, прямо на глазах увеличивалось в размерах и быстро высушивало утреннюю росу. По песчаной косе у самой воды сновали кулики, хватая клювами выброшенную на берег мелкую рыбешку. Ровную как стекло поверхность воды вдруг с шумом разбивала, почуяв утреннюю зарю, разрез-

вившаяся крупная рыба. Казалось, день наступил мгновенно.

Догорали костры, вещи собраны. В дорогу. Миша Беловодов подошел к Алексею.

– Алексей Ильич! Надо бы груз еще раз проверить, не пришлось бы заново крепить.

– Это почему же, Михаил? Я сам проверял, все было в порядке.

– Поплывем по порогам, Алексей Ильич. Они, правда, не очень крутые, но длинные.

– Мартын, – обратился Алексей к Шпанбергу, – необходимо проверить в лодках и баркасах всю поклажу. Может, придется перевязать...

– С чего это вдруг?

– Пороги впереди.

– Ну и что? Может, прикажешь мне и господина капитана перевязать? – В злой улыбке на свою же никчемную шутку он оскалил длинные желтые зубы.

– Иван Иванович пороги по берегу объедет на лошадях.

– Ладно, лейтенант, будь по-твоему, раз настаиваешь. Сейчас посмотрим поклажу, – и тут же истерично закричал: – Чаплин! Где ты шляешься, черт тебя побери!

– Да здесь я! – крикнул в ответ Чаплин, буквально сваливаясь с крутого речного откоса.

– Чего ты там делаешь?

– Лодки конопатим, сильно их ночью потрепало.

– Проверь со своими молодцами поклажу на лодках, на предмет крепления. Говорят, пороги впереди.

– Есть проверить, господин лейтенант!

Когда Чаплин отправился проверять поклажу, Шпанберг, доверительно понизив голос, спросил Алексея:

– Послушайте, Алексей Ильич, давненько хочу вас спросить...

– О чем?

– Какая-то дружба у вас с этим парнем странная. Сколько его не гоню к передним лодкам, все он рядом с вами оказывается.

Алексей рассмеялся.

– Или я рядом с ним. А почему он вам не нравится, Мартын Петрович? Парень как парень, сообразительный, многое знает о местных привычках и традициях.

– Может быть, может быть, – разочарованно протянул Шпанберг. – Только морда у него больно разбойничья.

– Да бросьте вы. Обычный русский мужик, совсем еще молодой.

– Намекаете на то, что я не русский? И уже не так молод?

– Перестаньте, Мартын Петрович, цепляться к словам.

– Ладно, ладно, лейтенант. Я не цепляюсь. Просто привык говорить то, что думаю. А морда у вашего Беловодова все-таки и вправду разбойничья... – подытожил Шпанберг и, постукивая рукояткой нагайки о сапог, вразвалочку пошел вдоль берега.

Ангара в месте впадения в нее Илима расширяется до полутора верст, казалось, эта другая таежная река напором своего течения размывает правый берег несравненной Ангары.

Весь день экспедиция переправлялась к устью Илима. Опасная глубина и быстрое течение забирали силы у людей. Наконец, караван лодок выстроился вдоль Илима и остановился. Впереди был слышен шум.

– Что это там шумит, Михаил? – спросил Чириков.

– Симахинский порог, Алексей Ильич.

– А разве на Илеме тоже есть пороги?

– Илим в основном тихий, течение медленное, но есть один порог перед устьем – всем порогам порог.

– Чем же он знаменит?

– Да особо ничем, однако многие смельчаки головы здесь положили. Мало кто знает здешнее русло, только опытные лоцманы.

– Надо же. На такой спокойной речке – и такие препятствия.

– Илим – это не речка. Это река. Не случайно первые поселенцы на Илеме основали здесь столько деревень.

– Расскажи о пороге подробнее.

– Мы с отцом проходили Симахинский порог два раза. Спускались. Потому что вверх его не взять. Перепад воды в верхней и нижней точках огромный, скорость ее падения настолько велика, что вода летит как пуля, увеличивая многократно свою массу. При этом берега отступают друг от друга

всего лишь на тридцать саженей. Много камней торчит над поверхностью, но большинство чуть прикрыто водой. Вот здесь и есть главная опасность... Повезет, если лодка минует эти камни, но есть и другие попутные беды. При глубокой просадке и невысоких бортах лодка запросто может зачерпнуть водицы и опрокинуться. При этом шум стремнины стоит такой, что услышать зов человека о помощи невозможно. Ну, завтра все сами увидите. Я думаю, что Симахинский проходить не нужно, слишком велик риск. Перетащим караван по суше...

Утром следующего дня Чириков, Шпанберг и Чаплин побывали у Симахинского порога. Все было в точности так, как и рассказывал Михаил Беловодов.

Долго совещались с капитаном. Беринг приказал: лодки и дощаники, прибывшие с Енисейска, волоком по берегу не тащить. Караван и так был сильно потрепан и не выдержит ни коварных порогов, ни передвижения посуху. Руководитель экспедиции затребовал новые лодки из Илимска – самого близкого к каравану поселения. Решение приняли быстро. Речная армада остановилась у Симахинского порога и стала разгружаться.

Умаявшись за день на разгрузке, попив чая и уже собравшись пойти спать в дощаник, Михаил увидел подходившего к костру Чирикова.

– Ну что, устал, Михаил?

– Есть немного, Алексей Ильич.

– Ну, тогда отдыхай, завтра поговорим.

– Зачем завтра, я и сегодня говорить могу.

Они пошли вдоль Илима. Солнце уже спряталось за хребет, отдельные лучики пробивались из расщелин, окрашивая верхушки далеких деревьев в сложный розово-лиловый цвет. Низовой ветер стих, и вода после порога уже не бурлила и не пенилась, но мягко струилась среди обточенной гальки, словно пыталась успокоить окрестности. Небо глубокое, без облаков и туч. От стоянки вдоль реки тянулась сизая вечерняя дымка.

Алексей и Михаил залюбовались увиденным: прямо перед ними на небосклоне проявлялась во всей своей проникновенной исполненной красоте таежная луна. Она восхищалась своим отражением в зеркальной глади Илима, но вдруг набежали мелкие волны, и рябь раздробила небесное отражение. Вечерний воздух сырел, наливался холодом.

Они остановились одновременно, заметив, как огромная рыбина жестко и звучно рассекла хвостом плотно сомкнутую поверхность воды.

– Смотри, Миша, как здесь красиво! – по-мальчишески восторженно воскликнул Алексей, и сам застеснялся своей чувствительности.

– Да, – сдержанно и как будто равнодушно ответил Михаил.

– Знаешь, Миша, о чем я мечтаю? Пока у нас есть время, – новые лодки придут еще не скоро, – я хотел бы добраться

до Илимска.

– Пешком, что ли?

– Зачем пешком, у нас ведь кони есть.

– Да – тут недалеко, дня за четыре добраться можно, – радостно засмеялся Михаил.

– А ты дорогу знаешь?

– Ее тут и слепой знает. Иди себе вдоль Илима, никуда не сворачивая.

– Поедешь со мной?

– С вами, Алексей Ильич, хоть на край света... Да только отпустят ли?

– Ну, уж это мое дело.

– Тогда спасибо вам за доброту. И за то, что меня, деревенского парня, обучаете, я ведь ни одного дня в школе не учился...

– С утра будь готов в дорогу.

Они стояли рядом на высоком берегу, внизу, довольный своей судьбой, плескался Илим. Повевало холодом, но от воды уходить не хотелось. Луна медленно, как черепаха, благополучно выбралась из реки и теперь взбиралась все выше и выше по соснам и елям к небу, а ей навстречу, словно из рога изобилия, сыпались одна за одной спелые сочные таежные звезды. Их дружный свет освещал Илим, смешивался с темным аквамарином далеких, поросших лесом вершин. А дальше цвета сгущались, и становились единым целым и река, и сопки с сосновыми и кедровыми лесами, и вся не име-

ющая единицы измерения великая мощь природы. И только степенью любви и веры можно было выразить свое к ней причастие.

Через день небольшой отряд смельчаков, состоящий из пяти человек, отправился к Илимску по берегу Илима. С собой взяли теплые вещи и немного еды, надеясь, что в дороге раздобудут пищу в деревнях, которые встречались в этих местах довольно часто. Ординарец Чирикова, Николай, был недоволен этим походом и, даже сидя на коне, негромко ворчал, делая кислую мину. Но на него никто не обращал внимания.

Ранний рассвет показался сладко-малиновым, как колокольный звон. Только откуда ему тут быть? Гладь реки не рябила, изумрудные блики от солнечных лучей, скользивших по ее поверхности, представлялись деталями наряда спящей царевны. Высокие стебли трав, склонившиеся до самой земли под тяжестью крупных росных капель, оберегали сон реки.

Зато на обрывистых берегах все уже проснулось. Принимали небесные ванны и стройные молодые сосны, и толстые пожелтевшие лиственницы, и невысокие взлохмаченные ели. На редких полянках хороводили белоствольные березы, о чем-то перешептываясь с вызывающе ярко раскрашенными осинами. Изредка на вершинах сопок появлялся кедр и как хозяин властно и пристально оглядывал свои владения.

Доносило сложный запах хвои, прелой листвы и перезре-
лых ягод. Щебетанье птиц, сливавшееся с другими шумами
леса, тоже не поддавалось спектральному анализу: пересви-
стывались рябчики, мяукали сойки, со взаимной модуляци-
ей поскрипывали кедровки, стучал по дереву дятел, хлестко
вылетали из кустов дикие голуби, в высоте кружил ястреб,
издавая паническое надтреснутое шипение, видимо, желая
попугать неожиданных гостей.

И все это можно было назвать только одним словом – Бла-
годать!

Митрич

За очередным поворотом уже не стало слышно страш-
ного, притупляющего сознание шума Симахинского поро-
га. Днем потеплело по-летнему, но вечер не заставил себя
ждать. Явился вместе с лесной сыростью и сумраком. Тай-
га на берегу опять превратилась в высокую отвесную стену.
В сплошной темноте остановились у зимовья, что стояло на
высоком косогоре. Развели костер. Языки пламени просве-
чивали округу неглубоко, не дальше близких кустов сморо-
дины. Да, чернее таежной ночи ничего на свете не бывает.
Черно и под ногами, и над головой, и справа, и слева, и во-
круг. Такое встречается только осенью в Сибири.

Зная, что заметить его невозможно, филин безнаказанно
наслаждался своим имитаторским даром. То хохотал по-че-

ловечьи, то мяукал, как кошка, или стонал как будто от невыносимой боли, неожиданно ему начинала подпевать разбуженная обманным светом костра кукушка, щедро отсчитывая путникам долгие-долгие годы жизни...

У огня всегда хорошо, чувствуешь себя защищенным в любую погоду, пламя придает силы, как будто сжигает усталость. Спать примостились в зимовье на полатах. Михаил, скромничая, попытался остаться у костра, но Алексей повелительно кивнул головой.

– Ты чего это придумал? Места в избе всем хватит...

– Спорить не буду! – засмеялся Михаил и расположился на ночлег у входа.

Топилось зимовье по-черному. Но отдохнули хорошо. Утром поели хлеба с луком, согрелись насыщенным травяным чаем. Алексей задумчиво посидел у очага, пошевеливая длинной палкой угли.

– Благодать, – сказал он, – и вставать не хочется.

– Не хочется – не вставайте, – в тон ему ответил Михаил.

– Да нет уж, сиди не сиди, а идти надо. Какой у нас на сегодня план?

– Сегодня дойдем до Тубы.

– Тубы? Может, ты ошибся? До трубы?

– Да нет, не ошибся, Туба – это название речки и деревни.

В деревне заночуем, а там рукой подать до Качинской сопки.

– Ну что же, тогда за дело. Вперед.

В это время погода хороша только ранним утром, к обе-

ду начинает портиться. Небо заволокло тучами. Они, как всклокоченные ведьмы, нависли над тайгой, задевая своими лохмотьями вершины невысоких сопок, и час от часу, как гневом, наливались чернотой. Снег, как будто рухнул с высоты, повалил неожиданно. Солнце в сражение с непогодой не ввязалось, ему по времени года уже не хватало сил обогреть землю, а тут еще завертелась снежная кутерьма. Первые снежинки были легки, припорошили землю тонким слоем. Но это только в первые мгновения, а затем снежный поток встал перед путниками сплошной непроницаемой стеной, и тяжело оказалось всем – и людям, и животным.

– Господи, – сказал Алексей, – откуда это взялось?

Мишка задрал голову.

– С небес, Алексей Ильич.

– Да я не об этом, вроде ничего не предвещало.

Они остановились. Только два цвета осталось в мире – черный и белый. Черные воды Илима и белые крылья метели. Пока разводили костер, Алексей и Михаил подошли к реке.

– Ты знаешь, Михаил, не чувствую никакой радости от первого снега. Настоящей радости, какую испытывал в детстве.

– Алексей Ильич, наверное, вы расстроены от того, что пришла зима, а мы еще не одолели и половину пути.

– Наверное, от того, Миша.

– Да все будет хорошо. Сейчас надо где-то спрятаться, до

деревни еще далеко. Здесь рядом, на заимке, живет старый охотник. Хороший мужик, грамотный, умный. Может, заглянем к нему?

– Почему не заглянуть? Только скажи, крюк большой?

– Да нет, Алексей Ильич, версты три всего. Но там и банька есть, и квасок, и медок хмельной, и водочка, и поговорить с человеком интересно.

– А ты говорил с ним?

– Я для него мальчишка. Отец говорил, а я слушал.

– И что такого интересного ты слышал?

– Да я уж и запомнил. Помню, шибко умные слова говорил старый охотник.

– Хорошо, чайку попьем, и в дорогу.

Три версты, оказалось, не соответствовали своему метрическому эталону. В тайге все по-другому. Дороги не было. Тропинку, что вела к заимке, Михаил так и не нашел. Пришлось выйти к речке и по ней идти вверх. А берега у таежных речек – не для походов. Сплошь и рядом непроходимые завалы и кочкарник. Бурелом мешал передвижению и отнимал последние силы, ноги увязали в мягкой подушке заснеженного мха. Часто отдыхали, усталость давала о себе знать. Потеряли много времени и сил, пересекая болото.

– Ну, Михаил, твое «рядом» оказалось ой как далеко, – упрекнул Алексей.

Погода окончательно испортилась. Несмотря на то, что была середина дня, небо потемнело, дали помутнели. Пут-

ники не понимали, к чему готовиться – к ночи или к непогоде?

Михаил чувствовал себя виноватым, видя укоризненные взгляды спутников.

Но, слава Богу, под ноги соскользнула желанная тропа, она вела в чистый сосновый бор, от которого, казалось, исходил свет. Рубиново мерцал в неиссякнувшей красоте брусничный ковер. Михаил от радости воскликнул:

– Вот она! Сейчас будем на месте!

Наконец, добрались. К счастью, засветло.

Заимка деда Митрия располагалась на поляне, окруженной высокими лиственницами. Они были покрыты как пылью серебрясто-золотой хвоей, которая от любого дуновения отрывалась от веток и, паря, осыпалась на землю. Вода в речке ластилась к еще теплым песчаным берегам и, виляя по каменистому перекату, певуче журчала, напоминая о примитивных, ладовых звуках древней музыки.

Путешественники застали Митрича на заимке. Издалека виден был голубой дым, трепещущим стволиком устремившийся в небо. Митрич сидел на гладко отесанном бревнышке около жарника. Жарник – постоянное место костра, обложено камнями по кругу, с высоким таганом из березовых кольев, с рогульками наверху. Посередине висел медный чайник, закопченный до черноты. От жарника вели протоптанные дорожки к избушке, амбару, загону. Самая широкая тропа подводила к мостику, вилась змейкой по берегу и ухо-

дила в глубь тайги. Лесное жилище Митрича ничем не отличалось от других зимовий, что встречались в тайге, только это было постарше, лиственные его бревна уже потемнели от времени, как и еловые драницы на крыше.

Кроме поляны, плотно огороженной лиственницами, привлекала внимание избушка, в которой жил сам хозяин. Она стояла на обрывистом берегу, к ней сиротливо притулился небольшой амбар, в котором хранились охотничьи и рыболовные снасти. Рядом с амбаром – крытый загон для лошади. А на самом краю поляны, на крутом угоре, съежилась крошечная банька.

Избушка, в которой жил Митрич, была пять шагов в длину и четыре в ширину. Вход – с востока, с утренней солнечной стороны. Внутри находился очаг, выложенный из речных булыжников и обмазанный глиной. Два подслеповатых окошка, у левой и правой стенки. Потолок и пол составлен из толстых вытесанных плах, накапливающих тепло и сохранявших его даже в лютую стужу. У окошка стоял столик.

Здесь, в этой лесной глуши, которая показалась восхищенным путникам сказочным царством, чувствовалось умиротворение и спокойствие. И верилось, что во всем, оставшемся снаружи огромном мире такая же благодать, и нигде нет ни войн, ни предательств, ни горя.

– Здравствуйте, добрые люди! – радостно встретил незваных гостей Митрич. – А я вот жду-пожду, и никак не пойму, почему Мишаня повел вас другой дорогой.

– Митрич, я начало тропы не нашел... – потупился Михаил и покраснел, как нашкодивший ребенок. Ему было стыдно.

– Поглазастее надо быть, ведь у берега затеси сделаны. Михаил промолчал, только развел руками.

– Ну, да что теперь говорить, – продолжил Митрич, – у меня все готово, и банька, и чаек. Поспешать надо, гроза идет.

И хотя все поспешали, однако стемнело, как всегда, быстро. Из баньки выходили в полной темноте. Не успел последний гость закрыть за собой дверь в зимовье, как туча, прежде далекая и неподвижная, неожиданно, как хищная птица, метнулась и распростерлась прямо над заимкой. Небесным кнутом раскатисто щелкнула огненная нить молнии, и лес вокруг поляны наполнился зловещим лилово-красным светом, завибрировавшим от беспощадного, оглушительного удара грома. Ярко на мгновение осветилась убогая обстановка деревенской избы. Тревожно и угрожающе по крыше избышки забарабанили тяжеловесные капли дождя. Через мгновенье небеса разверзлись неукротимыми потоками.

Расторопный Митрич уже приготовил ужин.

– Господи, да что же это такое? – удивлялся Алексей. – Вчера шел снег, а сегодня гроза с проливным дождем, будто начало лета...

– Да, событие редкое, – согласился Митрич. – Такое было, почитай, лет сто назад... Да, разозлили люди Господа... Может статья, снег через две недели пойдет, и морозец ударит

– вот Илим и встанет... К чему тогда ваши лодки?

Михаил и солдаты на ночь устроились в баньке. В тепле усталость сказалась сразу, и тесную баньку вскоре огласил богатырский храп. Алексею приготовили постель в избушке. Нары застелили шкурой изюбря, под голову положили подушку, набитую свежим сеном. Однако моряку не спалось. Он вышел в сени, потом шагнул в темноту тайги. Ему почудился девичий смех и людские голоса.

– Митрич, что это? Неужели рядом деревенька стоит?

– Да нет... Это у ручья филин и сова дурачатся.

– Как это дурачатся? Я слышу голоса, как от людского сборища. А вот мужик стонет, будто с жизнью прощается.

– Такие чудеса здесь происходят часто.

Не успел Митрич договорить, как издалека раздался звериный рык, это изюбри запугивали друг друга, готовясь к смертельной схватке за жизнь.

Пронзительный вопль прорезал полнозвучную тишину ночи – там сова показала свой резкий голос.

– Алексей Ильич, спать пора, завтра трудный день нас ожидает, – недовольно пробурчал ординарец Николай.

Алексей повертелся на непривычной лежанке и уснул. Когда он проснулся, в тайге уже все расставляло по исконным местам солнце. Оно просачивалось в слюдяное окошко избы, просовывало свои настойчивые, бодрящие лучи в полуоткрытую дверь домика. Теплые блики кружили на потолке и стенах зимовья, обещая теплый день.

Но в сенях Алексей почувствовал холодок, это с речки тянуло утренней прохладой. Путешественники были в сборе и, помолясь, приступили к еде.

– Как будто грозы и ливня вовсе не бывало, – сказал Алексей, посмотрев на Митрича.

– Убежала непогодка-то, далеко-далеко, – махнул рукой мудрый старик.

– А вам не страшно одному, Митрич? – спросил Алексей.

– Нет, не страшно. Я ведь не один, конь у меня есть, две собаки в случае беды помогут.

– А медведь? Для него нет преград, так ведь?

– Медведь на человека не пойдет. Волки могут, но когда они про это только подумают, я уже все их планы наперед знаю.

– Как это знаете?

Митрич помолчал, хитро прищурился и сказал такое, отчего Алексей только руками развел.

– Так я и про вас, Алексей Ильич, все знаю. Где родились – знаю, что в морской Академии учились, мне известно. Чин лейтенантский вами за знания получен. Так что много еще успеете для Державы сделать, благослови вас Бог...

Алексей посмотрел на Митрича с уважительной улыбкой.

– Ну, такое обо мне узнать нетрудно, мой денщик Николай все расскажет, только попроси... Он же с детских лет со мной...

– Правильно говоришь, Алексей Ильич, но денщика я не

расспрашивал, видит Бог.

– Тогда как узнал обо мне?

– Увидел тебя и узнал.

– Такого не бывает.

– Многое бывает на свете, Алексей Ильич. Знаю, что идете вы по указу нашего Самодержца, проведать желаете, не соединяется ли наша земля с другой какой землей, что лежит за морями далекими.

– Да, Америкой зовется та земля, Митрич.

– Море нас разделяет, нет пешей дороги.

– Вот для того и идем.

– Трудна ваша дорога. Придется вам вернуться, не увидите вы в первый раз Америку. А вот со второго раза ты увидишь ту землю, так и знай.

– Ну, наговорил ты, Митрич, с три короба.

– А ты, коль не нравится, не слушай.

– Ну почему же не слушать? Может, вещими твои слова окажутся, хотя это больше на сказки похоже.

– Запомни мои сказки. Подойдешь ты к берегу неизвестному, увидишь горы высокие, а на вершинах тех гор все снегом занесено, хотя лето на улице. Кругом такие же леса, как у нас здесь. Тогда поймешь, какие я тебе сказки рассказывал. Береги себя, Алексей Ильич. Дорог исходишь множество, верст немало, и повсюду ждут тебя не только благодати, но и беды, и опасности.

Они помолчали.

– Ну, прощай, Митрич.

– Прощай, Алексей Ильич. Во второй раз я вас уже не увижу. Вы нижней дорогой пойдете, для повторного плаванья готовиться будете. Вашими личными подвигами и деяниями ваших сослуживцев и потомков окажется пробужденным огромное по земным меркам, пока еще дремлющее пространство великой России. Она будет вынуждена во все времена человеческой истории защищать его кровью воинов своих и удобрять потом тружеников своих. Тем и спасены будем во веки веков.

Плыть хочется

Путники сделали остановку на большой луговине, что была напротив деревни Качиной. Место было обжитое: чуть повыше у леса стоял летний домик, собранный наспех из тонких бревешек. Решили в нем заночевать, стали разводить костер и готовить похлебку. Вокруг тепло, тихо, ветра нет, где-то вдалеке, за Илимом, виднелась подсвеченная уходящим солнцем Качинская сопка.

– Михаил! – услышал Беловодов голос Алексея.

– Я здесь, – ответил Мишка.

– Давай сплаваем на ту сторону Илима.

– На бревне, что ли, поплывем?

– На лодке, она здесь к корягам привязана.

– Не поздновато ли, Алексей Ильич? Ночь подходит.

– Да не сегодня, завтра.

– Завтра можно. А что мы на той стороне делать будем?

– На вершину сопки заберемся, посмотрим оттуда на Свет Божий. Тебе приходилось бывать на таких вершинах?

Мишка рассеянно огляделся по сторонам.

– Нет, никогда не был. А что оттуда увидишь? Другие сопки?

Алексей улыбнулся.

– Не будем спорить, завтра увидишь.

Утром поднялись рано, в темноте. От реки поднимался густой туман. Пока пили чай, небо от востока посветлело, и на фоне пылающего утренними красками небосвода высветился похожий на древнюю пирамиду конус Качинской сопки.

– Давай, Михаил, поспешай, плыть хочется. Только бы погода не подвела.

На другом берегу их встречала ватага ребятишек из близкой деревни. Узнав, в чем дело, старшие вызвались помочь – повели на гору с северной стороны. Тропинка заросла травой, было видно, что этим летом на сопку никто не поднимался. Примерно на середине пути стали встречаться кусты черемухи, ольшаник. Тропинка петляла между кривых, местами поваленных деревьев. Но вдруг лес закончился, и с огромной высоты стал полностью виден извилистый Илим, устремленный к горизонту. Домики селения отсюда казались игрушечными, а снующие в своих заботах люди – похожими

на муравьев. Вершина сопки была охвачена сильным ветром, который пробирал до костей.

Отсюда, с небольшой площадки, мир виделся по-иному. Несколько тропинок сбегали с вершины вниз. Кто по ним ходил? Куда они вели? Мечталось, что в волшебную страну, населенную только счастливыми людьми. Алексей стоял на вершине, раскинув руки, будто намеревался в любовном порыве к бытию обнять всю русскую землю, у которой нет конца-края, а есть только дугообразный горизонт, до которого ни дойти, ни доехать, ни долететь, разве что на волшебном ковре-самолете. И ему, Алексею Чирикову, Бог предопределил совершить это путешествие во имя и этих неизвестных людей, и всего великого русского Отечества. С высокой тысячелетней Качинской сопки ответственность данного судьбой задания, или его предестинация, открылась моряку с пронзительной ясностью.

– Пора вниз, Алексей Ильич, больно холодно здесь. Пора, – клянчил Михаил.

Он не понимал, зачем они пришли сюда, и что происходит в данный момент. Да и Алексей не мог объяснить новоиспеченному другу потаенный смысл этого загадочного путешествия...

– Подожди, Михаил. Я посмотрю, где можно замеры сделать, уж больно место замечательное.

– А чего тут замерять-то, Алексей Ильич?

– Здесь – нечего, а вот на той площадке географические

координаты определить можно без помех.

– А зачем их определять, Алексей Ильич?

– Ну как зачем? Разве не интересно знать, где на земле находится Качинская сопка? Ты когда-нибудь географические карты видел?

Мишка промолчал, посмотрев вниз на петляющий Илим, на желтые поля вдоль его берегов. И без этих самых координат тут все понятно – это его родина, самое лучшее место в мире. Он присел на поваленное дерево и постарался больше Чирикову не докучать. Ребятишки уже убежали вниз. И солнце стало спускаться. Наконец, и Алексей дал команду на спуск.

Но как они ни торопились, темнота оказалась проворней. Обратный путь ночь окутала черным покрывалом, но пламя костра на углу зимовья указывало верное направление. Звезды на небе, словно от скуки, складывались в узоры, перемигивались и, рассыпаясь на множество ярких созвездий – как в детской игрушке «Волшебный фонарь», составляли новый узор. Эту игрушку Алексею подарила мама, когда ему исполнилось пять лет. Но он недолго играл с ней – природная любознательность взяла верх, и мальчик разобрал ее, чтобы посмотреть, что же находится внутри?

Ветер поднимал волны, грести было трудно.

Рядом с лодкой волну хлестанула хвостом крупная рыба. Алексей встал во весь рост, пытаясь рассмотреть это сибирское чудовище.

– Алексей Ильич, присядь... – Мишка не успел договорить, сильный удар по днищу лодки заставил ее затормозить на полном ходу. Нижние две доски лопнули, и вода мгновенно стала заполнять суденышко.

«На топляк налетели», – подумал Мишка, вцепившись в борт, а Алексей не удержался, потерял равновесие и в один миг оказался за бортом. Молодой сибиряк почувствовал еще один удар о днище, но второй был слабее предыдущего.

– Господи, еще этого не хватало!

Мишка откинул весло, взгляделся в темную воду, подождал. Но голова друга на поверхности не показалась. Сбросив ичиги и телогрейку, он нырнул. Холод сковал сразу. Видимо, глубина была здесь изрядной, поэтому в черной воде он ничего не мог разглядеть. Вынырнул, чтобы глотнуть воздуха, и опять ушел под воду, на ощупь пытаясь найти Алексея. С пятой попытки ему повезло, он наткнулся на ногу, от нее быстро перебрался к голове и, накрутив волосы Алексея на кулак, мощным рывком вырвался наверх. Он плыл, лежа на боку, глотая ледяную илимскую воду... К берегу, почуяв неладное, уже бежали люди... Но Мишка не слышал и не видел их, у него была одна задача – вытащить друга на берег, спасти своего лейтенанта... Одежда плотно прилипла к телу, студеная вода обжигала, словно кипятком. Наконец, он почувствовал под ногами дно, твердо встал на ноги, прижал к себе Алексея, удерживая его голову над водой. Здесь уже была нужна и помощь...

У костра Алексей стал приходить в себя. С него сняли мокрую одежду, денщик Николай с трогательными по-матерински причитаниями растер его сухим полотенцем, напоил горячим чаем, укутал в старый полушубок и бережно, на руках, перенес в зимовье. Мишка, разбитый и огорченный, сидел у костра. Когда ему поднесли невесть откуда взявшийся ковшик водочки, он не отказался.

– Ну, чего сидишь, раздевайся. Ты же не барин, – упрекнул его подошедший солдат.

– Мочи нет, Иван, все силы в воде оставил.

– Да вижу, давай помогу.

Михаила раздели, растерли, укутали.

Алексей не понял, сколько он был без сознания. Тепло от раскаленных камней густо разливалось по хижине. В голове шумело, тяжело давило грудь, трудно было шевелить руками. Красно-синяя шишка украшала лоб, и притронуться к ней было невозможно.

В маленькое оконце зимовья заботливо и любопытно заглядывала луна. Раскрашивала своим таинственным светом стены, потолок: сказочные причудливые световые тени, казалось, должны были позабавить больного, отвлечь от боли. Но такая забота не помогла. Тело Алексея оставалось неподвижным. Голова раскалывалась от боли. Собрав все силы, он только и смог прошептать:

– Где я?

Но денщик Николай, сидевший рядом, услышал только

тихий стон.

– Слава тебе, Господи. – Николай запалил лучину, и свет от нее на время разогнал обманные лунные тени. Алексей с трудом оторвал голову от подушки, увидел черный квадрат окна, печь, нары, проем двери. В глазах помутнело, и на потолке снова закружились неземные узоры.

Денщик, как мог, успокаивал Алексея, часто-часто крестился и благодарил Бога за спасение хозяина. Алексей перестал стонать, сон одолел его, навалился, пригреб к себе и повел к солнцу, которое уже мирно светило в окошко, разгоняя ночные кошмары. Утро явилось в неизбывной своей надежности и надежде.

От двери тянуло холодком. Сердце больного стучало. По-прежнему болела голова. Искусанные губы кровоточили. Собравшись с духом, Алексей усилием воли отогнал от себя страх, поднялся с нар и с трудом вышел на улицу.

Коварный Илим, как будто ничего не случилось, бесстрастно нес свои воды в неведомую даль. Изморозь покрыла землю мелкой, как будто звездной, пылью. Прибрежная тайга, похожая на плотную вибрирующую стену, казалось, дышала неровно, как простуженный человек. И только редкие березки меж тяжелых сосен и лиственниц мерцали вкраплениями радости.

Свежий утренний воздух окончательно избавил потрясенную душу Алексея от ночного кошмара, уверенность вернулась в его тело. Он присел на бревно, ветер скрипуче раска-

чивал вершину старого кедра. В высоте две белки как птички перелетали с ветки на ветку.

– Господи, хорошо-то как, – прошептал молодой офицер.

Попутчики были рядом. От них Алексей узнал, что с ним произошло. Не будь Михаил таким расторопным, и не помощи ему удача, вряд ли любовался бы он сегодняшним утром.

Трогая свою шишку, Алексей предположил, что ударился о днище лодки и потерял сознание. Он сидел у костра, слушал рассказы очевидцев, неодобрительно покачивая головой. Снова и снова пытался вспомнить случившееся, и возможный исход этого путешествия наполнял его душу горечью и разочарованием. «А в Петербурге будут рассказывать, как лейтенант российского флота Чириков чуть не утонул в мало кому известной таежной речке, переплыть которую не составляло труда ни матросу, ни морскому офицеру», – предполагал он.

На следующее утро все путешественники собрались у костра. Настроение улучшилось. Не вспоминая о происшествии, шутили, делали предположения о погоде. Денщик Николай был твердо уверен, что дальше Илимска в этом году они точно никуда не пойдут.

Михаил вспоминал свой дом, родителей, сестер и свою невесту. Свадьбу договорились сыграть на Рождество.

– Миша, ты один мужчина в семье? – вдруг неожиданно спросил Алексей.

– Да, Бог больше не дал. Зато сестер – семеро душ, что

тут поделаешь.

Николай с солдатами отправился готовить обед. Алексей веткой расшевелил затухающий костер, подбросил в него несколько сучьев и, не глядя на Михаила, продолжил:

– Я ведь тоже в семье один мужчина, правда, и сестра тоже одна.

– Вам-то, ваше благородие, можно было иметь детей столько, сколько душа пожелает, а у нас каждый рот жевать хочет.

– Это не так, Миша. Я из семьи мелкопоместных дворян, да и к тому же обедневших. Знали мы и бедность, и всяческие обиды, и притеснения.

– Да неужто дворяне могут быть бедными? – с изумлением спросил Михаил.

– Могут, Миша. Ты ведь ничего о дворянах не знаешь, – улыбнулся Алексей.

– Кое-что слышал. Да и грамоте одну зиму у Антипа Иваныча учился. Домой к нему ходил, школы в нашей деревне не было. Дворяне – это князья, графы. У них у всех земли огромное количество, да и работников пруд пруди.

– А вот, поди ж ты. Есть дворяне, у которых ни крестьян, ни земли.

– А куда ж все подевалось?

– У каждого своя история.

– А вашу семью какая беда затронула?

– Не знаю, Миша. Знаю одно: жили бедно, старый дом,

заросший сад, небольшое поле и несколько крестьян – вот и все наше богатство.

– Однако грамоте вас обучили.

– Обучили. Дядя многое сделал. Если бы не он, быть бы нам с Иваном неучами.

– А Иван – кто?

– Мой двоюродный брат.

– А где он сейчас?

– В Санкт-Петербурге, службу несет.

– При Царе-батюшке находится?

– И так можно сказать. Мы все при Царе находимся.

Холодный ветер дул с Илима. Алексей посмотрел на Михаила, дотронулся до своего лба.

– У меня дело к тебе имеется, Миша. Подожди меня здесь.

Вернулся Алексей очень быстро, держа в руках небольшой кожаный мешочек.

– Мы скоро с тобой расстанемся, Михаил, и я хочу оставить тебе что-нибудь на память. Вот шкатулка. Здесь хранится очень дорогая для меня вещь. Это походный складень с изображением Иисуса Христа, Иоанна Предтечи и Богоматери. На всем белом свете таких икон две: у меня и моего брата Ивана. Отправляя нас на учебу, дядя заказал для отливки два походных складня, совершенно одинаковых. На обороте каждого из них нарисован герб рода Чириковых.

Алексей открыл складень, словно книгу. Михаил, увидев изображение Иисуса Христа, восседающего на Престоле,

справа от Него – образ Богородицы, слева – Иоанна Предтечи, истово перекрестился и поклонился бесценному подарку.

Такого Михаил не видел никогда. В его бедном крестьянском доме были скромные деревянные иконы, расположенные в красном углу: разошедшееся от времени дерево, во многих местах осыпавшийся красочный слой. В церкви висели большие храмовые иконы, тоже с потрескавшимися окладами, со следами пожара, уничтожившего большую часть церковной утвари. За слоем копоти на многих иконах нельзя было различить, кто именно изображен. Только материны рассказы помогали ему узнавать образы святых.

Михаил, как человек глубоко верующий, знал, что на крестьянских деревянных иконах чаще всего можно было видеть Богородицу с Младенцем на руках. Дома у них находилась икона Казанской Божьей Матери, где Младенец Христос был изображен стоящим, Его левая рука спрятана в складках одежды, правая сложена в двуперстное благословение.

То, что Михаил сейчас увидел, не походило на прежде виденные им лики. Богородица была изображена без Младенца, со скипетром в руках. От подарка захватывало дух. Это был складень уникальной работы петербургских мастеров.

– Господи, красота-то какая.

– Я рад, Михаил, что тебе понравилось.

– Что вы, Алексей Ильич, разве можно такое отдавать? Я

не приму.

– Почему?

Михаил только мотал головой, не в силах объяснить. Слезы благодарности увлажнили его веки.

– Возьми, пусть останется память о нашем знакомстве.

– Да разве я заслужил?

– Заслужил, Михаил.

Алексей с трудом оторвал прижатую к груди правую руку Михаила и вложил в нее складень.

– На оборотной стороне – наш фамильный герб.

Михаил восхитился и этим изображением. Щит был разделен на цветовые части. В верхней части, в серебряном поле, был изображен крест зеленого цвета. В нижней, в красном поле с облаками, видна была рука в рыцарских латах с поднятым мечом. В левом зеленом поле – две серебряные стрелы, летящие в разных направлениях. Щит венчала корона. Его охраняли два льва.

– Алексей Ильич, отродясь я таких картинок не видел. И кто мне поверит, что дворянин мне такое подарил...

– Ты прав, Михаил, я тебе дарственную напишу, тогда никто плохого не подумает.

– А как же вы без походных икон и герба жить будете?

– Проживу с Божией помощью. Иконки еще дома имеются, а герб же нарисованный. Чириковы служили всегда и будут служить российскому Престолу. Род наш ведет начало от племянника Царя Беркая, которого после крещения нарек-

ли именем Петр. Праправнук этого Петра, Петр Игнатьевич Чириков, служил при Великом князе Дмитрие Иоанновиче в Сторожевом полку и участвовал в сражении против Мамай. Вот какие у меня предки, Миша, знаменитые...

– А мне нечего дать на память о себе, Алексей Ильич.

– Ты уже мне сделал подарок.

– Я?!

– Ты жизнь мне подарил, разве этого мало?

Алексей показал рукой на степенные воды Илима, на уже далекую Качинскую сопку, на грозно возвышающийся Красный Яр, на глубокое, в своей цветовой однородности похожее на каменный зеленый серпентинит море тайги.

Солнце поднялось высоко, высушив росы, разогнав облака. В подмороженном воздухе далеко разносились голоса.

– Господи, что может быть дороже всего этого?

Алексей, очертив рукой горизонт, показал в небо.

– Посмотри, Миша! Журавли летят. Ты слышишь их голоса? Они не прощаются с нами, они еще вернутся!

Глава 2. Пути, которые нас выбирают

Белый парус, как и стаю белых журавлей, можно считать знаком судьбы, символом предопределения. Да и символом самой России. Ведь считается, что Русь зародилась в поймах рек, «у воды текучей». Сколько ее утекло с описанных выше времен?

Кто может сегодня найти тропинки, по которым шли первые путешественники, открывшие людям моря, острова и новые земли Сибири, Камчатки, Сахалина, Дальнего Востока? Те тропы заросли, а некоторые реки превратились в рукотворные моря. Однако появились другие, асфальтовые, рельсовые дороги. По ним за несколько дней можно добраться от Москвы «до самых до окраин». На летающих металлических птицах огромное пространство Сибири преодолевается за несколько часов.

Сибирь – щедрая, величественная земля. Она, в прошлых веках глухая, пугающая окраина Российской Империи, сегодня превратилась в благословенный богатейший край. Русские люди оживили ее своим трудом, верой и любовью.

А начиналось с малого: первые переселенцы разрабатывали на новых землях рудники, добывали пушнину, строили остроги, которые превращались постепенно в прекрасные города. А уж маленьких поселений, деревень и деревенок – и поныне не счесть.

Для многих Сибирь стала родной, а города и села – малой родиной, по которой так щемит сердце, если волею судьбы приходится покидать родительский дом. Не меркнет в сердце ее любимый лик, запечатленный в детских воспоминаниях, хранящих ароматы клеверных лугов и земляничных полей, сладость ключевой воды с привкусом кедровых орехов, образы долгих, своенравных рек, текущих за горизонт. Таежная полноводная река, похожая на библейскую «реку Жизни», не только эту жизнь дает, сопровождает и обеспечивает, но своим природным примером нравственно формирует личность, воспитывает у любого сибиряка – целеустремленность, верность родным берегам, стремление к свободе. Много на такой «Божьей дороге» поджидает человека неожиданностей, которые потом осознаются не как случайности, а как судьба. Особенно важны встречи, к каждой из которых надо относиться внимательно, как к предначертанию. Одна из таких встреч произошла среди глухой тайги на берегу «Мудрого Илима».

Письмо

Почту приносили после десяти, письма и почтовые извещения раскладывали на деревянном приступке высокого старинного зеркала, что стояло в углу зябкого и гулкового вестибюля главного корпуса техникума. По неизбывной традиции на перемене после второго часа занятий студенты бегали

вниз, к зеркалу, надеясь на весточку или перевод, там толпились даже те, кто и не ждал сообщений. Это было и развлечение, и ритуал, и дань надежде.

Степан Беловодов сегодня оказался счастливым, он получил письмо от сестры. Тут же разорвав конверт, мгновенно пробежал глазами написанное. Все как обычно. Слава Богу, родные здоровы. Озадачила только приписка в конце: сестренка сообщала, что наконец-то продала дом.

Сначала Степан не понял, о каком доме идет речь, но, внимательно перечитав письмо, обомлел. Сестра продала родительский дом! Тот, в котором они провели детство и жили с матерью до ее смерти. Известие расстроило молодого человека. Он вышел на улицу, сел на деревянную скамейку, что стояла слева от входа, и, глядя на Ангару, предался щемящей печали.

Дом-то, уж если по-честному, на отдельный деревенский дом походил мало: это был прируб к добротному дому Перетолчиных. Но все-таки со своим двором, хлевом и амбаром. Главное, это был дом, где он счастливо жил с мамой. Три окна выходили на разноцветное поле, которое каждый год засевали пшеницей, рожью, горохом и овсом. Рожь вырастала высокой, он любил слушать осенью перезвон сухих колосков. Рядом с рожью тянулись поля пшеницы и овса, а гороховые наделы вспомнились сладко, с урчанием в животе.

Сегодня последняя ниточка, что соединяла его с родным краем, оборвалась. Могла ли сестра поступить по-другому?

Нет, конечно. Она, как и Степан, живет в другом месте, правда, недалеко от деревни. Ну и что. Охрану к дому ведь не поставишь. Если никто не живет, быстро все приходит в негодность: и заплот, и ворота, и внутреннее убранство, оставшееся от счастливого детства. Правильно, что продала, – мысленно вздохнул молодой человек. Но все равно жалко, ведь не стало их всегда любимого, дорогого, родного дома.

Степан прикрыл глаза, и перед ним, словно в кадрах из кинофильма, предстало маленькое зальце в три окна, небольшой столик в простенке, занавески на окнах, что прикрывали только нижнюю часть, чтобы больше света попадало внутрь. Кухня отделена от зала дощатой перегородкой, в углу русская печь. Вот и все его родные хоромы, хоть и маловаты были, но места всем хватало, особенно летом. Сеновал, амбар, хлев, большой двор, а за ним огород, простиравшийся, казалось, до горизонта.

Было... Ничего не осталось. Лишь воспоминания. Пока в деревне стоял этот дом, связь с малой родиной ощущалась кровной, телесной. А сейчас? Только мамина могилка на деревенском кладбище напоминает о том, что была у них семья.

Зазвенел звонок, Степан, не преодолев растерянности от сообщения, поднялся со скамейки и медленно пошел по алее в сторону общежития. Остановился не сразу, не сразу слышал за своей спиной повторяющийся окрик:

– Степан, ты куда?

Оглянувшись, он увидел на крыльце Костю, своего приятеля.

– В общежитие надо.

– У тебя что, затмение? Ты что, не знаешь, что сейчас будет?

– Костя, отстань, тошно мне. Не до твоих шуток.

– Да я не шучу, Степа. Сейчас распределение на производственную практику начнется. Четыре года ждали.

Костя, запыхавшись, догнал Степана, схватил его за руку и потащил в учебный корпус.

– Ну чего ты как репей пристал.

– Пошли, пошли. – Константин крепко вцепился в друга.

Степан, до конца не осознавая причины, нехотя пошел с ним.

В аудиторию они поспели последними, вошли вслед за директором. Тот внимательно посмотрел на друзей, неодобрительно покачал головой.

– Кто у нас сегодня дежурный? – задал вопрос директор.

– Я, – встрепенулся Костя.

– Понятно, видимо, еще где-то исполнял обязанности дежурного.

– Нигде я не дежурил, Георгий Яковлевич.

– Ладно, кого у нас нет сегодня?

– Группа присутствует в полном составе, – четко и громко отрапортовал дежурный.

– Хорошо. – Лицо директора озарила одобрительная

улыбка.

– Можете сесть, – обратился он к выпускникам, подкрепляя сказанное указательным жестом руки. Подойдя к столу, начал торжественно:

– Ну что, дорогие мои, сегодня у вас один из главных дней, который во многом определит ваше профессиональное будущее. Месяц назад я вам говорил, что Министерство транспортного строительства приняло решение: учащиеся техникума перед завершением обучения проходят десятимесячную практику на предприятиях, куда хотят получить распределение. Вам были предложены места прохождения практики. Надеюсь, времени на обдумывание хватило. Сегодня я хочу услышать ваши решения, может, у кого-то будут просьбы или предложения.

Выпускники согласно промолчали, директор продолжил:

– Тогда я утверждаю списки.

– Георгий Яковлевич, – выкрикнул староста группы Вячеслав Палагин, – у нас есть один товарищ, который не согласен ни с одним предложением.

– Кто же этот герой?

– Степан Беловодов.

Степан молча встал из-за стола.

– Ты что, Беловодов? Министерство выделило прекрасные места – по всем вашим специальностям, и территориальные предпочтения предусмотрело. Неужели тебе ни одно не подходит?

– Места действительно привлекательные, Георгий Яковлевич, но мне на родину надо.

– И где же находится твоя родина?

– Недалеко, отсюда тысяча верст, на севере Иркутской области.

– Что же там такое строят, что без тебя не обойтись?

– Железную дорогу начинают строить.

– Сейчас везде железные дороги строят.

– Согласен, но там мой родной край, там мое детство прошло, дорог никогда никаких не было. А тут железная!

– Пойми, Беловодов, производственная практика осуществляется на основе договоров между учебным заведением и предприятиями. Учащиеся техникума направляются на практику в соответствии с приказами, этими же документами назначаются руководители практики, определяются места и сроки практики каждого учащегося.

– Да знаю я все, Георгий Яковлевич.

– Ну, если знаешь, тогда не понятно твое упорство.

– Я обратился к начальнику строительно-монтажного поезда, который приступил к работам в нашем районе, и жду ответа.

– Ой, Беловодов, Беловодов! Как дитя малое капризное. Чтобы время сейчас не тратить, в четырнадцать часов прошу ко мне в кабинет. Там вместе поразмышляем.

– Хорошо, Георгий Яковлевич.

Степан дождался приема только после семнадцати. У ди-

ректора не кончались неотложные дела, и, видя Степана в приемной, он периодически махал рукой и говорил:

– Подожди, подожди еще немного.

Войдя в кабинет, молодой человек сразу услышал упреки в свой адрес:

– Ну чего ты добиваешься, Беловодов, все-то тебе не так. Чем тебе Чита не нравится? А какой Хабаровск прекрасный город! А в Находке ты бывал? Ну что молчишь?

– Вас слушаю.

– Ты не ерничай. Поедешь туда, куда специалисты требуются. Хватайся за настоящее дело, пока есть возможность.

– Георгий Яковлевич, я же не каких-то особых условий требую. Ведь самая северная стройка. Комсомол над ней шефство взял.

– Комсомол, говоришь, шефствует? Что – это комсомольская ударная стройка?

– Почти.

– Почти не бывает, тут только да или нет.

– Строительство гидроэлектростанции – комсомольская ударная стройка, а железнодорожная ветка, длина которой больше двухсот километров, одна из главных частей всего комплекса.

Директор задумался, потом, неодобрительно взглянув на Степана, сказал:

– Если бы там были нужны специалисты, заявки обязательно послали бы к нам.

– Так стройку только в январе начали.

– Тем более, значит, рановато туда ехать.

Степан упорно молчал, директор техникума посмотрел на него внимательнее обычного и, прощаясь, похлопал по плечу:

– Не дури, Беловодов, страна большая, везде дело по душе найдешь.

– Страна и вправду большая, но я ведь слово дал, что приеду дорогу строить.

– Кому слово дал?

– Землякам. Школьным учителям, ребятам-одноклассникам.

Директор сел за стол, устало вздохнул, ладонью потер наморщенный лоб.

– Чем помочь тебе, я не знаю, нет у меня прав отправлять на практику без запроса и согласования с Министерством. Раньше, когда такой длительной практики не было, еще договаривались как-то. А сейчас направляем ведь практически на постоянное место работы.

И развел руками.

– Может, я съезжу, тут лету два часа, и возьму запрос, Георгий Яковлевич?

– А с Министерством как? Тоже съездишь? Ладно, Беловодов, твое упорство мне нравится, да и студент ты хороший. Жду на тебя запрос с твоей родины, – чтоб у меня через неделю был, а с Министерством попробую договориться.

Иди, романтический строитель железных дорог. Желая уда-
чи нам обоим.

Степан выходил из кабинета степенно, но, закрыв за собой
дверь, тут же подпрыгнул на одной ножке и побежал счаст-
ливый.

Улица «Приморская»

Степан Беловодов своего добился. Директор, не дождав-
шись письменного указания из Министерства, с предпряти-
ем согласовал формальности по телефону. И отправил сво-
его упрямого студента на практику в таежную глухомань.

– Смотри там, – по-отечески пригрозил он парню, – не дай
Бог, если что с тобой случится, несдобровать и мне.

– Все будет хорошо, Георгий Яковлевич, еще диплом за-
щищать приеду.

Сойдя с поезда на небольшой станции и оглядевшись по
сторонам, Степан разочарованно присвистнул:

– Да есть ли здесь вообще жизнь!?

– Не огорчайся, парень, – утешил его дежурный по стан-
ции. – Вон посмотри, видишь, домики стоят, там леспромхоз
базируется, а дальше, левее железнодорожных путей, рас-
положился вагонно-палаточный городок. Там строители жи-
вут. Тебе куда?

– К ним и надо.

– Да и впрямь, чего я спрашиваю, тут все к ним едут.

У двухосной теплушки группа парней, размахивая руками, что-то бурно обсуждала. Степан с любопытством остановился вблизи этого эмоционального собрания.

– Ну что такое невезение, и как с ним бороться? – ни к кому не обращаясь конкретно, причитал здоровенный парень.

– Что случилось? – участливо спросил Степан. – Может, чем смогу помочь?

– Да только ты и сможешь! – неодобрительно махнул рукой парень и пошел вдоль пути. Несколько его ровесников, покуривая, с любопытством уставились на Степана.

– Ребята, где найти Валентина Петровича Куликова?

– В тайге.

– Понятно, ну а отдел кадров где?

– Вон он, – показали рабочие на теплушку.

По хлипкой, почти вертикальной лесенке Степан ловко вскарабкался в вагон. Внутри это не слишком уютное жилище было разделено барьером, в углу пыхтела раскаленная железная печка. Подавая инспектору документы, Степан пояснил:

– Мне желательно на трассу, нужно выбрать тему дипломного проекта.

Молодая девушка, взглянув на него то ли смущенно, то ли радостно, рассмеялась.

– Тут мы все на трассе, километр вправо, километр влево, кругом она родимая. А тем и для дипломов, и для жизни – ход пруд пруди. А-а-а! Так это ты – Беловодов Степан Ми-

хайлович! – воскликнула бойкая красавица.

– Да. А в чем дело?

– Вчера о тебе звонили из Управления. Велели закрепить молодого специалиста за геодезистом.

– Как же так?

– А чем ты недоволен?

– Я же дорогу приехал строить, а геодезист – не строитель.

– Степан Михайлович, геодезист впереди всех идет, там проходит, где порой даже тропинок нет, где и зверю не продраться. Ну, если не по душе, обращайся к начальству. Вот тебе место в палатке номер десять. До встречи.

Ночью пошел сильный снег, к утру все оказалось под согревающим снежным покрывалом.

«О ком-то так нежно позаботилась природа? – подумал с надеждой Степан. – Хорошая для меня примета».

В первый день молодому специалисту трудно было из-за снежной аппроксимации деталей пейзажа различать, где лес, где вагончики и палатки, оказавшиеся под непроницаемым снежным покровом. Ни дорог, ни тропинок, о присутствии человека свидетельствовали лишь утыкающиеся в плотный морозный воздух печные дымы.

Но все здесь восхищало молодого человека, хотя обжигаться Степану было некогда. Через сутки его с оказией отправили в тайгу. На двадцать пятом километре был разбит лагерь, там же находилась и геодезическая служба, к которой был приписан недавний студент.

По зимнику, урча и зарываясь в снег, трактор пробивал путь и тащил на прицепе вагончик. За ним, стараясь не выбиться из колеи, шли две автомашины. Часто пни и коряги перегораживали свежую дорогу, и машины то одна, то другая оказывались в сугробах. Приходилось брать лопаты и вызывать технику несколькими человеческими силами. К вечеру, уже при свете фар, добрались до места.

От тряски и пронзительного холода Степан устал ужасно. Видя это, встретивший его начальник не стал ни о чем спрашивать, только указал в зимовье место на нарах.

– Давай, парень, согревайся, отдыхай, спи. Утро вечера мудренее.

Утром разбудили чуть свет.

– Пора! – скомандовал тот же начальник. – Отоспаться еще успеешь, вся жизнь впереди. Одевайся в теплую спецовку, валенки не забудь, и пойдем завтракать. Как зовут тебя?

– Степан, – поживаясь, ответил молодой человек.

– Знаю, что Степан, для порядка спросил. А меня – Валентин Петрович Куликов.

Так по-простому Степан познакомился с начальником первого десанта.

В котлопункте завтрак уже заканчивался. Оставалось несколько человек.

– Вот, Степан, твой непосредственный руководитель, – показал Куликов на седоватого, лет пятидесяти мужчину.

– Юрий Павлович Перфильев, – протянул тот руку.

– Степан Беловодов, – пожал протянутую руку нового наставника.

– Ну, вот и хорошо, – улыбнулся Валентин Петрович, – передаю тебе нашу молодую смену, Юрий Павлович. Береги и обучай всему, что сам знаешь.

Когда вышли на улицу Перфильев спросил:

– Ты, Степа, с инструментом работал?

– С каким инструментом?

– Ну не музыкальным же! С теодолитом, с нивелиром.

– После первого курса недели две на полигоне нас знакомили.

– И как, что-нибудь помнишь?

– Если честно, то ничего.

– Хорошего помощника дали.

Степан как будто не показал вида, что обиделся на Перфильева. Но тот заметил и подшутил:

– Молодец, Степа, дело не знаешь, а губы дуешь. Пошли, наша работа не терпит остановки.

Строители всю зиму рубили просеку в тайге. Геодезисты, с которыми работал Степан, шли впереди всех, пробираясь с теодолитами и рейками через снежные завалы, лесные чащи, овраги и ледяные ручьи.

Ранней весной Юрий Павлович со Степаном вышли на берег таежной речки. Серебряная вода свободного игривого потока вешней листвой шелестела на перекате, одаряя легким воздухом, светлым звуком, долгожданным умиротворе-

нием. В укромной заводи, вблизи которой они расположились на отдых, просвечивало дно. И было видно, как в потоке извиваются зеленые водоросли, ласкающиеся к валунам, укоренившимся здесь, наверное, со времен ледникового периода. Снег на солнечной стороне истаял, остались только испаряющиеся в лучах солнца редкие ручейки-подтеки.

От усталости геодезисты буквально рухнули на первое попавшееся поваленное дерево, блаженно сняли обувь, вытянули ноги. Наслаждаясь хвойным веянием окружающего бора, сосредоточенно рассматривали мощные сосны, которые, словно колонны Парфенона, величественно и, казалось, вечно возвышались над этой землей. Ни травы, ни кустов у их подножия не было, даль просматривалась во все стороны.

– Какая красота! Какая мощь! – как будто самому себе сказал Юрий Павлович.

– Да, – протяжно и восхищенно откликнулся Степан. – Вот она какая – наша земля, не зря вблизи от этого места изыскатели наметили станцию.

– Молодцы, наверное, по всей трассе лучше места не найти, – мечтательно сказал старый геодезист.

– Ну, почему же, таких мест в здешней тайге хоть пруд пруди.

– Ты почти угадал. Не пруд, конечно, но... Знаешь, Степа, еще зимой, когда мы вбивали колышки, определяя координаты станции, месторасположение депо, котельной и поселка, я на лыжах приходил сюда.

– Зачем?

– Подойди поближе.

Степан нехотя встал и подошел к Юрию Павловичу.

– Видишь пень?

Степан безразлично кивнул головой.

– Тут таких пней, Юрий Павлович...

– погоди ты, посмотри повнимательней.

Тогда Степан, действительно, заметил, что одна сторона пня была стесана, и на ней вырезаны ножом цифры – «309.09».

– Помнишь, какой будет уровень будущего моря?

– Какого моря, Юрий Павлович? – оторопел молодой человек.

– Господи, Степа, куда мы дорогу тянем?

– К гидроэлектростанции. А... Понятно. Извини, Палыч, кругом тайга, сопки и хребты. Что водохранилище здесь будет – запомятовал. Да и жаль всей этой красоты.

– Сюда по речке вода разольется, вот здесь вокруг протянется линия берега, а пень – мой личный репер – на девять метров будет возвышаться над водой. Когда закончим дорогу, я вернусь сюда и построю себе дом. Всю жизнь мечтаю поселиться на морском берегу, завести лодку с мотором и ездить на рыбалку. Я даже улице придумал название. Вот посмотри.

Степан увидел табличку, прибитую к березе. На ней от руки были выведены буквы, складывающиеся в слово «При-

морская».

Степан, обведя взором округу, почему-то погрузился. По берегам таежной речки приглушенно, словно прислушиваясь к разговору строителей, обреченно шумел сосновый бор. Из таких ровных красивых сосен когда-то строили парусники. А что будет с этими красавицами? Сосны, как будто зная о своей бесподобной красоте, любовались своим отражением в реке. В ее центре вершины самых высоких деревьев, соприкасаясь, смыкались, так что река тоже казалась лесом. «Какое море! Откуда ему взяться?» – взволнованно восклицал внутренний голос Степана, трагической интонации которого не мог понять молодой человек.

– Не веришь, что здесь будет море?

– Верю. И не верю, странно как-то.

Мастер с учеником присели у березки, на которой была прибита гордая табличка с названием будущей улицы. Прошлогодние высохшие листья, заброшенные вешним ветром в кроны сосен, застряли между их иголок и тихо шуршали, добавляя мелодическое послезвучание основному низкому хвойному регистру. Взбугренные паводковыми водами берега притормаживали ручьи, в которые превратился недавний снежный урожай, по ним, тщетно цепляясь за воздух, зловеще двигались к речке сухие коряги и ветки. Солнце смотрело на все происходящее свысока и не вмешивалось в непреложные законы природного бытия.

Пройдет немного времени, и здесь, вровень с этим старым

скособоченным пнем, появится набережная, с причальными стенками для катеров и даже яхт. По набережной будут гулять молодые пары с колясками, дети – здесь обязательно будет много детей – станут гоняться на новеньких велосипедах, запускать раскрашенных воздушных змеев. Конечно, хорошо все это будет. Но ведь что-то исчезнет навсегда. И от этого безысходного слова «навсегда» Степану становилось нестерпимо душно, ком подкатывал к горлу, сердцебиение учащалось так, что начинала болеть грудь. Подобное чувство он испытал, когда получил письмо от сестры с сообщением о продаже родного дома.

– Засиделись мы с тобой, Степан.

– Хорошо здесь, Юрий Павлович. Хотя и тревожно.

– Оставим это место для будущей жизни.

Степан вскоре забыл свои переживания, нахлынувшие на него на улице Приморской, он легко привык к большой стройке. Ему нравилось, что все здесь использовали военные термины: «наступление», «плацдарм», «тыл», «штаб», «де-сант», «фронт», «колонна». И молодые строители соответствовали таким словам-категориям.

Степан видел, как умело и отчаянно механизаторы вре-зались в тайгу, уходили все дальше и дальше, в самую глубь. С восторгом наблюдал, как бульдозер, встав «на дыбы», достаточно легко выдергивал грациозную лиственницу или молодую сосну. На помощь первой шла вторая, третья машины. Ведь не все деревья были податливы, иные нехотя рас-

ставались с жизнью, держались за нее всеми корнями. Другие дерзили: чуть тронешь, оно свалит полтонны снега с кроны, так что бульдозер еле отфыркается. Каждый метр дороги давался тяжелым трудом.

Степана, как талантливого практиканта, всегда приглашали на оперативные совещания. Начальник велел Беловодову быть в курсе: сколько километров пройдено, над чем работают специалисты изыскательной партии проектного института. Однажды он участвовал в доводке совместных инженерно-технических проектов по прокладке насыпи через Тубинскую долину, чем был горд.

Здесь, в родных краях, которые казались Степану самыми теплыми в мире, он впервые узнал, что такое вечная мерзлота. Он даже представить себе не мог, что на земле есть миллионы квадратных километров территорий, где верхняя часть земной коры никогда не прогревается, где температура не поднимается выше нуля градусов. Грунтовые воды находятся в виде льда, достигая глубин до 1000 метров. Понятно, что такие твердые грунты создают проблемы строителям, геологоразведке. Не по книжкам, а наяву Степан понял особенности этих проблем. Для себя решил, что тема его дипломного проекта будет «Как нужно рыть котлованы в условиях вечной мерзлоты». Хотя, оказывается, есть от нее и польза. Именно благодаря мерзлоте остаются отвесными стенки в кимберлитовых трубках, что облегчает добычу алмазов в карьерах Якутии. Степана волновало и вдохновляло

на дипломную работу такое невероятное соединение: белоснежный искристый лед, который он видел в котловане, вырытом в вечной мерзлоте, заледенелый свет и солнечный алмаз. Сказал бы – чудо, если бы не видел эту простирающуюся на многие километры картину наяву.

У воды текучей

Наконец-то, как и обещал, Валентин Петрович Куликов пробрался к ним через лесные завалы.

– У вас тут курорт, Юрий Павлович, я в том смысле, что тишина, и нет шума тракторов.

– Тишина есть, это точно, Петрович, но гнус покоя не дает, и мази не помогают, приспособились, видимо, кровопийцы.

– Да, с мошкаррой тут везде проблема.

– Зачем пожаловал-то, товарищ начальник?

– К тебе уж и заглянуть нельзя.

– Можно, только за это лето ты у нас второй раз.

– А тебе нужно, чтобы я в неделю раз бывал? – пошутил Валентин Петрович. – Приехал, чтобы посмотреть, насколько вы с разбивкой оторвались от рубщиков.

– Порядочно оторвались, на себе проверяю, когда возвращаюсь в лагерь, хоть палатку с собой бери, чтоб назад километры зря не мерить.

– Что поделывать, время не зимнее, а место заболоченное,

технике не легче, чем людям, приходится. Вчера бульдозер полдня вытаскивали.

– Здесь повыше, и почва песчаная.

– Хорошо, что песчаная, хоть этой информацией ребят обрадую.

Развели костер, Степан сходил к роднику, набрал в котелок воды. Уже через десять минут чаевничали у трескучего костра.

– А у тебя, Степан, скоро практика кончится?

– Через три недели.

– Диплом защитишь, вернешься?

– Конечно, это ведь мои родные места.

– Ты что, здесь родился?

– Родился я в низовьях Ангары. А в Нижне-Илимске и Погадаевой мое детство прошло.

– Кто-нибудь остался из родных?

– Сестра в деревне новой.

– Петрович, – решительно перебил разговор Юрий Павлович, – отпусти меня в отпуск, пока возможность есть, семью проведать надо. Может, чудо произойдет, уговорю жену сюда приехать, места показать, пенсия надвигается, пора постоянное место для жизни выбирать, а лучше, чем здесь, нигде быть не может.

– Степана одного оставим, что ли?

– Почему одного, он давно отпрашивается в Нижне-Илимск, порядок хочет навести на могилке у матери и

друзей повидать.

– Когда у тебя защита диплома, Степан?

– В декабре.

– Тему для диплома подобрал?

– Подобрал, со строительством на участках вечной мерзлоты связана.

– Вот молодец, приедешь, будешь грызть ее.

– А как же я, Петрович?

– У тебя другой парень будет.

– Понимаю, Степан мастером начнет работать, ему ведь профессионально расти надо. А меня-то отпустишь?

Валентин Петрович немного подумал, что-то прикинул в уме и с улыбкой произнес:

– Собирайтесь, ребята. Тебе, Палыч, не больше трех недель даю, к тому времени сюда подойдут бригады.

Юрий Павлович радостно заулыбался.

– И мне можно? – еще не веря своему счастью, спросил Степан.

– И тебе тоже, – великодушно кивнул начальник.

Два дня ушло на получение бумаг и зарплаты. Ранним утром отпускники отправились на попутной машине в Илимск.

Август – в тайге лучшая пора, многообещающая, как весна, щедрая, как лето. Солнце еще в силе, небо распахнуто широко, всеохватно, а его прозрачная глубина, кажется, достигает млечных далей космоса. Стебли лилового иван-

чая, вымахавшие вдоль дороги, как деревья, сочно хлещут по бортам грузовика.

Местами дорога пылила, потому появление любого встречного транспорта заставляло наглухо закрывать окна кабины, хотя и это не спасало. Пыль просачивалась во все щели, а при закрытых окнах дышать вообще становилось невозможно.

Привал решили сделать на поляне у ручья. Степан первым выскочил из машины и по крутой тропинке побежал к воде. Птицы уже не гомонили, у них были семейные заботы. В безветрие хорошо было слышно, как уверенно ведет свою мелодичную партию ручей вблизи басовых октав густого таежного хора. На ходу сбросив рубаху и штаны, он зашел в воду. Ручей был мелкий. Как ни искал Степан место поглубже, не нашел, поэтому поплескался, как воробей в луже, но пыль отмыл. Возвращаясь назад, заметил, что на берегу есть кто-то еще. В дальнем углу поляны у чахлого костра сидели трое путников – двое девчат и парень. Забежав за машину, натянув брюки и накинув рубаху, счастливый отпускник подошел к ним.

Высокий парень, заведя гостя, встал навстречу, любезно протянул Степану руку, улыбнулся, ямочки, появившиеся на его щеках, украсили миловидное, молодое лицо. Голубые глаза, прямой нос, аккуратно зачесанные волосы и открытый взгляд делали этого человека одухотворенно красивым.

– Денис, – представился незнакомец.

– Степан, – звонко ответил молодой человек, взглянул на сидевших поодаль девушек.

Денис, словно опережая следующий вопрос, сообщил:

– Жанна с Машей. У нас неприятности, у Жанны что-то с ногой.

– А что конкретно с ногой?

– Не знаю.

Подошел Юрий Павлович, услышав последние слова, встал перед Жанной на колени.

– Давайте посмотрим.

– А вы врач? – спросила с надеждой Маша, осторожно поглаживая ногу подруги.

– Нет, я не врач, но за свою жизнь многому научился.

Глаза Жанны выражали страдание.

– Так что случилось? – настойчиво спросил Юрий Павлович.

Ответил Денис:

– Мы подошли к этой полянке, увидели ручей, бросили вещи и побежали к воде, Жанна поскользнулась на хвое, и вот результат – не может ступить правой ногой.

Юрий Павлович стал ощупывать ногу от ступни.

Маша поднялась и встала рядом со Степаном. Взглянув на нее, парень обомлел, его поразило что-то знакомое, даже родное в этой девушке, показалось, что он знает ее всю жизнь. Отойти от нее он уже не мог.

У Маши было маленькое круглое лицо. Темные волосы

аккуратно подобраны вверх и связаны в узел. Большие карие глаза были выразительными благодаря тонким изящным бровям. Девушка оказалась невысокого роста, хорошо сложена. Даже мешковатая походная одежда не портила ее и не скрывала легкие, грациозные движения. Маша, как показалось Степану, в искреннем своем переживании за подругу была похожа на бурливую волну таежной реки.

Посмотрев на застенчивого незнакомца, девушка улыбнулась, в уголках глаз прорезались тонкие морщинки, сделавшие еще более выразительным ее лицо.

– Что-то не так, молодой человек? – смущенно спросила она, заметив его удивленный взгляд.

– Не знаю. – Степан отвернулся, боясь опять взглянуть на Машу, но долго оставаться в таком положении не смог и вновь обратил свое лицо к ней. Почуввав неловкость ситуации, опять отвернулся и пошел к машине.

– Степан, – позвал его Юрий Павлович, – ты куда? Подойди, помощь нужна. Похоже, у Жанны вывих, – отряхивая колени от хвойных иголок, сказал опытный таежник. – О переломе речи нет, о трещине – сказать не могу, рентген нужен. Думаю, что все-таки вывих колена.

– Степан, – скомандовал Юрий Павлович, – вырежи из ольхи четыре ветки диаметром сантиметра три и раздели каждую пополам. А вам, ребята, – обратился он к Денису и Маше, – нужно найти бинт или любую ткань. Шину будем делать, без нее до больницы не добраться.

Юрий Павлович, как заправский лекарь, довольно быстро соорудил для ушибленной ноги шину и обмотал всеми подручными материалами, что нашлись в походных рюкзаках. Все обрадовались, даже Жанна. Она улыбнулась, пытается подтвердить, что ей уже лучше, но любое движение, было видно, отзывалось болью.

– Часть дела сделали, – сказал Юрий Павлович, – сейчас главное – добраться до врача.

– Будем ждать попутку, пешком нам не дойти, – услышал Степан слова Дениса.

– Ждать-то можно, только когда она будет – эта попутка. Расписаний у машин нет, а автобусы здесь не проезжают.

– Николай, – обратился Юрий Павлович к своему водителю, – сколько отсюда до Илимска?

– Километров пятнадцать, не меньше.

Юрий Павлович посмотрел на часы, что-то прикинул и голосом, не терпящим возражений, произнес:

– Мы с Жанной уезжаем на нашей машине, вещи ваши заберем, встречаемся в больнице, найдете, – не далек город. В случае моего отсутствия, вдруг пароход раньше времени отплывет, не поминайте лихом и бывайте.

Больше Юрий Павлович ни с кем разговоры не вел, даже со Степаном. Десять минут хватило на сборы. Из холодного ручья все предусмотрительно набрали во фляжки воду и расстались, разделившись на две группы.

Степан, несмотря на драматичность ситуации, обрадовал-

ся несказанно. Ему казалось чудом выпавшая возможность побыть рядом с прекрасной Машей. Идти с ней бок о бок, чувствовать ее дыхание, видеть ее лицо. Какое счастье! Никогда раньше он не видел подобной девушки. Неужели на свете бывает такая красота! В глубине ее изменчивых в цвете глаз, казалось, таилась загадка. Степан, вглядываясь в них, старался разгадать тайну, не заметив, что идет вполоборота к девушке.

– Степан, – услышал он насмешливый голос Дениса, – мы так далеко не уйдем.

– Почему?

– Ну, кто же боком ходит? Ты же не краб.

Степан опомнился, увидев смеющиеся лица своих новых друзей.

– Прости, Денис, я загляделся на Машу.

– Понимаю, на нее многие заглядываются.

– Не сомневаюсь.

– Денис, Степан, давайте не будем тратить силы на глупые разговоры, – с интонацией благоразумной Мальвины произнесла Маша.

Ребята послушно замолчали. Дальше шли по проселочной дороге, не глядя друг на друга. Первым не выдержал Степан.

– А вы как сюда попали?

– Мы с Усть-Кута идем.

– Что, там живете?

– Да нет, живем в Москве.

– В Москве!!

– Да, Степан, там мы живем.

– А как же здесь оказались?

– Дорога дальняя, по пути расскажем. – Денис достал из кармана компас.

– Зачем он тебе сейчас, Денис?

– Мы по нему с Усть-Кута идем.

– Тут кроме этой дороги больше ничего нет, даже охотничьих троп.

– Ну, уж ты скажешь.

– Да чего говорить, пройдешь, сам увидишь, может, на счет троп погорячился, но дорога, точно, одна, без ответвлений. В тайге не мы выбираем пути, а они нас ищут.

– Хорошо, Степан, веди, я чую, за тобой мы будем как за каменной стеной.

Стеной – не стеной, но проводником Степан оказался надежным.

Ты хочешь знать, куда я еду?

Сдружились молодые люди на лесной дороге быстро. Маша Лебедева и Денис Сергеев представились Степану как заядлые путешественники. Маша училась в МГУ на географическом факультете, Денис и Жанна – на историческом. Встретились случайно, прошлым летом в Тобольске, Маша с группой московских студентов проходила путем Камчатских

экспедиций.

У Маши, как она призналась, тяга к путешествиям какая-то родовая, наследственная. Она не представляет своей жизни без странствий-хождений. Путешествует всеми возможными способами: пешком, на машине, самолетом, паромом, поездом, автобусом. Это на каникулах. А в выходные она отправляется в московские пригороды – там можно сделать не только географические открытия, но и исторические – ведь это края тысячелетней цивилизации. Ее желание путешествовать, как она сама считает, началось в детстве с передачи «Клуб кинопутешественников», которую вел знаменитый путешественник, врач по образованию, Юрий Сенкевич. Обычно передачу смотрели всей семьей. Родители прерывали свои заботы и рассаживались перед экраном телевизора, а маленькая Маша, без сожаления отрываясь от игр, радостно устраивалась между взрослыми. Просмотры, которые казались Маше интереснее мультиков, превращались в уроки, ставшие по мере взросления девочки вдохновенной наукой. Хотя и не за счет книг.

Маша читала запоем, больше всего о странах и континентах, о природе, о людях других национальностей и рас. Каждый номер журнала «Вокруг света» она ждала как подарок. По сей день помнит запах свежего выпуска, так что мечта о путешествиях у нее ассоциируется с благоуханием типографской краски и с шелестом тяжелых глянцевых страниц этого некогда популярнейшего издания. Часто Маша посе-

щала исторические выставки, ее не оставляла мечта самой поучаствовать в археологических раскопках, найти, как Генрих Шлиман, свою Трои и древние сокровища. Но приходилось довольствоваться залами музеев, в том числе этнографического и зоологического. А когда совсем становилось печально от невозможности воплощения мечты, Маша шла в зоопарк. Глядя на слонов, жирафов, львов, она представляла страны, где обитают эти звери, мысленно там путешествовала. Фантазия у девочки была богатейшая, даже родители удивлялись. Но не осуждали дочь в ее увлечениях.

Машин отец был ученым-историком. Он сам много ездил по стране и из мест, где бывал, привозил краеведческие книги, путеводители. Если Машины каникулы совпадали с его поездками, он брал с собой дочку. Поэтому Киев, Софийский собор, Золотые ворота, Владимирская горка, Киево-Печерская Лавра стали для Маши родными, любимыми с детства. В Ленинграде в белые ночи она любовалась разведенными мостами, царскими дворцами. В Крыму пешком одолела Большой Крымский каньон, забралась на вершину горы Ай-Петри, здоровалась с диковинными, неизвестными ей растениями в Никитском ботаническом саду. Смотрела из «Ласточкиного гнезда» на белоснежные, разбивающиеся об острые прибрежные камни волны Черного моря.

Во время родительского отпуска она осознала величие своей огромной советской страны, побывав в Армении, Грузии, Бухаре, Владикавказе, Волгограде. Вместе с родителями

ми путешествовала на теплоходе по Волге. Каждый год новое путешествие, новые места, новая к ним любовь.

Денис с детства увлекался историей, литературой, писал стихи. Родители Дениса поддерживали увлечения сына. После поступления на исторический факультет Денис профессионально заинтересовался историей страны, легендами, народным преданиям. Он старательно изучал архивные документы, их пониманию и применению во многом способствовали путешествия.

Жанна, окончившая первый курс исторического, во всем прислушивалась к Денису.

– А здесь-то вы как оказались? – с ревностью коренного жителя спросил Степан.

– Здесь? Где это здесь? – насмешливо уточнил Денис.

– Ну что вас всех в Усть-Кут привело? – с интонацией следователя ответил Степан.

– Ты что-нибудь о Камчатских экспедициях слышал? – серьезно спросила Маша, нежно, как первоклашку, тронув Степана за руку.

– Через нашу деревню столько экспедиций прошло, что по пальцам не пересчитать. У нас в доме экспедишники жили, а куда шли и как они назывались, не знаю.

– Это современные экспедиции, они текущими делами занимаются, чаще всего геологоразведкой или строительством. Камчатские проходили по этим местам в начале восемнадцатого века. Им самолично Петр Первый повелел

узнать, есть ли между Азией и Америкой пролив.

– Ну, Маша, я же не увлекаюсь историей и путешествиями, как вы. Впервые слышу, что такие люди здесь проходили.

Маша и Денис смущенно переглянулись. Степану стало неловко, особенно перед понравившейся ему девушкой, и он, покраснев, поспешил добавить:

– Зато я вам покажу дом в Илимске, где отбывал ссылку Радищев.

– Неужели дом Радищева сохранился? – всплеснула руками Маша и пристально уставилась своим ясным взглядом на Степана.

А он, казалось, смотрел сквозь нее, не замечая дорогих лучистых глаз. Хотя прозрачные и кристально чистые, они по-прежнему волновали молодого человека, но он собрал всю свою волю и попытался воздействовать на неугомонное свое сердце доводами разума, подсказывающего, что теперь не место и не время поддаваться любовной слабости. Но какой же дивный, благоуханный аромат духов исходил от московской умницы-красавицы. В своем деревенском доме он ничего подобного никогда не ощущал. И с чувством собственного достоинства Степан звонко произнес:

– Я вам покажу дом Радищева! – потом, немного понизив голос, добавил: – Место, где он стоял, точно покажу.

Денис, чтобы сгладить неловкость, похлопал Степана по плечу и, отчетливо выговаривая каждый слог, мелодично продекламирровал:

*Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда еду?
Я тот же, что и был, и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек.
В острог Илимский еду.*

– Эти строки Александр Радищев написал по пути в ссылку, – преподавательским тоном пояснил Денис.

Комментариев от спутников не последовало. Поэтому Денис продолжил, рассказывая как будто самому себе:

– «Начало моего пребывания здесь весьма тяжело», – записал Радищев в января 1792 года. А знаете, что представлял Илимский острог в то время? Это было поселение в сорок дворов. Вернее, как писал в письме графу Воронцову Радищев, – в городе было сорок пять дворов, мой сорок шестой. Была часовня, ратуша, один купец, торговавший водкой, несколько чиновников, поп – вот и все светское общество.

– Не может быть, – парировал Степан. Илимск – село большое, несколько улиц в гору от Илима отходят.

– Так я же про царские времена рассказываю, – перебил Денис и продолжил: – Конечно, ветхий, первый дом Радищева сохраниться не мог. Но он ведь построил для своей семьи другой, добротный, обзавелся хозяйством, лошадьми, коровой, у него даже олененок был. Вот этот дом, может, и сохранился? Дойдем до Илимска, поищем. Даже на месте этого сооружения постоять – честь нам будет.

Денис поклонился кому-то незримому и, несколько секунд помолчав, продолжил:

– А ведь Радищев был не только идеолог, но человек действия. В Сибири он показал свои способности к общественной деятельности, был лекарем, учителем, садоводом, историком, писателем. Он изучал жизнь полукучевых народов, общался с тунгусами, стал им наставником. Они-то и подарили ему олененка.

Было видно, что от своего рассказа Денис волновался все больше и больше, по ходу обломал ветку и стал отмахиваться ею в такт своего шага.

– В пятилетней ссылке Радищев много занимался литературным трудом. Заботясь о духовно-нравственном развитии своих детей, он написал замечательную книгу – трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», где определял место человека в мире, рассматривал свойства материи, времени и пространства. В этом трактате Радищев говорит о единстве тела и души, размышляет о свойствах материи и о бессмертии духа. Как же мало мы знаем труды своих гениев! – воскликнул Денис.

Маша слушала взволнованный монолог своего друга молча, потом не вытерпела, решила показать и свою эрудицию, добавив:

– А когда в ноябре 1796 года умерла Екатерина II, граф Воронцов добился освобождения Радищева. Трагично сложилась судьба русского писателя после возвращения, не

смог он снести все обрушившиеся на него невзгоды и сам оборвал свою несчастную жизнь. А ведь как многообещающе была его юность. Учился в Германии в Университете с самим Гете!

Тут не выдержал Степан, тоже, мол, не лыком шит:

– А знаете вы, что на илимской земле родился конструктор космических кораблей Михаил Янгель, а также сапер, разведчик в Великую Отечественную войну Герой Советского Союза Николай Черных. А еще знаменитый детский писатель Георгий Куклин.

– А что он написал? – спросила Маша.

– Ну, я точно не помню, он умер до войны. Нам читали в школе его рассказы о деревенских ребятах.

– Значит, не очень знаменитый, – недовольно парировала Маша.

– Хватит спорить, пошли быстрее, нас ведь Жанна ждет, – прозвучал приказ Дениса.

Илимский острог

Путники послушно ускорили шаг, хотя торопиться не хотелось, хотелось любоваться окрестными красотами, которые менялись, как стеклышки в калейдоскопе. Удивительно, но в этих краях не было природного однообразия, картина менялась мгновенно, и казалось, за новым поворотом пути ждут новые художественные шедевры природы.

Какое-то время шли молча.

Первым нарушил молчание Степан, видимо, ему все еще не давала покоя мысль, почему именно здесь появились ребята.

– Ну и что, какая разница, какие здесь экспедиции прошли, вы сами-то чего ищите? – возвращая путников к прежней теме разговора, произнес Степан делано бесстрастным тоном.

Денис, прежде чем ответить, обвел взглядом запрокинутой головы кроны сосен, вершины сопок, потом, поумерив шаг, взял за руку Степана.

– Извини, Степан, на ходу на твой вопрос не ответишь, я сейчас скажу, но в дискуссию вступать не буду, нам нужно поторапливаться, ведь Жанна в больнице, и что там с ней, приходится только гадать. Так вот, ни один человек, по крайней мере мы с Машей, не скажет, зачем мы почти на два месяца оставляем цивилизацию и отдаем свои судьбы в руки суровой природы и случая. И от этого призвания избавиться невозможно. Мне нравится, что здесь совершенно другая жизнь, без суеты и техники. Здесь все обыденно и непредсказуемо, просто и величественно. Здесь можно остаться наедине со своей душой. Здесь мы соприкасаемся не только с историей, но с Вечностью. Но, вижу я, ничего-то ты не понял, друг! Ладно, пошли быстрее, в Илимске у реки продолжим разговор.

– Денис, а можно еще один вопрос?

– Один можно.

– А зачем именно сюда пришли?

– Шире шаг, Степа, всему свое время. Маша, возьми шефство над нашим проводником. Я заметил, что ближе к тебе Степан теряет свой неумемный дар речи.

Девушка ответила ослепительной улыбкой, от которой Степан, действительно, задохнулся.

– Иди, Степа, впереди, – ласково сказала Маша остолбеневшему от счастья молодому сибиряку, – мы не отстанем от тебя, только не надо оглядываться, в случае надобности мы тебя окликнем.

– Степан, все, – повторил Денис, – вперед. А ты, Мария, помолчи, не видишь, как твои чары и голос действуют на парня.

Маша только смущенно отмахнулась.

Ребята быстро зашагали по тропинке, что была протоптана вдоль обочины проезжей дороги. Через час остановились передохнуть, выбрали место у ручья, протекающего в трубе поперек дороги. Ручей, на первый взгляд, был озорной, шумел и пенился по камням, но, попадая в лес, становился мирным и тихим, словно подчинялся всеобщему закону таежной тишины. Утолив жажду чистой ледяной водой, группа продолжила свой путь.

Как и предполагал Юрий Павлович, они не встретили ни встречных, ни попутных машин. К Илимску подошли, когда солнце стало скатываться за горизонт, цепляясь за высо-

кие сопки, окружавшие село. Первое, что они увидели, – был мощный деревянный мост через реку. Красивое в своей первобытной нетронутости место. В высоких, каменистых берегах Илим казался узкой голубой ленточкой.

Денис остановился посередине моста, свесился за ограждение.

– Посмотри, Маша, – восторженно воскликнул Денис, указывая на Илим. – Здесь шли на восток известные русские исследователи Поярков, Хабаров, Дежнев. Здесь проходили отряды Камчатских экспедиций Беринга. Что они чувствовали, подходя к Илимску? Ведь дальше простиралась неведомая земля, которую им предстояло исследовать и описать.

Илимские волны ретиво ударялись об опоры моста, окружали их шумной пеной, но, вдруг успокаиваясь, затихали. А пена, похожая на клочья облаков, не найдя нужного направления своему дальнейшему движению, продолжала веселый круговорот.

Степан, который бывал в Илимске много раз, знал, где что находится. Не петляя, прямо по косоугору довел ребят до больницы. Жанна уже лежала в палате. Все диагностические исследования были проведены. Осталось просветить ногу рентгеном, процедуру запланировали на завтра. Юрий Павлович оставил записку. Просил его извинить, на пароходик он поспел, вещи оставил в приемном покое.

Да какие к нему могут быть претензии! Только благодарность, он ведь так помог.

Пообщавшись с Жанной, ребята пошли искать ночлег. Степан повел всех к своим дальним родственникам, живущим на улице, проложенной вдоль Илима. Это было недалеко от знаменитой башни с проездными воротами, что осталась от острога, который долгое время был центром Илимского воеводства. Ни одна экспедиция, направляющаяся к Тихому океану, не проходила мимо него. В давние времена об Илимске знал или слышан был всякий, кто даже не бывал в Восточной Сибири.

Родственники Степана встретили гостей радушно, несмотря на вечер, истопили баню, которая уютно красовалась на приветном косогоре. Путешественники, отмывшись от пыли и усталости, сели ужинать. За столом обсудили, что пароходик, который ходит вниз по реке, ушел сегодня и, если все с ним будет в порядке, вернется дня через три. Денис, молчавший весь вечер, вдруг рассудительно произнес:

– А нам, Маша, куда торопиться, у нас ведь Жанна в больнице. Пока она здесь, мы на якоре, плыть нельзя. Не оставим же ее одну? Да если и выпишут, какой из нее ходок. В обратный путь придется готовиться долго.

– Конечно, Денис, наш поход окончен, – грустно подытожила Маша.

У Степана дрогнуло сердце, он почувствовал, как трудно девушка расстается со своими планами и мечтами. Как же ей помочь?

В сумерки все вышли на берег Илима. Кое-где в окнах до-

мов зажигались огни. На небе все взоры сфокусировались на тучной, полноликой луне, любопытно разглядывающей гуляющих и округу. Вода в реке, которую в сгущающемся сумраке уже не было видно, ритмично поплескивала, покачивая лодки, привязанные к корягам и к длинным лавницам.

На берегу слышались голоса двух парней. Когда они подошли ближе, в одном из них Степан узнал односельчанина, своего приятеля одноклассника.

– Володиша, а ты чего тут делаешь? – Тот вздрогнул, видимо, давно его так уже никто не называл. Он с вопросительным выражением лица подошел поближе, разглядывая Степана.

– Степан! А ты-то как здесь очутился? Иркутск что ли к нам переносят? – сострил парень.

– Иркутск не переносят, я с Хребтовой, там был на практике. Там железную дорогу начинают строить на Усть-Илим.

– Да, слышал, скоро кранты нам, все под воду уйдет.

– Ладно хныкать, ты сам-то что тут делаешь?

– Рыбинспектор я, вот мотаюсь по Илим, ловлю кого не попадя.

– Поймал кого, что ли?

– Поймай, попробуй... Вверх по Илимиду идешь, донесение браконьерам впереди меня летит, вниз – такая же картина. Все друг другу братья.

– Ну и работа у тебя, Володиша. Не позавидуешь. Да и опасная, наверное?

– А ты куда собрался?

– В родную деревню, к маме на могилку еду, а там и до сестренки недалеко. Повидаться хочу.

– Как поедешь?

– Речной трамвай надо ждать.

– Долго тебе придется здесь гостить. Пароходик старый, поломки у него частенько бывают, потому расписание – весьма условное.

– А делать нечего, придется ждать. А может, ты возьмешь?

Володиша задумался, потом произнес, выделяя каждое слово и согласно кивая головой:

– Со мной-то, конечно, можно, только каждая поездка моя – целый клубок приключений.

– Это каких же?

– Да разных: то топят, то стреляют.

– Какие страсти говоришь, не хочешь брать, так и скажи.

Чего пугать-то.

– Ладно, поехали, Степан, со мной получишь удовольствие.

– Когда готовность?

– Сейчас соображу: утром пораньше я проскочу вверх до речки Казачьей, потом назад. Наверное, часов в десять подходи.

– Куда?

– Да сюда же.

Вдруг раздался голос Маши:

– А можно мне с вами?

Володиша повернулся к ней, удивленно осмотрел с головы до ног.

– А это кто? – так строго спросил борец с речными браконьерами, что у Степана от волнения громко заколотилось сердце.

– Маша.

– Ну, вижу – Маша. А кто она?

Степан взглянул на Машу, раздумывая. Он понимал, что если Володиша поймет, что девушка почти незнакомая, то отказа не миновать, а ему так хотелось побыть с ней рядом, хоть на лодке, хоть в опасном приключении.

– Она со мной, Володя, – беспрекословно выдохнул Степан.

– Невеста, что ли?

Степан, покраснев, кивнул головой.

– Да, с девкой-то нехорошо, но делать нечего, не могу я тебе отказать, одноклассник. – Хлопнул Степана по плечу. – Давай до утра, не опаздывайте, ждать не буду. Пока, завтра поговорим.

Степан, не глядя на Дениса и Машу, стал подниматься на угор. Уже наверху, шагая по широкой тропе, он почувствовал, как Денис взял его под локоть и, смеясь, как-то неучтиво пропел:

– Твоя она, твоя, Степа. Неужели уже невеста?

Степан взглянул на Машу, его уши ото лжи и смущения,

казалось, пылали и трещали, как высоковольтные провода. Но он же хотел сделать приятное своей новой знакомой, – утешал Степана внутренний голос.

– Ну чего ты так сконфузился, для дела и соврать можно, – словно читая мысли Степана, резюмировал Денис, тут же накинувшись с упреками на Машу: – Но ты-то, Маша, неужели не понимаешь, что делаешь. Степан врет, втюрился в тебя. А ты собралась отчалить неизвестно куда с двумя парнями: одного день знаешь, второго – две минуты. У тебя в голове-то шарики-ролики есть? Что с тобой случилось, может, перегрелась? Куда торопишься, тебя там впереди отец с матерью ждут? Или мы чуть позднее приедем, когда все снегом занесет? Ты же умная девчонка, сама нас учила не доверять случайным попутчикам.

– Перестань, Денис, – остановила возмущенного друга Маша. – Спасибо, Степан, я тебе так благодарна, очень надеюсь на твою помощь в дороге.

– Маша, ты чего? – хрипло закричал Денис. – Никуда я тебя не отпущу! Не приведи Господь, что-нибудь случится с тобой, что мне сказать твоим родителям? Нет, не отпущу. И не спорь!

– Но я же не крепостная у тебя, – высокомерно парировала девушка.

– Конечно, не крепостная, однако ответ перед твоими родителями мне держать.

– Маша и Денис, – вмешался Степан, – я клянусь вам,

что буду верным другом и смелым защитником от любых непредвиденных обстоятельств. Маша ведь не виновата, что путешествие сорвалось, а здесь такая удача ей представилась. Я очень хочу, чтобы она увидела таежные красоты, ту Сибирь, где, можно сказать, не ступала нога туриста. Обещаю – все будет хорошо.

– Ну, вот видишь, Денис, – умиrotворенно улыбнулась Маша.

– Хватит, Денис, обо мне страсти рассказывать и пугать Машу, лучше давайте дойдем засветло до Спасской башни и Казанской церкви, а то ведь и вспомнить будет нечего, – вышел из неловкой ситуации Степан.

Башня загромождила собой половину улицы. Проездные ворота уже лет сто как не стали нужны, и проемы были забиты досками, некоторые доски кто-то отодрал, наверное, как водится, сельские мальчишки облюбовали здесь себе тайное пристанище. Денис грустно погладил угол башни и, не глядя на разозливших его приятелей, начал говорить:

– Дорогие мои, вы стоите возле памятника семнадцатого века, Спасская башня была срублена в лапу. А это значит, без выступающих по отношению к наружной плоскости стены концов бревен. Это чтобы углы были гладки и неудобны для влезания неприятеля. Да и непогода в меньшей степени угрожала бревнам, сырость не проникала. В верхней части башни имелась выступающая над стенами часть. В старину эту часть называли облом.

Денис наморщил лоб, как будто что-то вспоминая, заметно сосредоточился и продолжил, помогая правой рукой как указкой разъяснять конструкцию башни:

– Стенки облома поставлены на выпущенные наружу концы верхних бревен основного сруба, так что между стенками облома и стенками башни образовывались бойницы. Через них защитники острога могли поражать врага, подошедшего вплотную к стене, стрелять в него, лить кипяток, бросать камни.

– Ну ты, Денис, и умный! Я много раз здесь бывал и то не знаю таких тонкостей.

– А книги на что, Степан, мы ведь готовились к путешествию. Правда, Маша?

– Ой, Денис, не бахвалься своими знаниями, пожалуйста.

– Не буду, не буду. Только два слова добавлю. Спасская проезжая башня Илимского острога – единственная в России башня с часовнями «на свесе». Уникальное решение. Сильно это утешало защитников, знавших, что Господь и Божия Матерь, и все их любимые святые – рядом, помогают в битве с врагом.

– А где тут свесы, Денис? – прервал монолог Дениса Степан.

– Вон, смотрите, балкончик выступает, там иконы были установлены. Это и есть свес.

– Жаль, что ты с нами не поедешь, наверное, о каждом селе и деревне все знаешь.

– Не все, конечно, знаю, но есть кое-какие знания. Учение мне не в тягость, а в радость.

– Ну, если вы все так много знаете, зачем путешествовать?

– Ой, Степан, вопрос, у которого один ответ: «Теория без практики – мертва, практика без теории – слепа». Это сказал великий Суворов, генералиссимус, не проигравший ни одного сражения. Знаешь о таком? Так и нам надо ставить важные цели и задачи, если хотим чего-то добиться в жизни.

– Как это? – Степан внимательно посмотрел в глаза своего нового, такого необычного друга.

– Да так вот. Раньше путешествия в той или иной степени носили прагматический характер. Люди открывали новые земли для своих держав, прокладывали новые пути, искали новые товары, устанавливали дипломатические связи. Сегодня, пожалуй, на нашей планете осталось крайне мало мест, куда хотя бы раз не ступала нога человека. Люди прошли по всему «шарику». И все-таки манит современного человека путешествие! Что-то заставляет уйти из дома, оставить уют, любимые вещи и занятия.

Денис театрально огляделся окрест, затем уставился в небо, обхватил голову руками и продолжил с непререкаемой интонацией:

– Ну, во-первых, испытать себя, пройдя экстремальным маршрутом, можно с гордостью сказать самому себе: я смог сделать это. Какое же это счастье – видеть вживую восход солнца, вечное величие природы. Никакая съемочная техни-

ка не даст этого ощущения. А посмотреть, как живут другие народы? Или как живет деревенская семья, работает кузнец, как выглядит школа в небольшом селе? Много скрытого от глаза кино- и фотокамеры может увидеть путешественник своими глазами.

Казалось, Денис впал в такой пафос, что сейчас заговорит стихами.

Маша замахала руками:

– Все, все. Остановись, Денис. Ты нас перепутал с группой студентов. Пошли, ребята, отдыхать. Денис, остановись, – настойчиво повторила девушка. – Посреди тайги, вблизи вечного Илима слушать реферат по истории края не имеет смысла.

Степану нравилось то, о чем говорил Денис, он бы еще послушал, но перечить Маше не стал.

Молодым людям постелили на широких нарах в сенном сарае. Уснули быстро. Спали как убитые. Если бы не Маша, с трудом растолкавшая друзей не очень ранним утром, проспали бы сутки. Никаких петухов, конечно, они не слышали, ни тех, что первые встречают рассвет громкими модуляциями своего звонкого голоса, ни настойчивого окрика вторых, ни даже хриплых потуг третьих.

Позавтракали и собрались быстро. Навестили Жанну. Ей стало лучше. Врачи разрешили ребятам вместе с больной выйти на крыльцо больницы, оттуда было видно, как Володишина лодка, только что вернувшаяся, готова вновь отча-

лить от пристани. Трое увлеченных путников поспешили к реке. Володиша увидев их, проговорил с нарочито важной хрипотцой:

– А я уж подумал, вас нет.

– Не хочешь брать, что ли?

– Перестань, Степан, не хотел бы – не взял. Дай чуть передохну, чайку попью.

– Тебе чай принести?

– Чего его нести? Вот термос, еще и тебе хватит.

– Извини.

Маша и Денис о чем-то советовались в стороне.

На их лицах не было ни вчерашнего непонимания, ни огорчения от грядущей разлуки. Будто все встало на свои места, и путешествие уже казалось не случайностью, а закономерностью.

– Ну садитесь, попутчики, – властно скомандовал Володиша, – давайте мне ваши вещи, я их положу на корме в боковые диваны, которые по-старинке называются рундуки.

– Лодка-то какая необычная. Прямо корабль.

– Да, удобная лодка, она ведь используется как патрульное судно.

– Ничего себе, какие «Казánки» стали делать!?

– Обижаешь, Степа, это не «Казánка». Если марка интересует, то ее «Сарепта» кличут. При двух моторах «Вихрь» она развивает скорость до сорока шести километров в час. Иначе с моими подопечными не сладишь, – усмехнулся ло-

вещ браконьеров.

– В этой мотолодке много чего накручено. Заинтересует, по дороге расскажу.

От причала Володиша умело оттолкнулся небольшим веслом. Лодку сразу схватило и понесло течение. С Денисом даже попрощаться как следует не успели. Так он и остался с поднятой рукой на фоне почерневших от времени домов с серыми шиферными крышами, затопленными лавницами вблизи хозяйских огородов, разделенных корявыми жердями. Степан с огорчением понимал, что эта, неизвестная жизнь сибирской глубинки, оказалась Денису, как будущему историку, интереснее путешествия в таежные дебри.

Володиша, Степа и Килька

От философских размышлений Степана отвлекло болезненное дробное постукивание мотора. Володиша заправски что-то поддернул, подкрутил, мотор поутих, гул его поздоровел, стал равномерным, убаюкивающим. Серпантин поворотов лодка преодолевала плавно и легко, как конькобежец-чемпион ледяную дистанцию. Но скучать не приходилось: за каждым поворотом открывался новый, прекрасный пейзаж. Удивительно, но однообразие впечатлений не было. Да и как оно могло быть здесь, где всеми оттенками серебра выстелила путникам дорогу река, а прибрежные сосны и ели плескали навстречу путешественникам охапки солнеч-

ных лучей, которые исполинские деревья ловили в небе своими поднебесными макушками.

Маша, щурясь от солнца, восхищенно смотрела по сторонам, а Степан вглядывался в кристально чистую воду реки, на дне которой просматривался каждый камушек, покачивающиеся водоросли казались потусторонним, мнимым лесом со своими законами бытия. Степану вспомнилось детство: так же, когда переплывали в лодках Илим, мальчишки любили уткнуться носами в воду и, свесившись за борт, рассматривать фантастический подводный мир.

За очередным поворотом Володиша направил лодку к берегу.

– Передохнем здесь, заодно перекусим.

Вышли на полянку, у кострища лежали кем-то заботливо приготовленные для них дрова. Святое таежное правило – позаботиться о следом идущих так же, как впереди идущие позаботились о тебе. Многих от смерти спасал этот вековой завет.

– Чему удивляться, кто-то собрал для нас, да и я тут бываю в неделю раз, тоже заготавливаю дрова для костра, – безразлично отмахнулся Володиша на удивленное восклицание Степана.

За чаем Степан задал бывшему однокласснику мучивший его вопрос:

– Ты как рыбинспектором-то стал?

– Экая трудность рыбинспектором стать, трудно им быть,

Степан. Когда ты уехал в техникум, и я из школы ушел, решил работать в колхозе. Поработал всюду, куда пошлют, потом сел на трактор. Я же старше тебя на два года, учился в одном классе с младшими из-за болезни. На тракторе год оттарабанил, в армию забрали. Попал в десантники. Дядю моего, Назара Яковлевича, ты помнишь?

– Конечно.

– Он тогда работал рыбинспектором, аккурат, к концу моей службы его браконьеры, похоже, залетные, подломили, инвалидом сделали, рука до сих пор не сгибается.

– Стреляли?

– Да нет, палкой сухожилие перебили. Когда я пришел из армии, дядя с отцом на эту работу и меня устроили. Да и выбора не было. Или колхоз, или... Вот и выбрал приключения на свою голову.

– Но на рыбинспектора надо ведь учиться.

– Формально надо.

– Как это – формально?

– На должность рыбинспектора принимают здорового человека, прошедшего службу в армии и имеющего среднее или высшее образование по специальности «рыбоводство». Службу я прошел, как раз по теме, пообещал, что поступлю в техникум. Да и конкурентов у меня не было. Кто пойдет на эту собачью должность?

– А что за должность у тебя, Володиша? Что ты делаешь?

– Катаюсь по реке.

– Ладно тебе, катаются по реке на свои денежки, а не на государственные.

– Хорошо, Степа, хоть ты это понимаешь. Участки за рыбинспекторами не закреплены, мы работаем там, где проживаем. У меня это Илим, все реки, которые в него впадают, и район Ангары при впадении в нее Илима. Наша обязанность – следить за соблюдением водоохранных зон, чтобы технику леспромхозы не ставили по берегам. Рыбная ловля у нас разрешена круглый год, ограничения вводятся в нерестовый период, который длится месяца полтора-два. В это время разрешена только рыбалка с берега на поплавок. Да чего перечислять, обязанностей столько, что сутками работай – не справишься.

– Ты хоть женился?

– Да, в прошлом году.

– Кто она, я-то ее знаю?

– Так она наша, Валька Гешина.

– Валька Гешина! Неужели? Я ее помню малявкой.

– Малявка была, когда ты жил в деревне, а в прошлом году исполнилось восемнадцать. Вот сколько твоей красавице? – указал он на Машу, которая, глядя на костер, прислушивалась к разговору.

Степан растерянно хмыкнул, девушка пришла на помощь:

– Осенью двадцать будет, – ответила она, кокетливо подернув плечиком.

– Ну, вот видишь, моя Валюха чуть помладше. Хватит, все

обо мне да обо мне. Ты как?

– Даже и не знаю, что рассказывать. Я уже говорил тебе, что в Хребтовой на практике, в декабре диплом защищать буду, а потом приеду сюда работать постоянно.

– В армии был?

– Да нет, Володиша, не был, работа на трассе к армейской приравнивается.

– Что – такие сложности?

– Спецов не хватает. Правда, если захотят забрать, заберут и с трассы.

– Ну ладно, Степа, потрепались и хватит. Отойдем в сторону: сказать тебе что-то хочу.

– А чего тут не говоришь?

– Ну, может быть, это такое, о чем женским ушам не следует слышать.

– Ну ты, Володиша, удивляешь меня.

– Такой вот я, – обняв Степана, приятель подвел его к самой воде и заговорил, понизив громкость голоса: – Сейчас мы на мысе сидим, а дальше Илим делает изгиб и делится на два рукава. У коренного берега, где проходит судовой ход, в него речка впадает. Речка – громко сказано, так себе, больше на ручей похожа. Недаром Россохой зовут.

– Чего ты так подробно рассказываешь?

– Когда шел в Илимск, в устье ручья людей видел. Что-то они мне не понравились. Завидев мою лодку, под кустом спрятались.

– Так тебя все боятся.

– Все, да не все. Тогда я пристал к берегу, а сетей не заметил, покричал, но никто не откликнулся. Подумал, что просто ребятня, мне с ней в догонялки играть не с руки.

– А чего сейчас о них вспомнил? Думаешь, два дня они тебя здесь поджидают?

– Ой, Степа, ничего я не думаю. В Илимске мне передали сообщение, что из исправительной колонии сбежали четверо заключенных. Один из них наш земляк Юрка Прохоров.

– Кто?

– Юрка Прохоров. Мы его в классе «Килькой» звали, помнишь?

– «Кильку» помню, а что он Прохоров, из памяти как-то вылетело.

– Банда сбежала что надо: трое сроки получили за убийство, наш землячок – за разбой и грабеж. Отморозки, им терять нечего.

– А тебе зачем на них нарываться?

– Не я, так кто-нибудь другой с ними встретится, только знать не будет, что за люди.

– Наверное, уже всем сообщили по радио и в газетах.

– А то ты наших людей не знаешь. Разве кто слушает радио? А газеты на самокрутки приберегают.

– Ты об этом мне хотел сказать?

– Да погоди ты, не торопись. Я пойти-то пошел, но кто этих ребят знает, тем более что у них на уме? Так вот, если

они там, мне, возможно, придется в разборки вступить.

– Ты чего, охренел, Володиша, какие разборки? Наверняка у них оружие. Пришьют, и ойкнуть не успеешь.

– Чего-то успею, не зря в десанниках служил. Твоя, Степа, задача – быть готовым. Сидеть в лодке, на берег ни-ни-ни. В случае чего заводи мотор и вперед.

– Куда я без тебя? Ты мне указания даешь, как будто я безрукий. Помнишь, в школе в секцию бокса вместе ходили?

– Помню, и что из этого?

– После того я уже кандидат в мастера спорта, чемпион области в среднем весе, как-никак.

– Ну и что?

– Ничего. Пусть попробуют, в отключку уйдут сразу.

– Хорошо, герой. Я беру ракетницу, если со мной все нормально будет, увидишь ракету, плыви ко мне. Если не просигналю, часа через три дуй на катере в деревню Березники и сообщай о ситуации. Да, рядом с мотором в бардачке – бинокль. Ну, не поминай лихом.

Степан подошел к Маше, взглянув на нее, смущено покраснел.

– А куда твой друг пошел, Степа?

– За мыс. Хочет за браконьерами понаблюдать. Давай перенесем вещи в катер, и я прошу тебя, – ты из укрытия не выходи. И еще: умеешь заводить мотор?

– Нет, но если ты покажешь, я быстро соображу.

– Тут, Маша, знать нужно, а не соображать.

Они быстро перенесли вещи, подготовили катер к отплытию, Маша попробовала завести мотор, у нее все получилось.

– Степан, а зачем мне нужно заводить мотор?

– Да так, на всякий случай.

– Нет уж, рассказывай, я полупонамеки не понимаю.

– Маша, что тут рассказывать, Володиша, возможно, в бандитское логово пошел, а вдруг что-то не так сложится, бандиты могут и сюда пожаловать.

– Кто пожаловать?

– Знать бы мне, кто к нам может пожаловать.

– Неужели так все серьезно, Степан?

– Поверь мне, Маша, я впервые в такой ситуации, потому отношусь к этому серьезно и тебя прошу быть внимательной и осторожной.

Они замолчали. Вода в Илеме, казалось, стала темнее и гуще, лес в округе посуровел. Насупились облака. Солнце уже клонилось по небосклону к горизонту, его лучи стали короткими и не ласковыми. Новые реалии дня заставляли тревожиться и утепляться.

– Маша, надень куртку. Нет, не накинь, а надень. В рукава! – приказал Степан.

– А ты как же?

– Я нормально, ты за меня не беспокойся. Вон на носу лодки Володишин плащ, будет совсем холодно, утеплюсь.

Поразмыслив, недолго помолчав, Степан изрек:

– Странно все это.

– Что, Степан?

– Побёги, заключенные. Сколько здесь прожил, ни разу не видел ни лагеря, ни колючих проволок, о побегах и говорить нечего. Зачем бежать в тайгу, по-моему, это край света. Летом в тайге еще можно продержаться. Зимой – погибель. Охотники, другое дело, однако, и они без близкой деревни, без людей в лесу долго не протянут. Есть, наверное, особенные люди, которые в тайге отважатся приют найти и выживут, но думаю, это величайшая редкость.

– А как же наши предки выживали, Степан?

– Предкам, конечно, трудно было, но они ведь не в одиночку выживали, а семьями, деревнями выживали, то есть в «миру» жили.

– В каком «миру»?

– Ну был у них, хоть и далеко, Царь-батюшка, губернатор, были воеводы, приказчики, люди в соседних поселениях. Все, как сегодня, только поселения друг от друга далеко располагались.

– А ты был в тайге, Степан, на охоте или рыбалке?

– Таежных рыбалок не помню, хотя для кого Илим, Ангара и другие реки – тайга. Охотиться не довелось, правда, основные таежные правила знаю.

– А какие это такие правила?

– Первое правило: в тайге без нужды и каких-либо крайних обстоятельств пересекаться с незнакомцами не стоит,

люди разные, и идти на контакт ни с кем нельзя. Ведь встречаются даже не беглые зеки, а просто пьяные охотники-шалопайи, что сдуру могут перепутать тебя со зверем и пальнут на звук или движение. Могут и самострел поставить. Идя по тайге, нужно знать беспрекословное правило: я замечаю, вижу и слышу все – меня никто. Хотя из него есть исключение: иногда нужно, чтобы заметили твоё движение. Особенно это имеет значение в начале лета, когда надо дать возможность зверю почуять приближение человека, чтобы животное заранее уступило дорогу сильнейшему в природе.

– Странно.

– Чего тут странного?

– Но вы же охотиться идёте.

– Вот именно иду. Когда приду в ухажья, там другие методы применять надо, а пока нужно, чтобы внезапно не столкнуться нос к носу, например, с медведицей и её медвежатами. Тут всякое может быть, поскольку медвежата, как и малые котята рыси, щенята волка, любопытны и не так пугливы и осторожны, как их родители, и, приближаясь к человеку, могут спровоцировать нападение взрослого животного, защищающего своё потомство. Правил много, будет время, расскажу о других, а сейчас я слышу, что к нам кто-то идёт. Неужели незваный гость?

– Может, это Володиша?

– Нет и, судя по треску веток, идёт напролом. Маша, когда я тебе крикну, оттолкнись шестом и быстрее уходи в лодке

на середину реки.

– А ты?

– Я останусь, не беспокойся за меня. Но это сделаешь только по моей команде.

– Хорошо, Степан.

– Ни под каким предлогом из лодки не выходи, Маша! Приказываю! – уже шепотом добавил Степан.

Молодой человек бесстрашно подошел к кострищу, сел на чурбан. Из леса, громко сопя, вышел мужчина. Высокий, с клочковатой бородой, в резиновых сапогах, грязной зековской шапочке, короткой телогрейке, подпоясанной солдатским ремнем. Ремень делил туловище надвое. Верх казался непомерно вздутым – это телогрейка вздернулась к плечам, намокшие от росы штаны облепили кривые ноги. Лица за неопрятной бородой почти не было видно, но злые глаза сверкали непримиримой ненавистью. Вызывающе оглядев Степана, незнакомец довольно спокойно, казалось, с облегчением сказал:

– Так и знал, что катер рыбоохраны. Хорошо. Наконец-то, а то ноги уже не держат. – Помолчав, добавил: – Ты кто?

– Степан.

– Чего-то я тебя не видал здесь.

– И я тебя тоже.

– Посмотрите на него, какой говорун. А где Володька Куклин?

– В Илимске.

– Хватит придумывать, лодка здесь, а он в Илимске? Чего строчишь?

– То и строчу, что слышишь.

– Заткнись, пока по зубам не получил.

В это время Маша оказалась на корме лодки.

– О, – омерзительно завопил зек, – кто это? Ну-ка, ну-ка, дай-ка поглядеть.

Он в два прыжка подскочил к воде, намереваясь прыгнуть в катер.

– Маша, уходи, – успел крикнуть Степан.

Девушка веслом оттолкнула лодку от берега.

– Прикажи ей, чтобы подала лодку сюда, – угрожающе сплюнув, рыкнул бандит.

– Перебьешься.

– Чего ты сказал?

– Повторить?

– Ах ты, сучара! А я-то хотел с тобой по-хорошему обойтись. – Бандит отстегнул солдатский ремень и достал из-за пояса пистолет, зачем-то дунув в ствол. Потом, не прицеливаясь, выстрелил Степану под ноги. Пуля вырвала клочки земли, обсыпавшей Степана.

– Ну что, давай телке команду, а то ни тебя, ни ее в живых не оставлю.

Степан, несколько секунд глядя в лицо бандита, заметил неестественно высокие надбровные дуги, раскосые, святающиеся адским огнем глаза, косой, избитый в жестоких дра-

ках нос, тонкие синюшные губы.

– Чего ты смотришь на меня, гад? Чего разглядываешь? – заревел в ненависти бандит.

– То и смотрю, что не изменился ты, Килька.

От неожиданности беглый растерялся. Откуда парень знает его детскую кличку? Рука с пистолетом непроизвольно опустилась, зек вплотную приблизился к таинственному незнакомцу, взглядываясь в него, как будто хотел навалиться на молодого человека всей своей телесной мощью. Для фокусировки зрения Килька на мгновение наклонил голову, этого мгновения хватило, чтобы Степан нанес сильнейший снизу-вверх удар в челюсть противника. Удар был сногсшибательным, боксерским нокаутом. Килька вначале упал на колени, затем завалился на бок, пистолет выпал из его рук. Степан, отшвырнув ногой пистолет, навалился на бандита, махнул Маше, чтобы та подплыла. Пока мужик был в кратковременной отключке, Степан заломил его руки за спину. Подоспевшая Маша подала свой платок, которым удалось крепко связать кисти рук.

Постепенно Килька стал приходить в сознание. Тщетно пытаясь высвободиться, он осознал ситуацию и по-звериному завыл. Степан перевалил громилу на спину. Бандит, как пойманный волк, смотрел на победителя желтыми ненавидящими глазами, выражавшими столько чувств, что невозможно было определить главное – презрение, ужас, мольбу, надежду, ненависть.

– Отпусти меня, я уйду и не трону вас, отпусти, – громко завыл беглый зек. Он снова задержался, пытаясь высвободить руки, стал изворачиваться, ударять ногами и головой об землю.

– От...пу...сти, су...ка, – долгим эхом раскатилось над сумеречной тайгой.

– Помолчи, Юрка, ты уж свое отходил, – негромко и спокойно сказал Степан.

Услышав свое имя, стонающий мужик мгновенно затих, перевел затуманенный взгляд на своего победителя.

– Не могу тебя узнать, кто ты?

– Ну и хорошо, что не узнал, помучайся.

Маша принесла из лодки кусок крепкой бечевы, и Степан еще крепче связал руки незваного гостя. После этого поднял с земли пистолет.

– У, пистолет-то непростой.

Маша повернулась к Степану, удивленно взглянула на своего защитника.

– Почему непростой? Это пистолет Макарова. Он состоит на вооружении Министерства обороны и внутренних дел. Потому взять его можно только там.

– Следопыт хренов, – промычал бандит.

– Давай, поднимайся, – сурово приказал Степан, помогая развалившемуся злодею встать.

– Куда ты меня?

– Как куда, в лодку, ты же туда хотел.

– Нет, не пойду.

– Не дури, Юрка, получишь в челюсть, ты мой удар уже знаешь.

– Знаю, но не пойду. – Он упал на колени, потом как гусеница вытянулся всем телом по земле, опять завыл и стал грязно ругаться. Степан схватил его за волосы, приподнял голову и занес руку для удара.

– Вставай, а то прибью.

– Да убей ты меня, никуда я не пойду.

– Убивать не будем, мы же не такие, как ты и твои дружки.

Не пойдешь к лодке, понесу сам.

Наклонившись, Степан изловчился, взвалил преступника на плечо и, широко расставляя ноги, понес к катеру. Словно куль с зерном, сбросил в нос лодки и привязал тросом от якоря.

– Это чтобы ты шутики больше не выкидывал, искупаться из-за тебя еще не хватало.

Степан взял у Маши весло и стал выталкивать лодку на стремнину, девушка была рядом, она молчала, был слышен стук ее зубов, бедняжку трясло не только от холода.

Степан накинул на подругу телогрейку, погладил ее по плечу, и она, прижавшись к нему всем телом, вдруг заплакала как ребенок.

– Маша, успокойся, все хорошо. Мы победили.

– Да, да, Степан, извини, это я переволновалась. Я тоже сильная и смелая. Вот только сегодня что-то расстроилась.

– Конечно, родная, ты сильная, смелая, любимая. – Степан крепко обнял Машу и погладил ее по голове с особым чувством нежности, которое никогда прежде не испытывал.

Лодку в свободном дрейфе стало сносить к противоположному берегу. Степан, укутав Машу плащом, легко прошел в корму, завел мотор, тот громко затараторил, словно устал от долгого молчания, густые клубы дыма поплыли над водой. Катерок, гордо приподняв нос, немного припадая на один бок под тяжестью превратившегося в кучу зла Юрки Прохорова, плавно обогнул мыс и вошел в излучину реки. Ловко управляясь с мотором, Степан жестом позвал к себе Машу и сказал ей на ухо:

– Маша, достань в рюкзаке термос с чаем и попей, тебе станет легче.

Девушка хотела в первый момент отмахнуться, но, увидев лучистый взгляд Степана, согласно кивнула головой и подтащила к себе рюкзак.

– Степан, Степан! – вдруг радостно закричала она. – Это, кажется, ракета!

– Где?

– Вон, вон, посмотри. – Маша обхватила своими ладонями голову друга, прижала к своей груди и вместе с ним повернулась в указанном направлении. Яркая зеленая звезда сияла на темнеющем небосклоне, радостно и точно отмечая местоположение Володиши.

– Да, это Володиша! Значит, и у него все хорошо. – Сте-

пан вытащил из бардачка бинокль, панорамно осмотрел берег и очень скоро, на середине песчаной косы, у втекающей в Илим речки увидел школьного друга. Направил лодку в его сторону.

Катер, летя по инерции, резко уткнулся носом в песчаный берег. Но догнавшая его волна зацепила корму цепкой лапой и потащила его обратно. Однако Володиша, ухватившись за носовой рым, успел вскочить в лодку, так что разыгравшейся реке не удалось позабавиться с суденышком.

– А это кто у нас в гостях? – кивнул хозяин катера на привязанного к носовой палубе громилу.

– Посмотри внимательно, может, узнаешь одноклассника, – весело ответил Степан.

Рыбинспектор брезгливо посмотрел на мужика.

– Да, зарос, как старый дед. Вот что значит тайга, таким видом взрослого напугать можно, а уж о детях и говорить не приходится. Эх, Юра, Юра, до чего ты дожил, а помнишь, о чем мы вместе мечтали, когда шли по таежным тропам в Большую Елань к твоему отцу. Ну чего молчишь, сказать нечего? Ладно, подвинься немного, рядом положу твоего другана, теплее вам станет, да и на виду вы здесь оба будете.

Володиша выпрыгнул из лодки и из-за кустов вывел мужика с синюшным лицом и завязанными за спину руками.

Степан помог упаковать и второго бандита.

– А где еще двое, Володиша?

– Да, похоже, ушли раньше, где и когда, кто знает. Что им тут делать? Это Юрку на родину потянуло, а напарнику все равно с кем идти.

– Ну что, поплывем с Богом?

– Нет, Степа, нагрузились прилично, давай поставим второй мотор.

– А бензина хватит?

– Хватит. Давай я лодку вдоль берега поставлю, ты поддержи ее, мне движок легче будет закрепить.

Поднялась Маша.

– Может, и я помогу.

– Ух, красавица, наконец-то голос услышал. Ангельский. Нет уж, сиди, мы на тебя любоваться будем. Великая нам от тебя в том подмога будет.

– Володиша, ну зачем ты так, – ревниво выговорил Степан.

– Ладно, я пошутил, – засмеялся Володиша, – держи, Степа, держи лодку крепче.

Чувствовалось, что для приятеля такая работа привычна. Быстро и умело установив второй мотор, он оттолкнул катер от берега, взревели громкоголосые моторные «Вихри», и шустрой летучей рыбкой полетел катер над извилистой рекой, обдавая разгоряченных работой и волнением ребят живительными обжигающими брызгами влаги и веселым ветром, напоенным сложным таежным благоуханием.

Самая лучшая песня

Милиционеры встретили катер на причале и забрали измученных собственной злобой и бессилием бандитов. Договорились, что завтра с утра Володиша заскочит в райотдел и напишет все, что положено в таких случаях. Покончив с формальностями, героический страж водных богатств родины с легким сердцем воскликнул:

– Ну теперь вперед, ребята, к родному очагу! Заводи мотор!

– Ой, Володиша, родной очаг – это он для тебя родной, а для меня – родная деревня, – поправил друга Степан.

– Ну что, спорить будем? А Маша пусть мерзнет? – И Володиша, находясь в романтическом кураже, что есть силы дернул на себя шнур. Мотор взревел, катер, как молодой нетерпеливый конь, встал почти на дыбы, но, показав свою прыть, быстро опустился на воду и бережно понес путешественников к «родному очагу».

Волны равнобедренным треугольником расходились от носа к берегам, покачивая лавницы, лодки, забрызгивая нехитрую речную утварь, прикрепленную хозяевами к примитивным береговым сооружениям.

Володиша по-капитански серьезно подправлял руль, гордо поворачивал голову, высматривая на высоком берегу избы родной деревеньки. А они, выстроившись в ряд, казалось,

восторженно глядели на местного героя всеми своими окнами-очами, украшенными белыми резными наличниками. Ладные домики, составлявшие улицу, стояли близко друг к другу. Их сплоченный ряд со стороны реки казался неприступной крепостной стеной, а вся деревня – крепостью. Слева она была защищена Красным Яром – древней гранитной преградой, одолеть которую невозможно и в наши высокотехнологичные времена. Лишь с поскотины деревня оказывалась беззащитной, поэтому каждый хозяин с этой стороны делал высокий дощатый заплот, надеясь, что он оградит и от зверья, и от худого человека.

Катер привычно скользнул по деревянному настилу и на полкорпуса вылетел на берег.

– Ну вот и приехали. Степа, помогай высаживаться.

– Это чего вы так долго в райцентре задержались? – певиче спросила подошедшая молодая женщина.

– Вот моя Валя! Узнаешь, Степан? – восхищенно произнес Володиша.

Вглядываясь в красивое лицо юной женщины, Степан находил знакомые черточки, с трудом осознавая, что перед ним та маленькая соседская девочка, которую когда-то он видел каждый день и не принимал во внимание.

– Если б Володиша не сказал, что это Валя, ни в жизнь бы не узнал.

– А ты, Валюша, узнаешь?

– Неужели Степка? Боже мой, как возмужал. Степан, от-

куда? С женой? В гости? Надолго ль? Насовсем?

– Остановись, Валя, дай из катера выйти. Обо всем расскажу, ничего от тебя не утаю, – строго пресек вопросы жены муж.

– Пойдемте в дом, все готово: и банька, и стол, – взволнованно и заботливо щебетала молодая женщина. – Я давно заприметила катер, но подумала, что он на вечную стоянку у причала в райцентре встал. Уже собралась племянника отправить разузнать, что случилось.

– Да все нормально, груз милиции передавали.

– Милиции?

– Ей, родной. Хватит разговоров, пошли, – строго сказал Володиша.

Степан в разговоре не участвовал, сложное чувство сжимало его сердце. И радостно, и больно быть гостем в родной деревне, откуда уехал мальчишкой, а вернулся мужчиной, закаленным в сражениях с теоретическими выкладками и практической таежной наукой. И где нет уже твоего родного дома, и не осталось никого из родни. Чужаком почувствовал себя Степан.

Дверь в дом Володиши не закрывалась – гостей не считали. Кто-то садился за стол и расспрашивал Степана о жизни в городе, женщины, знавшие односельчанина с детства, обнимали, целовали по-матерински – кто в щеку, кто в макушку, удивляясь и богатырскому росту молодого человека, и красоте, унаследованной от матери.

Дарья Петровна, мать Володиши, поглядывая на Степана, утирая кончиком платка глаза, несколько раз повторила одну и ту же фразу:

– Вот бы мать твоя, Степа, дожила, как бы радовалась. Коли дожила – ах, как бы радовалась наша красавица, – и, безнадежно махнув рукой и смахнув слезу, утвердительно заключила: – Видно, на все воля Божия.

День был трудный, вечер выдался хоть и радостный, но шумный, мучительно многолюдный. Первой сдалась на милость сна Маша. Валя, заметив мучения девушки, потихоньку вышла, чтобы соорудить ей ночлег в чистой половине амбара, которая летом использовалась как покои для ребятни или молодых. Степан за прошедший день устал сильно и тоже рад был бы рухнуть в сено, но Володиша взбудрил его непререкаемым шепотом:

– Терпи, Степа, порядок такой, обидятся. Мы еще с тобой по деревне должны пройти, чтобы все на нас смогли посмотреть, чтобы было потом о чем сельчанам посудачить. Гости у нас не часто бывают. Ты разве не помнишь, что в любого гостя деревня вглядывается внимательно, радостно, а потом обсуждает и рост, и цвет волос, и что пьет, и что носит. Эта традиция вековые корни имеет. Так что терпи, коль к родине захотел прикоснуться.

Природа подбодрила двух друзей, зарядив дополнительной энергией, излучающейся от тайги, от реки, от неба. Даже солнце, казалось, замедлило свое, неминуемое в этот час

падение за Красный Яр и щедро озаряло путь плазменными сполохами своих еще горячих лучей.

Володиша и Степан в компании нескольких друзей зашагали по единственной деревенской улице. У каждого дома их останавливали односельчане, спрашивали Степана о жизни, разглядывали его городской костюм, иногда со смехом вспоминали его детские проказы, в которых, однако, принимали участие все друзья, идущие сейчас с ним по этой приветливой деревенской дороге, на которой он никогда уже не встретит своих родных. Опять защемило сердце, и Степан, словно вспомнив что-то неотложное, быстро проговорил:

– Володя, у меня к тебе просьба: подбрось меня завтра к сестре.

– Ну о чем ты говоришь, конечно. Как голову от подушки оторвешь, так сразу и полетим.

– А милиция?

– Не волнуйся, везде успею.

– Может, я с утра на могилку к матери, а...

– Ну вот, пока ты там, я в милицию успею, – закончил мысль Степана Володиша, заметно утишая голос. Подняв указательный палец в знак окончания разговора, он указал им куда-то вдаль. Туда, откуда лилась до слез знакомая, правильная, самая лучшая в мире песня.

Это, расположившись на высоком берегу, пели местные девчата. Их песня легко летела над Илимом, огибала подлесье, ударялась о глухую стену Красного Яра и уносилась в

дальнюю даль.

Степан не заметил, как стал подпевать. Он много раз слышал эту песню по радио, знал ее слова, но сейчас она звучала по-особому. Потому что это был голос и слова его сердца, наполненного любовью, нежностью и еще какими-то чувствами, о которых он прежде не знал.

«Жить без любви, быть может, просто, но как на свете без любви прожить»...

– Да, – вздохнул Степан и повторил про себя печально: – «...но как на свете без любви прожить».

А что такое любовь? Прежде он не думал об этом. Почему же сейчас так сладко у него на душе? Неужели от того, что она наполнена любовью? Но как такое может быть? Почему в один миг захлестнуло его неожиданное счастье? А может, он ошибается, и это томление связано с усталостью, с негой родных мест? Как узнать? Ни у кого не спросишь. Да и спрашивать о таком сокровенном нельзя, это он точно знал. И понял сегодня Степан, что на все эти сложные вопросы должен найти ответы сам.

Молодого человека охватила такая истома, что задрожали ноги, и он вынужден был присесть на попавшийся дощатый выступ какой-то старой ограды. Откинув голову, Степан блаженно прикрыл глаза, и сразу явилась она – ослепительно красивая, радостная, излучающая очами свет небес. А вокруг ее головы сияли звезды – это он точно видел: много звезд, Вселенная простиралась за ее спиной.

– Степан, ты чего, уснул что ли?

– Да нет, Володиша, хотя немного отдохнуть после такого насыщенного дня не мешало бы, – радостно солгал Степан, не открывая глаза.

Но ему уже не хотелось спать, ему хотелось рассматривать ее волосы, тонкие пальцы, поднося к губам каждый пальчик по очереди, чувствовать их благоухание, откликаться на трепетание ее тела, целовать ее лоб, щеки, медленно спускаясь к губам, и, коснувшись их, прильнуть к ним, горячим, желанным, отзывчивым, на всю свою жизнь.

– Так в чем дело, пошли.

– А как же ребята? – нарочито зевая, глухо откликнулся Степан.

– Ребята до первых петухов будут бродить, сначала кучками, потом парами. Забыл, как мы, будучи пацанами, мешали молодежи целоваться.

– Такое разве забудешь. Радостно смотреть на ребятню, что горячим табунком стоят вон там – у старой кривой сосны. Видишь? Они-то и являют новую жизнь, новое счастье. Все это повторяется от века к веку, закон жизни, которому никто не учит, – философски подытожил Степан.

– Этому не научишь. Это – любовь, – с интонацией опытного мастерового заключил Володиша. – Ну пошли, Степан.

А над Илимом, над деревней, над всем миром все еще разливалась девичья песня, заставляющая поверить, что горя нет, ночи нет, смерти нет. Есть только вечная Жизнь и

Горизонт без края

Сестру Степан отыскал в огороде. Пользуясь погожими днями, она собирала народившееся добро: морковь, свеклу, редьку и всякую другую зелень, которая неожиданно появляется невесть откуда в конце лета.

Увидев брата, женщина будто обомлела, не поверила своим глазам, прищурившись, присмотрелась и через мгновение уже бежала к нему, по-матерински раскинув руки.

– Степан, Степа, братик, родной! Долгожданный! Как же я давно тебя не видела!

Он тоже поспешил к ней навстречу. Обнялись крепко, горячо. Сестра не уставала повторять:

– Ласточка ты моя, солнышко! Степушка! Какой же ты молодец, что приехал!

– Мила, Мила, ну не надо, я же не маленький. Ты, кажется, не замечаешь, что я уже вырос. Неловко при народе такие нежности выказывать, – ласково упрекнул ее брат.

– Да я при всей деревне тебя солнышком назову, – восторженно проговорила сестра.

Степан подвел ее к Володише и Маше.

– Ну, Степан, знакомь меня с твоими друзьями, – проговорила Мила, раскрасневшаяся от радостного волнения.

– С Володишей-то тебя чего знакомить, ты его знаешь, мы

ведь вместе учились.

– Ну, это ты учился. Так это Назаровский значит парень? – всплеснула руками узнавшая его Мила.

– Он.

– Здравствуй, Володя, вот ты какой. Я слышала о тебе много хорошего, о твоей работе, конечно. Герой ты на всю округу.

– Спасибо, тетя Мила. Это не геройство – это моя работа, обязанность.

– Неужели я такая старая, что уже и для тебя тетей стала? – то ли шутливо, а скорее всерьез упрекнула Володищу молодая женщина.

Тот смутился и по-детски ответил вопросом на вопрос:

– Но не Милой же мне вас называть?

– Можно и Милой, – пококетничала она, – в том плохого ничего нет, мне в радость, будто и не минули долгие годы со дней моей юности. – Но, взглянув на красавицу Машу, посерьезнев, добавила: – А это твоя жена, Володя?

– Нет, – односложно ответил Володища, не желая продолжать тему.

Сестра вопросительно посмотрела на брата.

– Это Маша. Мы недавно познакомились, идем вместе почти с Хребтовой, – неуверенно, явно подбирая слова, пояснил Степан.

Маша пришла ему на помощь, очень кратко пояснив:

– Я шла с группой ребят из Усть-Кута, у одной девуш-

ки произошел вывих ноги, она со своим парнем осталась в Илимске, в больнице, а я напросилась со Степаном до райцентра, а потом и у вас уговорил он меня побывать. Я очень люблю путешествовать.

– Ну пойдете, дорогие мои, в дом, – ощутив неловкость своих расспросов, заключила сцену знакомства Мила.

– Я-то, пожалуй, поеду, – воспротивился приглашению застеснявшийся Володиша.

– Куда собрался, Володя? В кои-то веки встретились, и в дом не зайдешь? Нет уж, пойдём, а там будет видно.

– Хорошо, хорошо, Мила, конечно, я побуду с вами.

– А где Юра, сестренка?

– У него, как в доме работа, так неотложные дела находятся. Прибежит сейчас. Вы же на катере приехали?

– Да.

– Значит, скоро будет. Он же не знает, что ты приехал, подумает, что рыбинспекция к нам нагрянула.

Не успела Мила договорить, в калитке появился ее муж Юрий.

– Вот, легок на помине, всегда готовый отметить и радость, и поминки, – осуждающе усмехнулась жена.

Юра пропустил мимо ушей ее слова, увидев Степана, заулыбался ему, схватил дорогого гостя в свои сильные, широкие объятия, попытался приподнять его, как маленького, приговаривая:

– Ну, наконец-то, Степа, а то ведь ждем-ждем, а тебя не

дождаться.

Но попытка оторвать высоченного Степана от земли не удалась.

– Мужиком стал, – сделал Юрий очевидный вывод, – а раньше я тебя легонько вверх подбрасывал.

– Выпивать меньше надо, водочка она ведь силы забирает, – проворчала жена.

– Мила... – Юра посмотрел на нее осуждающе.

– Заходите все в дом, я мигом на стол соберу.

Маша зашла в сени первая и растерялась. Это было просторное помещение с одной большой металлической кроватью у окна. Рядом – стол, покрытый скатертью, расшитой по центру крупными васильками и ромашками, а на кайме гордо вышагивали друг за дружкой по всему периметру огненные петухи с ярко-желтыми гребешками.

Девушка вопросительно посмотрела на кровать, потом на Степана. Тот понял причину ее растерянности.

– Так это сени, а за перегородкой клеть. Летом здесь живут, в доме душно.

Маша смущенно улыбнулась, движением плеч давая понять, что ошиблась в своем предположении о месте ночлега.

– Извини, я ведь не часто бываю в деревенских домах.

– Ну что ты, Маша, вот вход в дом. – Степан по-хозяйски распахнул массивную дверь, пропуская девушку вперед.

Переступив высокий деревянный порог, гости вошли в главное помещение избы – это была большая квадратная за-

ла. В правом углу – сердце таежного жилища – большая русская печь. Все кирпичики были бережно и тщательно затерты глиной и побелены. Перед загнеткой печи – маленькая кухня, она отделялась от основного помещения легкой деревянной перегородкой. В небольшое по таежным законам окно вливался в достаточном количестве дневной свет.

По диагонали от печи, как и положено, между восточной и фасадной стенами, над столом, красовалась божница, заставляющая всех входящих в первую очередь обратить свои взгляды именно в этот угол и склонить головы пред иконами. Их, расположившихся на двух полочках, было не много. Образа обнимало длинное узкое домотканое полотенце с густой орнаментальной вышивкой на концах. Степан заметил, что на верхней полке сбоку отдельно лежала одна толстая книга, а рядом стопочкой еще какие-то тонкие брошюры, потрепанные, видно, много раз читанные.

Поклонившись красному углу – кто вольно, кто невольно, – гости уселись на длинную отполированную долгим использованием лавку, находящуюся вблизи окон, выходящих на улицу.

Володиша и Степан, взглянув в окна, залюбовались широким Илимом, который, как рушник над божницей, бережно своим водным нетканым полотном обнимал деревню. Как будто хотел защитить ее от невзгод и непогод.

– Наверное, здесь мелкогато, – перевел романтическое созерцание в прозу жизни будущий строитель, желая показать

и свою наблюдательность, и теоретический опыт. – Володиша, видишь, какой Илим широкий. При такой ширине глубин больших быть не может.

– Да я бы не сказал, – возразил друг. – Метра три точно будет. Здесь я на моторе прохожу спокойно, это в других местах мелководье, там приходится мотор приподнимать и идти на веслах.

– Что, и вверх по Илиму вручную?

– Бывают места, где даже шестом толкать приходится.

Профессиональный разговор приятелей прервал удивленный голос Маши.

– Степан, Володя! Подойдите же сюда. Ну скорее!

Молодые люди оглянулись: Мария стояла у божницы с иконой в руках.

– Что случилось, Маша? – взволнованно спросил подошедший к ней Степан.

Девушка протянула ему трехстворчатый складень:

– Откуда это у вас?

Степа ничего не мог ответить, только пожал плечами, потом позвал сестру, занятую приготовлением праздничного обеда.

– Мила, Мила, подойди сюда, – крикнул он в окно, выходящее во двор.

– Что такое? Что за спешка? Подождать не можете? – напевно откликнулась возбужденная заботами Мила.

Не дожидаясь, Маша сама вышла на улицу, неся на ладо-

нях как драгоценность икону. Девушка была явно встревожена и удивлена до такой степени, что не могла сформулировать свой вопрос точнее.

Людмила, Степан и все остальные ждали от нее пояснений по поводу так взволновавшего ее образа.

– Откуда эта икона у вас? – еле слышно промолвила Маша.

– Она всегда у нас была, и до нас была: у наших родителей, кажется, даже у их родителей тоже.

– Подождите! – Маша бережно, как бесценное сокровище, переложила икону на ладони Степану, а сама побежала в сени и принесла оттуда свой рюкзак. Порывшись в нем, извлекла кожаный мешочек, крепко затянутый шелковым шнурком. Дрожащими пальцами она с трудом развязала два тугих узла и достала складень, как две капли воды похожий на икону, которую Степан держал на вытянутых руках.

– Посмотрите! Посмотрите! – восклицала Маша, как маленькая девочка, рукой приглашая всех присоединиться к созерцанию этого радостного чуда.

– Да, как близнецы, – задумчиво произнес Степан.

Людмила поклонилась обоим иконам и перекрестилась.

– Чудеса, да и только, – вымолвил Володиша.

Юрий долго и внимательно разглядывал складни, то закрывая их, то опять разворачивая, старательно вглядывался в изображение, поднося к глазам то одну икону, то другую.

– Посмотрите-ка, тут что-то написано, – провел по тыль-

ной стороне пальцем Юрий, как подчеркнул. – А еще герб какой-то выцветший.

– Где, покажи? – через его плечо Степан тщетно пытался рассмотреть надпись.

– Юра, ты положи икону на лавку, в твоих руках ничего не видно, – с нетерпением приказал молодой человек.

– А много ль ты на лавке увидишь? Здесь через лупу надо смотреть.

– Через лупу, говоришь? Нет ничего проще, – усмехнулся Володиша и вытащил из кармана тканевый кисет, а из него – лупу небольшого диаметра.

– А ты всегда с лупой ходишь? – удивленно спросил Степан.

– Сначала посмотри через нее, может, прочитаешь начертанное, а потом любопытство проявляй, – подавая Степану лупу, самодовольно ответил Володиша.

– Так, так, – тянул Степан время, разглядывая еле заметные штрихи. – Первая буква «А», вторая «Л», третья – не пойму, вроде, по иностранному написано.

– Степан, дай мне посмотреть, – нетерпеливо попросила Маша, выхватывая лупу из рук друга. – Да! Я так и думала! – взглянув на отметины, победно воскликнула девушка. – Здесь написано – Алексей. И герб похож.

Воцарилось молчание. Все внимательно смотрели на Машу, как на капитана судна, попавшего в невероятное приключение.

– Это икона Алексея Ильича Чирикова.

Присутствующим такое заявление мало что прояснило. Они продолжали молчать.

– Неужели вы не знаете ничего про этого великого человека?

– Дорогая Маша, не задавай неразрешимых загадок, не уличай нас в незнании. Давайте все сядем за стол, и ты расскажешь нам и про икону, и про великого человека Чирикова, – рассудил Володиша.

– Правильно! Молодец! – сразу поддержала его Мила. – А то посередине двора говорим о том, чего не знаем.

Маша подчинилась, сложила оба складня и, прижав их к своей груди, пошла в дом.

– Мила, – зашептал как о сокровенном Степан, – а у нас то откуда эта икона?

– Сядем за стол, там и поговорим обо всем. А сейчас, брат, помоги мне – спустись в ледник, достань сала, грибов, огурцов малосольных, а я с картошкой уже заканчиваю.

Людмила с двумя помощниками Степаном и Юрой быстро накрыли на стол. На простой дощатый, отскобленный ножом добела стол она накинула хрустко накрахмаленную белую скатерть, особо торжественную, вышитую своими руками мережкой. К столу придвинули табуретки, в центр Юра взгромоздил бутыль самогона, а перед каждым гостем расставил по небольшой граненой стопке из простого с синеватым отливом стекла. Гости с восхищением глядели на немуд-

реную деревенскую снедь, загодя заготовленную хозяйкой и принесенную что из клетки, что из кути, забыв на время о своем происшествии.

Пить кроме Юры никто не пожелал, видя это, Людмила отодвинула стопку и от мужа, попытавшегося возразить жене. Но сдавшись под непреклонным выражением ее сердитых очей, он обреченно махнул рукой и, повернувшись к гостям, обиженно покачал головой.

Степану не терпелось услышать Машин рассказ, но сестра старательно потчевала гостей и просила, чтобы они не обижали ее и обязательно отведали и то, и то другое, и десятое кушанье.

Через некоторое время стол заметно опустел, Юра по привычке потянулся за послеобеденной папироской, однако, почуввав торжественность момента, не стал зажигать спичку: Маша начала говорить об Алексее Ильиче Чирикове.

– Алексей Ильич, выдающийся мореплаватель, один из первооткрывателей Северо-Западной Америки, капитан-командир.

– Вот это да! – восхищенно воскликнул Степан. – А на Илимe он как оказался?

– По этим местам проходила дорога на Тихий океан, и первая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга шла по этой дороге.

Девушка замолчала.

– Ну а дальше-то что?

– Это известная история, о ней написано много книг. Меня больше волнует судьба иконы. Почему она оказалась здесь?

– Может, он потерял ее, – неуместно предположил Степан.

– Не придумывай, – одернула Мила брата.

– А у тебя другая есть версия?

– Да, есть другая. Сколько я себя помню, эта икона всегда была с нами. Бабушка Степанида незадолго до своей смерти рассказала о ней. Мне трудно сейчас вспомнить точно, была я тогда девчонкой-пионеркой, и особого желания слушать про иконы не было. Запомнила, что какой-то знатный человек подарил нашему прапрапрадедушке Михаилу этот складень за спасение жизни. Тот барин тонул на Илиме у Качинской сопки, а наш далекий предок его спас.

– А где эта сопка? – заинтересовалась Маша.

– Да вот она, родимая, стоит и нас смотрит. Взгляни в окно, Машенька.

Степан одной своей ладошкой накрыл Машину руку, а другой – указал на Качинскую сопку.

– С тех самых пор, – продолжила Мила, отводя глаза от многоговорящего жеста брата, – эта икона передается в нашей семье по мужской линии.

– Выходит – она должна принадлежать мне! – после недолгого раздумья воскликнул Степан.

– Выходит.

– Тогда почему она у тебя?

– Ты же у нас атеист. Когда ты уезжал в Иркутск, я предложила тебе ее взять. А ты мне что сказал? Помнишь?

– Нет.

– А я помню. Ты сказал, что у меня не все в порядке с головой, раз про иконы говорю.

– Так и сказал, сестренка?

– Так и сказал. Да что теперь об этом вспоминать. Икона твоя, возьмешь в любое время. А вы Маша, какое имеете отношение к таким древностям?

Маша помолчала, собралась с мыслями. По тому, как дрожала прядь, выбившаяся из тугого пучка ее блестящих волос, было видно, что девушка волновалась не менее прежнего. И продолжила:

– Я из рода Чириковых. Алексей Ильич Чириков родился в небогатой дворянской семье в Тульской губернии. Когда он подрос, то есть достиг возраста десяти лет, отец отдал его на воспитание в семью своего брата Ивана Родионовича Чирикова, проживавшего в Москве. Раньше в благородных семьях с детьми долго не нянчились, они рано понимали свое предназначение – стать лучшими людьми России, людьми чести, верности и других высоких нравственных качеств. В дворянской среде было заведено – служить Родине, исполнять долг на воинской или гражданской службе, своим трудом способствовать благу России. Это был многовековой сословный закон. Рос и учился будущий знаменитый мо-

реход вместе со своим двоюродным братом Иваном. Обоих зачислили в созданную по указу Петра I «Школу математических и навигацких наук», образованную при Пушкарском приказе в 1701 году.

– Ничего себе, как давно это было, – заметил потрясенный Володиша.

Но Маша как будто не расслышала и продолжала:

– Это было первое в России артиллерийское, инженерное и морское училище, предтеча всей системы современного военного образования. Алексей Ильич выбрал морское поприще – он стал знаменитым представителем морского российского флота. Ему повезло: смолоду он стал помощником Витуса Беринга, за свою жизнь исследовал северо-западное побережье Северной Америки, северной части Тихого океана и северо-восточного побережья Азии.

– Про Беринга я что-то знаю, – решил показать свою эрудицию Степан. – Он организовал и возглавил 1-ю и 2-ю Камчатские экспедиции. Нам об этом на уроках географии рассказывали. Но мне и во сне бы не приснилось, что встречу с потомком его выдающегося помощника, да еще с таким красивым и умным, – пошутил Степан, озарив Машу влюбленным взглядом.

Но она, находясь в этот миг во временах стародавних, не заметила пристального внимания нового друга и продолжала рассказывать, глядя не по сторонам, а как будто в глубь себя. Там она, казалось, не блуждала, а уверенно шла по тропин-

кам семейной памяти, находилась во временах, отстоящие от сегодняшних на сотни лет.

– Вот тогда-то, перед отправкой в Навигацкую школу, дядя и заказал для каждого из братьев иконы-складни, чтобы Иисус Христос, Богоматерь и Иоанн Предтеча охраняли молодых людей на их трудном поприще. В Триптихе всегда изображали этих святых, составляющих малый Деисусный чин. Смысл композиции заключается в заступнической молитве за людей пред лицом Царя Небесного и строгого Судии. Интересно, что Богоматерь здесь представлена в непривычной иконографии – без Младенца, но со скипетром в руке. Такая икона называется «Всех скорбящих Радость». Скипетром Богородица подает указание ангелам, которые даруют обиженным заступление, нагим одеяние, больным исцеление, печальным утешение, голодным пропитание, хромым хождение, а морякам – спасение на водах.

Маша вздохнула, бережно взяла в руки одну из икон и продолжила объяснять:

– Складень – это миниатюрный переносной иконостас, трудоемкая, уникальная авторская работа, как сейчас бы сказали. Такого качества вещей делалось очень мало. Любая освященная икона, а тем более такой триптих, обладает защитной силой, способна незримо оберегать своего владельца, посылая ему Божию помощь в нужный час, мудрость, надежду. Вот такую семейную реликвию в день моего шестнадцатилетия бабушка подарила и мне. Это даже был не пода-

рок, это была передача семейной реликвии, требующей служения ей, особого внимания, хранения и обязательного бережения для потомков. Бабушка рассказала мне, что икона передавалась в нашей семье по женской линии, что именно этот складень принадлежал брату Алексея Чирикова – Ивану. Но ничего в семье не было известно об иконе Алексея Ильича. Невероятно, но она нашлась.

Маша задумалась и подправила свое заключение:

– Вернее, я почти уверена в этом, – поставив логическое ударение на слове «почти», то есть оставляя вероятностный процент ошибки.

Но Степан, ни минуты не сомневающийся в том, что его икона – та самая, чириковская, – несдержанно выкрикнул:

– Да какое тут может быть сомнение! Конечно, нашлась!

Остальные молчали. Потом, набожно перекрестившись и глубокомысленно вздохнув, Мила произнесла:

– Я тоже думаю, что это та самая икона. И мы со Степаном отдадим ее вам, раз она принадлежит вашей семье.

– Что вы, что вы, Мила, – замахала руками Маша. – Если Алексей Ильич подарил ее вашему предку, она ваша. Главное, я знаю, где она.

– Она – Степанова, – твердо сказала Мила. – Надеюсь, брат, что теперь ты от нее не откажешься. И станешь жить по ее законам.

Степан молча взял в руки старинный складень и, мечтательно задумавшись, накрыл своей ладонью.

Мила спохватилась, что остыло горячее кушанье, и настойчиво повелела гостям продолжить трапезу. Юрий понял, что настал подходящий момент, и тихонечко стал склонять Степана и Володишу отметить этот случай крепким напитком. Но непреклонная Мила, видя, что дело идет к выпивке, убрала со стола бутыль несмотря на обиженный взгляд мужа.

Молодежь еще долго обсуждала невероятное событие, потом все пошли провожать Володишу. Когда вернулись, Мила выделила Степану место на сеновале, а Маше для ночлега отдала самую лучшую кровать в доме – хозяйскую, попросив Степана помочь девушке расстелить ее. Молодого человека не надо было уговаривать, он с радостью исполнил нехитрое дело и потом предложил Маше выйти во двор, еще полюбоваться таежными звездами. Они, действительно, были огромные, близкие, казалось, жаркие, как разбрызганные капли солнца. Девушка явственно ощутила на своей щеке жар, не сразу сообразив, что он не от звезд, а от пылающей щеки Степана. Он крепко обнял Машу и приник к ней не то что всем своим телом, но сердцем, душой, всеми лучшими мыслями и стремлениями, какие только в нем существовали. Его губы Маша не оттолкнула.

На другой день ранним утром Маша и Степан на моторной лодке отправились к Качинской сопке, которая величественной доминантой над таежной глухоманью возвышалась не то что века – тысячелетия. Там была и тропа Алексея Чирикова.

Поднявшись на самую вершину, молодые люди почувствовали усталость. Они сели на поваленное дерево, блаженно вытянули ноги, которые оказались сильно поцарапанными кедровым стлаником. В него путники попали, свернув на минутку с проторенной горной тропы. Но боль не чувствовалась, казалось, насыщенный таежной благодатью запах, доносившийся из зарослей дикой черной смородины, и врачевал раны, и восстанавливал силы.

Маша долго отдыхать не смогла, вскочила первая и потянула Степана к площадке, откуда был виден Илим. Внизу, сплетаясь в пульсирующий узел, расходились ленточками реки, было видно, как много на них стариц и островов, до горизонта просматривался Илим. Маша впервые в жизни видела нехоженые места неоглядной хвойно-лиственной тайги. Степан рассказал ей, что в летние месяцы крестьяне ангарских деревень тащат вверх по течению реки свои лодки-дошаники, поднимаются на десятки петляющих верст к сенокосным угодьям, добираются в тихие рыбные места, не знающие ни выстрела, ни браконьерского взрыва.

Крестьяне, промысловики несколько веков осваивают богатства Илимских земель и лесов. Со времен первопроходцев здесь распахивали землю, охотились, заводили скот, а вечерами, при свете, идущем из жаркой печи, костяной иглой с тонкой жилой вместо нитки шили себе ичиги, бродни и другую обутку – самую надежную обувь в этих краях.

Степан еще много интересного рассказал Маше, но вдруг

говорить расхотелось. На него напала или усталость, или непонятная нега. Ведь Маша, любуясь пречистой, умиротворявшей спокойной водой Илима, стояла так близко. И была не понятна причина дрожания теплого воздуха, происходящего то ли от смены воздушных слоев, то ли от трепета Машиного сердца, взволнованного не только извечной, райской красотой Илимской долины, золотыми соснами в песчаных дюнах, но новым для нее, не унимающимся чувством любви. Маша сама обняла Степана и сказала:

– Теперь я знаю, что такое горизонт без края. И так хочется идти к нему и за него. Но не одной, а с любимым человеком. Но почему так кружится голова?

Отчего кружилась голова, было непонятно. Наверное, от тишины, которой Степан не позволил долго властвовать над ними и неожиданно даже для самого себя сказал:

– Маша, я не знаю, как буду жить без тебя дальше. А ведь наше расставание неизбежно, я понимаю. Понимаю и то, что я тебя люблю. И буду любить всю свою жизнь, как бы она ни сложилась.

Девушка высвободилась из объятий друга, улыбнулась и ему, и своим мыслям, и с горечью произнесла:

– Степа, дорогой, давай спускаться вниз.

Какое-то время путники шли молча. Потом молодой человек услышал голос подруги:

– Степа! – повторила, как выдохнула, девушка. – И ты мне нравишься. Очень. И я не знаю, что будет дальше. Но у каж-

дого из нас есть икона. Положимся на Божий промысел.

– Маша! Маша! – не дав ей договорить, задыхаясь от радости, закричал Степан. – Ма-шень-ка, – с нежностью выговорил он по слогам, чтобы растянуть удовольствие произнесения имени любимой женщины. – Как же хорошо, что мы встретились, вернее, свели нас пути неисповедимые.

Степан даже запнулся, произнеся последнее слово, которого никогда не было в его лексиконе. Откуда вдруг оно появилось? Наверное, из тех времен, к которым ему посчастливилось прикоснуться.

– Мне так радостно быть с тобой рядом, родная моя.

– И мне тоже, любимый.

Двое счастливых молодых людей, весело переговариваясь, шепча друг другу нежности и признания, возвращались с Качинской сопки в привычный, суровый, непредсказуемый мир, в котором надо крепко стоять и за свою любовь, и за жизнь, и за Родину. Степану и Марии в этом стоянии помогали предки, у влюбленных были небесные заступники и эти две, намоленные не одним поколением, иконы – святое наследство любви и веры.